ДЖЕНИН КАММИНС
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «АМЕРИКАНСКАЯ ГРЯЗЬ»
МОСТ В НЕБЕСА
ИСТОРИЯ УБИЙСТВА МОИХ СЕСТЕР
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ НАШЕЙ СЕМЬИ
Эта бескомпромиссная книга-воспоминание лишит вас покоя. — PEOPLE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этом документальном романе Джанин Камминс, автор всемирного бестселлера «Американская грязь», рассказывает о событиях апрельской ночи 1991 года в Сент-Луисе, когда две ее сестры и брат во время прогулки по мосту через Миссисипи подверглись жестокому нападению четверых подонков. В живых остался только брат, которого полиция тут же обвинила в убийстве любимых сестер.

Джанин Камминс тоже была в то время в Сент-Луисе, но осталась дома с другими членами семьи. Она была свидетелем всего произошедшего после, что делает повествование особенно пронзительным и реалистичным. Это рассказ о преступлении и его последствиях – предательстве, преследовании, сокрытии правды, извращении истины… Но прежде всего это рассказ о невероятном мужестве, стойкости и взаимной поддержке членов одной большой прекрасной семьи.

- Дженин Камминс
  -
  - Благодарности
  - От автора
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Послесловие
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Дженин Камминс
Мост в небеса

Посвящается Робин, моей родной, остроумной и лучшей подруге.

Посвящается Джулии, моему солнышку, моей музе и спасительнице.

Да наделит нас Господь силой и мудростью достаточной, чтобы воздать вам должное и восстановить этими страницами хоть толику справедливости.

Мы любим и вспоминаем вас каждый день.

Jeanine Cummins
A RIP IN HEAVEN

Copyright © 2004 by Jeanine Cummins
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

Published in the Russian language by arrangement with *Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC* and *Anna Jarota Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022
Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2022

Благодарности

Без помощи некоторых людей эта книга, без преувеличения, могла и не выйти в свет. От всего сердца огромное им спасибо.

Всем моим друзьям, коллегам, всем членам большой нью-йоркской семьи и просто славным ребятам – за то, что не давали унывать и поддерживали во мне душевное равновесие.

Дэну Слэйтеру – за мудрость, удивительную в столь юном возрасте. Твои тепло и моральная поддержка помогли мне больше, чем ты думаешь. Каре и Клэр – за то, что увидели будущую книгу в путаном черновике.

И еще Лоре – за гениальность, превратившую этот черновик в нечто, чем я искренне могу гордиться. Ты помогла мне понять многое из того, чего я сама никогда не поняла бы и не приняла.

Фрэнку Карлсону, Фрэнку Фаббри и Нельсу Моссу – за то, что нашли время прочитать рукопись и дали мне несколько бесценных (и не только юридических) советов. Но главное – спасибо вам за все, что вы сделали для моего брата.

Никки – за лучшую в мире скорую психологическую помощь на дому. (И Ноэлю – за то, что в перерывах между нашими сеансами вытаскивал ее куда-нибудь, давая мне возможность работать над книгой.)

Эвелин – за то, что раз за разом вынимала меня из петли, несмотря на разделяющий нас океан.

Джо – за то, что выбил из меня безделье. Ты – моя самая надежная опора.

Чудаковатым фанатам Круглого Стола – Антону и Кэролин, за то, что научили меня быть одновременно скромной и гордой. Без вас двоих этой книге почти наверняка не суждено было бы увидеть свет, как и без меня самой. (Ладно, пожалуй без «почти».) Серьезно – без вас я бы точно не справилась.

Лучшим в мире специалистам по продажам в книжной индустрии – я помню, что вы с самого начала светились уверенностью и энтузиазмом. О лучшем и мечтать нельзя – я самый везучий автор на свете. Норману и Триш – за то, что взяли меня под свое крыло и показали мне, что самое важное в нашем деле – это люди, которые тебя окружают. Норман, ты всегда верил в меня, и благодаря тебе моя мечта сбылась. Спасибо.

Моей семье (всех и не перечислишь: Камминсы, Мэттьюсы, а также те, кто вышел замуж и сменил фамилию) – звучит банально, но тем не менее: мне с вами очень повезло. У меня буквально дух захватывает от вашей внутренней силы и любви

друг к другу, которую вы не раз проявляли все эти годы. Я горжусь тем, что мы с вами одной крови.

Джейми – ты самая благородная и отважная юная леди из всех, кого я когда-либо знала. Твоя активная жизненная позиция всегда казалась мне потрясающей. Знай: называть тебя своей двоюродной сестрой и подругой – честь для меня.

Джинне – словами не выразить благодарность за все, что ты для меня сделала. Да, я написала эту книгу в память о твоих дочерях, но именно твои вера и сила помогли мне перебороть страх. Я в жизни не встречала более отзывчивого и щедрого человека.

Маме с папой – за вашу безграничную любовь и поддержку, в которой вы никогда мне не отказывали (даже после переезда в «чужие враждебные земли»). За то, что с детства учили меня мыслями витать в облаках, а ногами твердо стоять на земле. За то, что всегда верили в меня и в часы сомнений напоминали мне об этом. Надеюсь, что вы сможете мной гордиться.

Кэти – что я могу сказать? Нам суждено делить наши чувства на двоих до самого конца. Мы повзрослели с тобой в один день, никто и никогда не поймет меня лучше, чем ты. *Eres la mejor hermanita en todo el mundo*[1].

И Тому – было чертовски трудно, и порой ты меня жутко бесил. Но теперь я люблю тебя еще сильнее, чем много лет назад, когда мы с тобой сидели на заднем крыльце у бабушки с дедушкой и мечтали. Том, ты мой герой.

От автора

Эта книга не является художественным произведением. Она основана на судебных документах, полицейских рапортах, печатных и цифровых медийных источниках и интервью, которые я брала у людей, чьи имена вы увидите на этих страницах. Поскольку я сама была участницей тех событий, я включила в текст и свои собственные воспоминания.

Я приняла решение описывать произошедшее от третьего лица, чтобы представить его читателю со всех точек зрения. В диалогах пришлось в ряде случаев кое-что досочинить, однако отношения между персонажами и их взаимодействие основаны на реальных разговорах и часто содержат прямые цитаты.

Некоторые члены моей семьи попросили меня по причинам личного характера не упоминать в книге их имен, и я исполнила их просьбу. В остальном я старалась как можно строже придерживаться фактов и в описании событий, и в изображении их участников.

Река рыдает и стонет
глотает воспоминания
плюясь бурунами обиды
и смертельной тоски
в своем луковом горе
несолеными брызжет слезами
голосит под луной

Мост развалился
река под ним свирепеет
к тебе уже не добраться
страшусь утонуть
только машу тебе стоя в тине
но теряю из вида
мечты уносит потоком со скал
в холодный омут
и вот меня больше нет
я исчезла в рыдающем гуле
навевающем сон[2].

Джулия Керри

Пролог

В 1991 году я училась в школе на окраине столицы, мне было шестнадцать, и я была уверена в своей непобедимости. Я считала себя реально крутой. Вашингтон был тогда настоящим «городом смерти». По статистике в тот год каждый 1200-й его житель погибал насильственной смертью. Нашего мэра посадили, когда всплыло видео, на котором он курил с какой-то проституткой травку в номере мотеля. Однако за завесой порока Вашингтон продолжал оставаться городом сияющей чистоты – улицы, застроенные правительственными зданиями, всемирно известные музеи, толпы туристов в одинаковых сувенирных футболках и с фотоаппаратами «Кодак» в руках. На фоне скандалов мой родной город расцветал лишь пышнее, словно черпал жизненные соки из крови убитых.

Вот почему в Миссури, куда родители на семейном минивэне повезли нас с сестрой и братом на весенние каникулы, мы, помимо личных вещей, прихватили с собой с Восточного побережья тамошние замашки и свою воображаемую «городскую закалку». Целых два дня мы ехали через залитые солнцем типично американские кукурузные поля, расстилавшиеся между Мэрилендом и Сент-Луисом; мы были уверены, что бесславно скончаемся в том фургончике от фирменной скуки Среднего Запада еще до того, как пересечем Миссисипи.

Горькая правда, с которой нам предстояло столкнуться, заключалась в том, что, вопреки нашему убеждению, мы вовсе не были крутыми. Мы были неплохо обеспеченными тинейджерами из пригорода, упивавшимися подростковыми переживаниями и не имевшими ни малейшего представления о «городской крутизне», которой так кичились. На дворе стояли ранние девяностые, и насилие среди молодежи тогда еще шокировало. Даже в нашем родном Вашингтоне, «городе смерти», оно не казалось чем-то обыденным; нас все еще удивляли рамки металлоискателей, установленные в дверях нашей школы с целью обуздать разгул преступности. Тогда еще не случилось массовое убийство в школе «Колумбайн», и мы даже не догадывались, какой жутью обернется для общества трагедия *такого* масштаба.

Родители гнали наш синий фургончик на Запад через самый центр Америки, и нам казалось, что все опасности городской жизни остались позади, на Восточном побережье. Мы и представить себе не могли, с какой невообразимой жестокостью нам предстояло столкнуться, не знали, что нас ждет катастрофа, которая за одну ночь разрушит нашу жизнь. Вашингтон нас к

такому не готовил. К такому вообще ничто не способно подготовить.

Мое имя Джанин, однако меня с пеленок называли Тинк, а потому это прозвище будет периодически появляться на следующих страницах. Эта книга – рассказ о жестоком преступлении и о моей *семье*. По жанру ее можно отнести одновременно и к криминальной документалистике, и к мемуарам. Я потратила бесконечное множество часов на изучение фактов, улик, свидетельских показаний, судебных документов, протоколов заседаний и статей в прессе. Я изо всех сил старалась честно рассказать обо всем этом на страницах книги, но я не претендую на беспристрастность, поскольку речь пойдет о моей семье. Я хочу, чтобы зазвучали голоса жертв этой трагедии, уже более десяти лет заглушаемые более громкими голосами и более сенсационными происшествиями. Настала их очередь.

Джулия и Робин Керри – мои двоюродные сестры. Том Камминс – мой родной брат. Это *их* история.

Глава первая

На хлипком карточном столе теснилось столько тарелок и локтей, что Том Камминс боялся поднести ко рту вилку, – даже легкое движение было способно обрушить шаткую конструкцию. Справа от него сидела его двоюродная сестра Джулия Керри, которую совершенно не заботила неустойчивость стола; она была целиком поглощена уничтожением содержимого тарелки – горячего стир-фрая из курицы. Слева от него на скамье от дедушкиного органа сидели младшие сестры, Тинк и Кэти, – эти были заняты тем, что пинали друг друга под столом в ожесточенной борьбе за драгоценное свободное пространство для ног. Рядом с ними в массивном кресле, обитом синим велюром, устроилась сестра Джулии, Робин, а младшая – Джейми – птичкой примостилась на подлокотнике. Все пять девочек налегали на свои порции с усердием, не сулившим несчастному столику ничего хорошего, однако волновало это, кажется, только Тома.

За обеденным столом, где ели взрослые, вполне хватило бы места хотя бы для двоих из них, но никто не желал уходить из-за веселого стола – наоборот, все были готовы потесниться. Впрочем, в тот раз шесть кузенов вели себя непривычно тихо – возможно, благодаря вкусной еде, а возможно, сдерживаемые присутствием в соседней комнате родителей и бабушек с дедушками. Однако вероятнее всего причина заключалась во владевшей всеми шестерыми невысказанной грусти из-за неизбежной скорой разлуки. Они знали, что всего через двенадцать часов Каммингсы с родителями уже будут катить в фургончике обратно на Восток, в Вашингтон, оставив позади Сент-Луис и своих кузин Керри.

Девятилетняя Джейми уже выцепила из рагу все кусочки курицы и теперь вяло гоняла по тарелке горошек и брокколи. Взгляд ее был прикован к тарелке Робин. Прикончив свою порцию овощей, та поменялась тарелками с сестрой. Тинк и Кэти, наблюдая за этим обменом, прыснули. Мясо-овощной бартер Джейми и Робин никогда не переставал их смешить. Их собственные строгие родители никогда не позволили бы им подобных выходок, так что неудивительно, что подростков так забавляла эта вседозволенность.

Девятнадцатилетняя Робин была убежденной вегетарианкой, тогда как Джейми всей душой ненавидела овощи. В результате сестры выработали простую систему, которая, к слову, в их доме ни у кого вопросов не вызывала, – их мать, Джинна, поощряла проявления индивидуальности. Однако Тинк и Кэти, выросшим в

семье, в которой свободомыслие и подрыв родительского авторитета не приветствовались, этот обмен тарелками казался диким. Вообще, почти все в двоюродных сестрах представлялось им немного экзотичным. Хотели бы они быть такими же, как сестры Керри.

Шестнадцатилетняя Тинк буквально боготворила двадцатилетнюю Джулию за ее поэзию и темперамент, не говоря уже о том, что Джулия потрясающе играла в футбол, причем в нападении, как и сама Тинк. Кэти, которой было почти пятнадцать, в той же мере восхищалась Робин. За год до описываемых событий она даже пыталась стать вегетарианкой, но Тинк с Томом задразнили сестру, а ее мать, Кэй, четко дала ей понять, что, пока готовит она, Кэти будет есть, что дают, и точка. Кэти молча подчинилась, однако не перестала восхищаться независимостью и силой воли старшей кузины.

Том был в этой компании единственным парнем. Его лучшей подругой была Джулия, и он этим гордился – он считал ее по-настоящему крутой и старался брать с нее пример. Она смешно шутила, поддерживала его самооценку и вдохновляла его. Том был по натуре прагматиком, склонным к пессимизму, а Джулия учила его мечтать и стремиться к большему. Сам он, конечно, этого не осознавал – ему просто нравилось проводить с ней время. С ней было не скучно. Том и Джулия доверяли друг другу, причем настолько безоговорочно, что доверие автоматически распространялось и на их сестер; в результате вся компания порой ощущала себя маленьким, но крепким и нерушимым тайным обществом. Так что не приходилось удивляться, что их последний общий ужин проходил печально и немного торжественно.

Но вот шесть тарелок из-под стир-фрая, ополоснутые водой, отправились в посудомоечную машину. Взрослые продолжали беседу за чашкой кофе, а младшее поколение удалилось в пахнущий плесенью подвал, где была обустроена игровая комната. Завели песни Саймона и Гарфанкела и сели играть в рамми. За обтянутым зеленым сукном столом было не менее тесно, чем только что за обеденным, и снова никого это не смущало. Сдавала в тот день Тинк, чей образ дополняли зеленый козырек и соленая соломка, заменившая сигару. Ставки были высоки – пластиковые фишки плюс престиж каждого из игроков. В какой-то момент с лестницы послышался голос Джинны: она сообщила, что идет домой, и велела Джулии не слишком задерживать Джейми. Игра продолжилась; Тинк, вместо того чтобы вести счет, написала прописными буквами свое имя на плече Тома. Как ни странно, Том не отнял у нее ручку, – в тот

вечер проделка Тинк удивительным образом вписалась в общую атмосферу, – а просто рассмеялся и отпихнул ее, не дав добавить к букве «К» красивую завитушку. Примерно через час Тому надоело проигрывать, Джейми – играть, а Робин захотелось покурить, и компания приняла решение выйти во двор.

На Фэйр-Эйкрес-Роуд спустились сумерки. Тинк с Кэти босиком гоняли футбольный мяч по влажной от росы траве, а остальные устроили шуточный рыцарский турнир – Джулия оседлала Тома, а Джейми – Робин. В нескольких футах от дома на фоне пригородного пейзажа ржавым пятном выделялся некогда синий «Шевроле-Шеветт» Джулии. Задняя часть кузова была обклеена всевозможными наклейками, одна из которых гласила: «Рональд Рейган – лесбиянка». Джин, отец Камминсов, именно этот стикер находил особенно забавным.

Шестерка веселилась и развлекалась под темнеющим небом с нехарактерной для подростков непосредственностью. Как всегда, самой взрослой в компании выглядела девятилетняя Джейми. Своеобразное чувство юмора и непринужденная манера поведения делали ее старше и мудрее, так что в ней скорее удивляли редкие проявления ребячества. Но в тот вечер все они, отбросив серьезность, совершенно по-детски бесились, словно ловили за хвост ускользающее детство. Поэтому, когда на пороге дома, скрипнув раздвижной дверью, появился Джин, все шестеро с тяжелым сердцем остановили свои игрища. Пора было паковать вещи, принимать душ и отсыпаться перед долгой дорогой. Пора было прощаться.

Робин театрально взмахнула руками перед лицом Тинк и воскликнула: «Не уезжай, УМОЛЯЮ, не бросай нас!»

Все рассмеялись и тут же бросились обниматься, бормоча друг другу куда-то в область шеи: «Буду скучать! Люблю тебя! Писать буду каждый день!» Джин стоял на крыльце, закатывал глаза и качал головой. К показному сарказму примешалась и парочка искренних, хоть и умело замаскированных слез. Горечь неизбежного расставания немного сгладили Робин и Джулия, пообещав летом приехать в Вашингтон погостить. После бурных прощаний три сестры сели наконец в колымагу Джулии и укатили.

Джин загнал своих детей в дом и каждому поручил задание по подготовке к завтрашней поездке. Том немного подождал, убедился, что сестры не подслушивают, и попросил у отца разрешения выйти прогуляться. Джин покачал головой – завтра трудный день, надо лечь пораньше, чтобы как следует выспаться. Его совсем не привлекала перспектива провести два дня в машине

с уставшим угрюмым сыном.

Том обиженно засопел, но спорить не стал. «Ладно, пойду позвоню Джулии и скажу, что сегодня не смогу», – сказал он, глядя на родителя с нахальством, на какое способны только девятнадцатилетние парни.

Джин невозмутимо пожал плечами: «Ну так иди звони».

План тайного побега из дома для встречи с Джулией возник у Тома почти случайно. Вообще-то на прошлой неделе он уже удирал без разрешения из дома по другому поводу, но сейчас понадеялся на понимание отца. С этим ничего не вышло, но Том не собирался позволить отцу испортить его, Тома, планы на вечер.

Почти всю неделю он спал на откидной койке в задней части фургончика. После долгой бессонной ночи, проведенной на синем бабушкином велюровом диване, – из-за тонкой панельной стены слышался отцовский храп, – Том убедил родителей, что будет разумно отпустить его спать в фургон, где ему будет вполне удобно. В конце концов, зачем нужна откидная койка, если никогда ею не пользоваться? Поэтому всю неделю с наступлением «отбоя» Том брал ключи от фургона и от дома и уходил на улицу. Но в тот вечер он намеревался пойти не к фургончику, а на угол улицы, чтобы подождать там Джулию.

Том аккуратно положил трубку старого дискового телефона, повернулся на барном стуле дедушки Арта и оказался нос к носу со своей сестрой Тинк, из чего моментально вывел, что его план раскрыт. Потратив несколько минут на нытье и упрашивания, Тинк почти смирилась с тем, что ее не берут, но тут из ванной с обернутым вокруг головы полотенцем и зубной щеткой во рту показалась Кэти, горящая желанием знать, что происходит. Тинк начала возбужденно рассказывать ей о готовящейся вылазке, надеясь найти в ней союзницу; Том нервно поглядывал на лестницу и шикал на сестру, чтобы та говорила тише. Кэти ушла обратно в ванную сплюнуть зубную пасту, но вернулась и перечислила недостатки плана операции. Наиболее очевидный и досадный заключался в том, что Тинк и Кэти ночевали в гостевой спальне, расположенной прямо напротив комнаты бабушки с дедушкой, а у тех был чуткий сон. Незаметно прокрасться мимо них было почти невозможно даже в одиночку, не то что вдвоем. Тому было проще. Ему вообще не требовалось сбегать из дома – достаточно было незаметно пойти в другую сторону. Доводы Кэти звучали до отвращения логично, и Тинк сдалась, хотя уже с лестницы фыркнула, что ей не больно-то и хотелось навязываться, – другое дело, если бы ее пригласили.

В этом эпизоде отчетливо проявились различия в характерах

сестер Камминс. Тинк, мечтательная и веселая, почти никогда не думала о практических аспектах дела; в футбольной и хоккейной команде ей отводили роль центрфорварда; она всегда старалась быть в центре внимания окружающих и чаще всего этого добивалась. Кэти, более застенчивая и склонная к сарказму, была смелее. На поле она стояла на воротах. Более приземленная, она вела себя благоразумнее старшей сестры. Если Тинк предпочитала нападение, то Кэти – защиту.

Сестры пожелали брату удачи и вернулись к своим делам. Тинк, собирая свои вещи, еще, конечно, дулась, пока не начала зевать и клевать носом. В конце концов она пришла к выводу, что мягкая постель не такое уж плохое завершение вечера. Вскоре все приготовления к завтрашнему отъезду были завершены; одно за другим погасли окна уютного домика, и его обитатели легли спать.

Том сидел в подвале, в ванной, и тянул время. Он дважды почистил зубы. Потом почистил их зубной нитью. Потом еще раз щеткой. Посмотрел на часы. Потом сел на крышку унитаза и принялся ждать, нервно прислушиваясь, когда наверху стихнут последние звуки. От нечего делать он листал женский журнал, оставленный матерью, изо всех сил стараясь не смотреть на часы. Обычно он ложился спать последним, так что родители не должны были ничего заподозрить, если бы услышали, как он идет к фургончику, когда все уже разошлись по спальням. Тем не менее он надеялся, что к моменту его выхода из дома все уснут. Вскоре ему надоело читать рецепты идеальных тортов, он отбросил журнал, еще раз оглядел себя в зеркале и выключил в ванной свет.

В одиннадцать часов Том, чувствуя себя лазутчиком и немного идиотом, закрыл дверь дедушкиного кирпичного домика на ключ. Возле дома зажегся уличный фонарь, осветив, как показалось Тому, чьи глаза уже привыкли к темноте, не только их двор, но и всю округу. Он посмотрел на окно комнаты, в которой спали его родители; шторы были задернуты, жалюзи опущены, никакого движения не наблюдалось. Том открыл фургон, забросил внутрь рюкзак, чуть выждал и захлопнул дверцу. Сам того не сознавая, он затаил дыхание, обогнул фургон и быстро, но стараясь не шуметь, вышел на улицу. На перекрестке запустил руку в карман куртки и вытащил пачку сигарет. Закурив, он еще пару минут постоял на углу, наблюдая за домом. Если бы кто-то заметил его уход, то наверняка через минуту-другую нагнал бы его. Сигарета обеспечивала неплохое алиби – в случае чего он предпочел бы быть пойманным на курении, чем на несанкционированной ночной вылазке. Однако со стороны дома

не доносилось ни звука, и примерно на половине сигареты Том развернулся и ушел в прохладный сумрак ночи, размышляя о том, как глупо в девятнадцать лет чувствовать себя мошенником, вопреки запрету отца улизнув ночью из дома.

Вообще-то, спрашивая у отца разрешения погулять, он собирался зайти в бар «У Дэнни», выпить кофе и поболтать с Джулией и Робин. Однако теперь он уже выбрался из дома, и времени у него было навалом. Джулия и Робин подъехали на машине, которую Том за назойливое, почти мотоциклетное тарахтение двигателя окрестил «шершнем», и вся троица устроила небольшое совещание. Перекрикивая шум автомобиля, они сговорились выполнить один забытый пункт из недельного списка дел, а именно съездить полюбоваться на стихотворение, которое Джулия с Робин написали баллончиками с краской на настиле Старого моста Чейн-оф-Рокс. Заскочат туда, прогуляются под луной, поглядят на стихотворение, а уже потом поедут пить кофе.

Тому без особых усилий удалось отогнать от себя нормальные для подобных обстоятельств страхи. Он убедил себя, что волноваться не о чем, что Средний Запад – не Восточное побережье и с ними все будет хорошо. В конце концов, он уроженец Вашингтона, а город Сент-Луис в штате Миссури по степени опасности вряд ли сравнится с «городом смерти». Том пал жертвой распространенного заблуждения – как раз Сент-Луис вполне мог потягаться в этом плане с Вашингтоном, просто в отличие от последнего каким-то образом ухитрился избежать дурной репутации. Тогда, в 1991 году, его все еще считали «окном на запад», безопасным и приветливым городом на реке Миссисипи. И тот факт, что Сент-Луис занимал третье место в стране по количеству убийств, не удостоился широкого обсуждения по печальному недоразумению. Само собой, об этой статистике не были осведомлены ни Том, ни Джулия с Робин.

Так что атмосфера в салоне «шершня» царила легкая и веселая. Джулии и Робин не терпелось показать брату плоды своего творчества. Том чувствовал уверенность и даже воодушевление – всего за неделю он уже дважды удрал из дома. Разговор, как водится, прыгал с политики на религию, с религии на секс, с секса на музыку. Темы менялись так же часто и непринужденно, как полосы, по которым «шершень» под управлением Джулии катил по шоссе I-70.

Глава вторая

К той ночи на четвертое апреля 1991 года Том Камминс переживал последнюю стадию масштабных изменений личности – для девятнадцатилетнего парня дело скорее обычное. Из кокона неловкого застенчивого школьника-лузера уже проклевывался молодой целеустремленный пожарный. По мнению самого Тома, благодарить за эту метаморфозу следовало сидевшую слева от него девушку.

До появления в его жизни Джулии он и представить себя не мог вовлеченным в оживленный интеллектуальный разговор с двумя умными собеседниками. До знакомства с Джулией Том с угрюмым молчанием сидел бы в машине, периодически закатывая глаза и в ответ на все вопросы пожимая плечами, но не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что ему не хватало уверенности в себе. Благодаря Джулии он научился свободно высказывать свое мнение на любую тему, от фильма «Общество мертвых поэтов» до последних выходок мэра Барри. Правда, он полагал, что Джулия этих перемен не замечает, поскольку с ней он и раньше не стеснялся выражать свои мысли. Ему оставалось лишь гадать, до какой степени она сама понимает, как помогла ему вырасти.

Отдельного долгого и местами печального рассказа заслуживает история взаимоотношений Тома с американской школьной системой. К старшей школе он успел свыкнуться с тем, что учителя считают его апатичным, если не туповатым. В пятнадцать лет у него появились проблемы чуть более серьезные, чем плохие оценки и равнодушие к учебе. Взросление давалось ему трудно. Том стал еще более застенчивым и косноязычным и вдобавок начал комплексовать из-за пары лишних килограммов. Честно говоря, комплексовал он почти по любому поводу. Когда первая девушка бросила его и стала встречаться с его лучшим другом, он отгородился от всех глухой стеной безразличия.

Он прибился к панкам из школы. Восхищался бритыми наголо девушками с пирсингом. Фанател от *Sex Pistols*. Начал курить, и курил много. Купил синюю краску для волос, однако применить ее по назначению не рискнул и отдал Тинк, которая выкрасила себе косы для участия в чирлидинге. Он часто прогуливал уроки – когда был уверен, что это не обернется для него неприятностями. В общем, он из кожи вон лез, чтобы вписаться в общество сверстников, но популярности это ему не принесло.

Том взял привычку привирать и рассказывать какие-то

невообразимые истории, чтобы покрасоваться перед друзьями или оправдаться перед родителями – за плохие оценки, за то, что вопреки запрету пошел на вечеринку. Он ходил по лезвию ножа, но делал это аккуратно и хорошо видел черту, за которую лучше не переступать. Он прекрасно понимал разницу между обычным подростковым непослушанием и откровенно скандальным поведением. Нельзя сказать, что он совсем отбился от рук. В своем бунтарстве он следовал той же модели, что и в учебе: позволял себе ровно столько, сколько нужно, чтобы регулярно злить родителей и заставлять их волноваться, но никогда не доводил до того, чтобы его сочли пропащим. Он в общем-то не был плохим парнем – он просто ни в чем не блистал.

Джина отношения с сыном безмерно раздражали. Он тоже был старшим ребенком в семье, но в отличие от Тома рано воспитал в себе целеустремленность и чувство ответственности. Он и помыслить не мог ослушаться отца и потому особенно болезненно воспринимал дерзость Тома. Джин не понимал сына, не пытался поставить себя на его место и отказывался терпеть его разгильдяйство и подростковые провинности.

Как-то раз Том вернулся домой почти на час позже, чем обещал, выглядел сонным, и от него разило персиковым шнапсом. Отец отправил его спать, решив отложить нагоняй на завтра. В семь утра он прокрался к сыну в спальню, поставил в проигрыватель кассету с записью концерта Чайковского, выкрутил ручку громкости до отказа и нажал кнопку. Затем сдернул с Тома одеяло и заорал, чтобы тот немедленно встал и оделся, потому что похмелье похмельем, а гараж сам себя не уберет.

Подобные конфликты повторялись все чаще, и Том принял правила игры. Он поступал именно так, как от него ждали, запустив цепочку дурной бесконечности: несносный подросток – злой родитель – несносный подросток – злой родитель, и так по кругу. Дело принимало не самый приятный оборот. А потом, в один прекрасный день – Том учился на втором курсе в колледже Гейтерсберга – произошло нечто невероятное.

Джин, имевший сан дьякона, принимал активное участие в деятельности католической церкви: проводил службы для пациентов местной больницы, причащал стариков… И вдруг ему предложили должность капеллана местной пожарной части. Джин с радостью согласился – ему нравилось помогать людям, которые с таким благородством и смелостью рискуют собой во благо общества. С присущими ему энергией и деловитостью он прошел необходимую подготовку, официально вступил в должность и тут же развернул масштабную волонтерскую

программу. Неожиданным бонусом этой работы стало впечатление, которое Джин произвел на своего сына.

Впервые за многие годы Том позволил себе некоторые внешние проявления уважения к отцу, дремавшего у него в душе. А Джин по чистой случайности внезапно обрел с сыном общий язык, который безуспешно искал все это время. Джин поставил пожарный радиоприемник рядом с кухонным столом и не расставался с рацией и пейджером. Кэй раздражало их постоянное попискивание, зато муж и сын на них чуть ли не молились. Том поначалу пытался делать вид, что его это не интересует, но про себя считал новую работу отца почти героизмом. Ему становилось все труднее скрывать свое любопытство. Настал момент, когда он начал расспрашивать отца о том, что означает тот или иной звуковой сигнал или кодовое слово, которое использовали диспетчеры, о зонах обслуживания пожарных подразделений и о роли и статусе в этой структуре самого Джина. Тот отвечал на его вопросы с тщательно скрываемой радостью, а потом как бы между делом предложил Тому съездить с ним в пожарную часть.

Тому тогда было пятнадцать, и после первой же экскурсии по Восьмой пожарной части Гейтерсберга он понял, что нашел свое призвание. Родители решили, что это временное увлечение, но были так счастливы, что сын перестал валять дурака, что охотно его поощряли. В начале нового семестра в школе вывесили список направлений для практики, и Том едва не запрыгал от радости, обнаружив в нем окружной пожарный учебно-тренировочный центр. Он был настолько возбужден, что дома уговорил отца в тот же вечер позвонить сержанту. На следующий день Тома зачислили в группу.

На протяжении двух лет Том после школы садился в автобус и ехал в пожарный учебно-тренировочный центр округа Монтгомери на занятия. У него повысилась успеваемость в школе, а учебно-тренировочный центр Том окончил в числе лучших.

В честь выпуска Кэй с Джином подарили Тому билет до Флориды и обратно, и он пару недель провел у бабушки с дедушкой, которые, выйдя на пенсию, поселились в Клируотере. Джулия тогда окончила первый курс колледжа и тоже решила поехать на лето во Флориду. Они с Томом не виделись много лет. Джин и Кэй покинули родной Сент-Луис давным-давно, когда Джин поступил служить во флот. Многие из его братьев и сестер, которых было в общей сложности восемь, последовали примеру старшего брата и постепенно разбрелись по всей стране. Но мать Джулии, Джинна (старшая из Камминсов после Джина), осталась с семьей в Сент-Луисе. Не успели двоюродные брат с сестрой

встретиться под одной крышей у дедушки Джина и бабушки Марии, между ними мгновенно вспыхнула симпатия. Оказалось, у них немало общего. Один и тот же эклектичный вкус к музыке и кино и схожее нестандартное чувство юмора; оба любили пиво и были слишком юны, чтобы свободно его покупать. Джулия ничего не знала о трудностях Тома с учебой, но догадалась, что он чувствует себя белой вороной. Его это обрадовало и потрясло. Не будь она его двоюродной сестрой, Том никогда бы не подумал, что такая обаятельная, красивая и умная девушка сумеет его понять. Потом он сообразил, что и Джулия была не такой, как все, просто в ней это проявлялось иначе. И впервые в жизни ему в голову закралось подозрение, что, возможно, быть не таким, как все, и даже немного странным, не так уж плохо.

Они каждый день ходили вдвоем на пляж и стали постоянными посетителями дайв-бара, где потягивали безалкогольные коктейли и наблюдали за волейболистами. Их дружба крепла на глазах, и с каждым новым разговором они все больше доверяли друг другу. Они обменивались самыми сокровенными секретами и следили друг за другом, чтобы не сгореть на солнце. Обсуждали поэзию, и Джулия с гордостью читала Тому свои стихи. Том признался, что мечтает стать пожарным, и Джулия горячо его поддержала. Они говорили об общих родственниках, и Джулия с красочными подробностями описывала свое детство в окружении множества кузенов и бабушки с дедушкой. Том слушал и представлял себя участником каждой из этих историй. Они все лучше узнавали друг друга. Благодаря рассказам Джулии Том открывал для себя собственную большую семью; она ценила в нем внимательного слушателя. Они касались любых тем, от религии до экологии, от политики до брака. Они спорили, но никогда не ссорились. Джулия как-то раз в шутку упомянула даже, что в Зимбабве закон разрешает двоюродным братьям и сестрам вступать в брак.

В последний перед расставанием вечер того лета они долго гуляли и вернулись домой, когда все остальные давно спали. Том тихо провел сестру на задний двор, выудил из мусорного бака крышку от пластикового контейнера для еды и приспособил ее под пепельницу. Они сидели за столом на террасе и курили, светя тлеющими кончиками своих «Мальборо-лайт», похожими на порхавших вокруг них светлячков, пока не заполнили самодельную пепельницу окурками один, а потом и второй раз. Они говорили обо всем, посвящали друг друга в самые темные свои тайны, вытаскивали из воображаемых шкафов самые ужасные скелеты, вместе улыбались и вместе плакали. Когда они наконец ушли в дом спать, гладкой поверхности бассейна уже

коснулись первые лучи солнца.

Та неделя стала для Тома своего рода мостиком между подростковым возрастом и взрослой жизнью и помогла ему лучше понять самого себя и примириться со своей натурой. Благодаря Джулии изменилось его отношение к семье, которая заняла в его мире гораздо более важное, чем раньше, место, и с тех пор это чувство только усиливалось. Уезжая домой, он чувствовал себя взрослым человеком, полным зрелых мыслей и открытым новым перспективам. Однако сидя в поезде, уносящем его из Флориды на север, он смотрел в окно на юг и плакал, как ребенок.

Дружба, за ту неделю сблизившая их с Джулией, впоследствии стала для обоих постоянным источником сил и вдохновения. Они регулярно писали и звонили друг другу. Джулия подбадривала и успокаивала своего склонного к панике кузена, пока его заявление рассматривали в окружной пожарной части, где был высокий конкурс, и потом, на протяжении адски тяжелого первого года обучения. Они делились друг с другом своими проблемами, и, хотя обсуждали обычные темы, их разговоры не сводились к банальностям и служили ниточками, которыми они старательно сшивали свои жизни. В своих открытках и письмах Джулия посылала Тому стихи и слова песен:

Слушая «'Til Tuesday»,
Я думала о тебе:
Прости и прощай, любимый:
Я считала до бесконечности,
А не дошла и до десяти,
Прости и прощай, любимый,
Однажды нам открылась прореха в небе,
Мы могли бы туда войти…

День рождения Тома приходился на второе ноября, но в том году он еще в октябре получил от Джулии открытку:

«…Вчера я впервые за несколько месяцев слушала New Order, и музыка звучала так же сладко, душевно и реально, как в один теплый июньский вечер, когда я была с другом, по которому очень скучаю.

Пиши.

Джулс

P. S. Знаю, что для поздравления рановато, но я вечно тяну до последнего, пока не станет слишком поздно,

поэтому решила послать его сейчас, пока не забыла».

Так что в тот вечер четвертого апреля 1991 года Том, сидя в салоне «шершня», смотрел на свою кузину с восхищением и чувствовал, как его охватывает тепло. Без сомнения, он любил ее больше всех на свете и гордился знакомством с ней. Ему было хорошо. Благодаря Джулии он научился видеть в себе хорошее. Он гордился своей работой. Он перестал стесняться и сомневаться в собственных умственных способностях – напротив, ему начинало нравиться высказывать свое мнение, четко его формулируя. Вдобавок ко всему после многих лет распрей с родителями, отделенных от него пропастью непонимания, те наконец признали, что могут им гордиться. Что-то говорило ему, что теперь все в мире встало на свои места. Его метаморфоза почти свершилась. Если все пойдет по плану, то совсем скоро из тесного душного юношеского кокона появится на свет здоровый и счастливый молодой мужчина.

Неделя каникул в Сент-Луисе была восхитительной, а присутствие Джулии придало Тому новых сил. В один из вечеров они, выпив по несколько чашек кофе и накачавшись кофеином, поехали в квартал Леклидз-Лендинг с видом на арку Национального парка и уселись на капоте полумертвого шевроле. Отправились они туда не случайно. В этом районе Сент-Луиса сосредоточилась вся «движуха» – там была целая улица баров, в которых тусовалась молодежь от двадцати и чуть старше. Тома с Джулией ни в один из этих баров не пустили бы, поэтому они просто сидели на капоте автомобиля, ощущая сквозь синюю ткань джинсов тепло двигателя и с завистью глядя на светящиеся окна пабов. Вскоре Джулия вполне ожидаемо перевела разговор на «социальные реалии жизни в стране, которая с радостью пошлет восемнадцатилетнего парня на войну, но ни за что не нальет ему перед бойней на посошок». Возможно, все дело было в обстановке – разве это справедливо, что ребята всего на пару лет старше их выпивают и радуются жизни, а им остается только на них глазеть? Или в природном даре Джулии подмечать любую деталь и превращать ее в интересную, живую и важную тему серьезной беседы. Как бы то ни было, их дружба постоянно подпитывалась этими ежедневными разговорами и спорами по существу. Так они и болтали, а в какой-то сотне ярдов от них слышался низкий гул Миссисипи, сопровождаемый звоном сотен чокающихся бокалов по всему Леклидз-Лендингу.

* * *

Джулия Керри – заряд чистой энергии ростом чуть больше пяти футов и весом 105 фунтов – взрослела вместе со своим двоюродным братом Томом. Ее лоб почти до самых больших карих глаз прикрывали густые темные блестящие кудри. Это была ее фирменная прическа, которую она не меняла много лет, с тех пор, как Джинна сдалась и перестала заплетать ей косы. В детстве Джулия сама пару раз пыталась укротить свои непослушные волосы, но, когда выросла, смирилась с их буйством (а может, даже его полюбила).

Джулия была прирожденным лидером – еще девчонкой она повсюду искала неприятности, а то и сама их создавала. Наделенная обостренным чувством справедливости, она никогда не боялась высказывать свои мысли, хотя иногда впадала в тихую задумчивость. Джулию, раздираемую изнутри противоречиями, можно было назвать ходячей аномалией. Она часто говорила: «Если я не посмотрюсь в зеркало, то потом могу спокойно ходить, считая, что выгляжу сногсшибательно, хоть это и не так». И эта скромность делала ее неотразимой.

В Университете Миссури в Сент-Луисе Джулия училась на факультете английского языка – она обожала слова. Поэзия была ее страстью – она помогала ей осмыслить свою жизнь и увидеть перспективу. Стихотворение «Продажа Манхэттена» она написала в рамках курса по литературе коренных американцев, используя полученные знания об их культуре и добавив щепотку собственной иронии:

а как его было им не продать —
сделка века! —
только представь себе дураков
вообразивших что можно
землю
ухватить как червонец
и выбить поперек нее
свои имена
они видимо тут недавно
приезжие
или туристы
мы потом смеялись,
отчего бы им не купить и небо
мы и его бы им продали
за милую душу

Джулия серьезно относилась к учебе и много времени уделяла поэзии, но не меньшее место в ее жизни занимали

друзья, в том числе Том. Они служили ей отдушиной, давали возможность иногда отбросить серьезность и по-детски подурачиться.

В Сент-Луисе они с Томом однажды зашли пообедать в дешевое придорожное кафе с пластиковыми стульями и деревьями в горшках. Усевшись за стол в тени зонта, Том заказал тройной клаб-сэндвич с дополнительной порцией майонеза и картошку фри. Джулия последовала его примеру. До невозможности типичная для Среднего Запада официантка принесла им заказ, улыбнулась и пожелала приятного аппетита. Они ели, равнодушно поглядывая на спешащих мимо прохожих.

Первые несколько минут за столом царила тишина, нарушаемая редким причмокиваньем и шумом втягиваемой через соломинку колы. Джулия посмотрела на Тома – тот сидел с ломтиком картофеля в одной руке и гигантским сэндвичем в другой – и не удержалась от смеха.

– Ты чего? – не особо обидевшись, спросил Том.

Она прикрыла было рот, но тут же отдернула руку, и Тому предстало зрелище недожеванной картошки. Отсмеявшись, она глотнула из соломинки еще колы и прочистила горло.

– Где наши манеры? – хохотнула Джулия. – Можно подумать, мы с волками росли.

Том прикинул, какое впечатление он производит со стороны: потная футболка, обшарпанные сандалии, поза, от которой пришел бы в ярость любой учитель, разговор с набитым ртом. Джулия выглядела не лучше – она так низко наклонилась над своей тарелкой, что плечами едва не касалась стола. Большую часть еды они уничтожили меньше чем за пять минут. В стоявшей посередине стеклянной пепельнице лежали дотлевшие окурки двух сигарет – они даже не затушили их, когда им принесли заказ. Пожалуй, Том был согласен с подругой. И, не дав себе труд дожевать, вместо ответа показал ей содержимое своего рта.

Но больше всего Джулия дорожила дружбой со своей сестрой Робин. По ее словам, между ними периодически вспыхивали типичные для сестер конфликты – чья очередь мыть посуду, или кто прикончил рулон туалетной бумаги и не повесил новый. Обе вспыльчивые и по-юношески нетерпимые, они с удовольствием узнавали друг в друге себя; их объединяли общие интересы. Робин, которой достался такой же пытливый ум и такое же чувство юмора, разделяла любовь сестры к музыке и поэзии. Но главным, что отличало их от других, было обостренное чувство справедливости и готовность к действию. Знакомые Джинны поражались тому, как сестры ладят между собой, а Джинна и

вообразить не могла, что бывает иначе. Джулия и Робин были лучшими подругами и болтали часами напролет, обсуждая совместные планы по спасению мира.

На прошлое Рождество Джулия прочитала в очередном выпуске газеты «Сент-Луис Пост-Диспэтч» статью о сотне наиболее нуждающихся в городе семей, и решила, что они должны помочь одной из этих семей отметить праздник.

– Прости, дорогая, но мы и так едва сводим концы с концами, – ответила Джинна дочери, когда та подняла эту тему. – Кто бы нам самим помог…

Но Джулия с Робин так просто не отступились. Они стояли на своем, пока мать не сдалась, но оставалась проблема с деньгами. На следующий вечер Джулия, вернувшись домой, объявила, что договорилась аж с *двумя* семьями. Джинна схватилась за голову. Но ее тревога быстро улеглась – за несколько дней Джулия и Робин обошли всех своих знакомых и собрали на благое дело шестьсот долларов. Помогая доставить нуждающимся вещи первой необходимости и рождественские подарки (им понадобилось сделать пять ходок с полным багажником), Джинна буквально светилась от гордости за дочерей.

Робин, как и ее сестры, была невысокого роста – меньше пяти футов – а весила от силы сотню фунтов. Она была очень хороша собой, хотя терпеть не могла всякую «милоту». У нее были красивые высокие скулы и большие живые глаза. Несмотря на это, она считала красавицей не себя, а Джулию. Обладательница заразительной улыбки, волосы она носила (во всяком случае, в первые месяцы 1991 года) прямыми, свободно падающими каштановыми прядями до плеч, и только из-за правого уха у нее свисала на грудь длинная косичка толщиной в одну восьмую дюйма с выкрашенным в черное кончиком. Это был единственный неизменный элемент прически Робин – не просто косичка, а своего рода якорь, брошенный одновременно в прошлое и в будущее.

Робин было девятнадцать лет, и она училась на первом курсе в Университете Сент-Луиса. Как обычно, она последовала по стопам сестры, – держась к ней достаточно близко, чтобы взять от Джулии все хорошее, и вместе с тем достаточно далеко, чтобы не терять индивидуальности. Робин была талантливой и непокорной. Она наблюдала за всем, что делала Джулия, и перенимала у нее те качества, которые ей нравились. Джулия была ее наставницей, ее музой, но все же Робин оставалась на сто процентов самостоятельной личностью. Чуть застенчивее сестры, со спокойным нравом, она фонтанировала свежими идеями, была умна, саркастична и полна энтузиазма.

Ее спальня была воплощением артистичной натуры своей хозяйки. По всей комнате стояли на видных местах ее скульптуры, а на полях ее тетрадей и учебников красовались нарисованные драконы и феи. Она окружала себя красивыми вещами, в которых видела отражение существующей в мире доброты. Робин верила в карму и во врожденную человеческую гуманность, и эти убеждения перевешивали присущую ей тягу к цинизму. Она любила повторять любимую поговорку Джулии: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Именно этому сестры и посвящали все свои силы и время.

Как и Джулия, Робин занимала не просто активную, а гиперактивную гражданскую позицию. В свободное от учебы время сестры ходили в Семейный центр Армии спасения в центре Сент-Луиса, помогали младшим школьникам с уроками. Периодически работали волонтерами в Международной амнистии и в Гринписе.

Как-то раз, еще в начальной школе, Робин принимала участие в благотворительной акции, и этот первый опыт навсегда изменил ее. Она горячо одобряла идею делиться продуктами с теми, кто не в состоянии их купить. В отличие от других детей, грабивших родительские полки в поисках просроченных консервов с фасолью и ненавистными супами, Робин, придя домой, направилась прямиком к своей копилке, разбила ее, достала семь долларов мелочью и попросила Джинну подбросить ее до магазина. По дороге она советовалась с матерью, какие продукты лучше приобрести. Джинна, поразмыслив, предложила остановить выбор на тунце и арахисовой пасте, поскольку и в том и в другом много белка, а такие дорогие продукты благотворители обычно не раздают. В магазине Робин набрала на свои семь долларов консервных банок с тунцом и с арахисовой пастой. С тех пор Робин каждый год проделывала то же самое.

Но она не была слепой идеалисткой. Как раз наоборот – действовать ее заставлял врожденный пессимизм. Она верила, что несет личную *ответственность* за изменение мира. Если она не протянет руку помощи нуждающимся, рассуждала она, кто сделает это за нее? Робин обладала бойцовским характером, рьяно защищала все – и всех, – кого любила, и ничто в мире не могло сбить ее с верного пути. Она верила, что справится с чем угодно, надо только постараться.

Робин было всего пятнадцать, когда родители развелись и Джинна после восемнадцати лет занятий домашним хозяйством и детьми вернулась на работу. С финансами было туго, и Робин твердо решила помогать матери. Она подрабатывала после школы, но деньги не тратила, и на Рождество подарила Джинне

плюшевого мишку с прицепленной к лапе запиской: «Предъявитель сего уполномочен оплатить два счета на выбор». Робин знала, что на оплату даже одного счета уйдет все, что она скопила, но это ее не остановило.

Так что бойцом Робин была не в теории, а на практике. Однажды на перемене в старшей школе Хэйзелвуд-Ист она случайно услышала, как хулиган шести с лишним футов росту угрожает самому маленькому в классе пареньку. Она наблюдала подобное уже не раз, но в тот день сказала себе, что всему есть предел. Она просто не могла больше стоять в стороне, пока этот ублюдок издевается над слабым. С грохотом захлопнув свой шкафчик, Робин подошла к верзиле и нанесла ему удар в челюсть. Вряд ли тот почувствовал боль, но с тех пор присмирел и перестал задирать парня, а Робин заработала репутацию бесстрашной девчонки.

Как и Джулия, и их кузен Том, Робин стояла на перепутье. Она взрослела и превращалась в прекрасную молодую женщину с сильным и страстным характером. У нее была хорошая и счастливая жизнь, она ценила свою семью. И когда на весенние каникулы к ним приехали Каммингсы, она проводила с ними все свободное время. Джулия и Том стали на той неделе неразлучны, и Робин с Джейми старались к ним присоединиться. Робин хотелось лучше узнать своих двоюродных сестер и брата, и они отлично поладили. У Тинк оказалось такое же чувство юмора, как у Джулии, и Робин было с ней весело. Ну, а Кэти искренне восхищалась Робин, и та с удовольствием обсуждала с ней свои увлечения и планы.

Одним словом, та неделя в Сент-Луисе выдалась удачной, как ни посмотри. Младшим Каммингсам нравилось в доме бабки и деда с материнской стороны, и они наверстывали упущенное время, общаясь с двоюродными сестрами. Благодаря дружбе Тома и Джулии все остальные – Робин, Джейми, Тинк и Кэти – тоже сдружились. Том увидел родных сестер глазами кузин и понял, что они не так уж его и раздражают и с ними даже интересно. Поэтому, хотя каникулы подходили к концу и пора было возвращаться к работе и прощаться с подругой, Том, сидя той апрельской ночью рядом с Джулией, не мог стереть с лица улыбку. Они вспоминали все, что успели сделать вместе за неделю. Вспоминали, как гуляли вечером по центру, как, устроившись под аркой, наблюдали за снующими по Миссисипи речными трамвайчиками. Час пик давно миновал, в воздухе веяло ночной прохладой, с реки дул бриз, превращая кудри Джулии в небольшие торнадо. Они сидели, вытянув ноги, срывали травинки и думали о том, какими крохотными они, должно быть, кажутся

припозднившимся туристам, глядящим на них с арки. Это был тот редкий момент, когда понимаешь, что счастлив здесь и сейчас, и они оба чувствовали, что не скоро забудут это ощущение.

Джулия улыбалась – просто так, от хорошего настроения – и заметила, что Том тоже улыбается. Она глубоко вздохнула и, хотя к природному запаху, доносившемуся с реки, примешивался дух картошки фри из «Макдональдса», ей казалось, что она дышит подлинной атмосферой своего города, своего родного города. Эта могучая река, река Марка Твена, Уильяма Фолкнера и Томаса Элиота, была его артерией. Ее ток струился сквозь нее, пронизывая, подобно кровеносным сосудам, ее сознание и ее стихи.

Они с Томом выкурили одну сигарету на двоих, глядя на небольшие лодки, плывущие по реке. Стоял вечер первого апреля – за три дня до описываемых событий. Джулия достала из внутреннего кармана черной кожаной куртки открытку и протянула Тому, взяв с него обещание прочитать ее только дома. Его этот жест глубоко тронул, но не удивил – Джулия часто радовала друзей подобными знаками внимания.

Забирая у Джулии открытку, Том не мог представить себе, что готовит им судьба, какими прекрасными покажутся ему эти строки и с какой болью он будет читать их всего несколько недель спустя. Но в тот вечер он перед сном достал открытку из кармана и прочитал:

Наша любовь
не слияние наших тел
а слияние нас.

Наша дружба
не растраченный вместе смех,
а копилка спрятанных слез.

Мы делим с тобой
не высказанные мысли
а несказанные слова.

Мне не будет хватать
не того что мы вместе делали
а того чем мы были.

– Никки Джованни

И – почерком Джулии – приписка:

1 апреля, 1991

Том!

Я люблю тебя – никогда этого не забывай, где бы ты ни был и сколько бы времени ни прошло. Я не забуду тебя и через миллион лет. Помни и ты меня.

Джулс

За особенно крутым изгибом реки в нескольких милях к северу от плавучего «Макдональдса» над водой возвышался Старый мост Чейн-оф-Рокс. Могучая Миссисипи терялась на фоне этого старинного сооружения. Вода робко омывала непоколебимые опоры, скрывая в глубине разрушенные элементы конструкции.

Возможно, Джулию так тянуло к старому мосту потому, что в его противоречивой сущности она узнавала себя. Одни люди шли туда в поисках покоя и безмятежности, другие – за адреналином и острыми ощущениями. Это было место публичного одиночества, обветшалого великолепия и страшной красоты. Место, где ее граффити, в котором она старательно выписала каждое слово, со всех сторон окружала природа – плотные шеренги деревьев, гирлянды вьюнка, изломанная береговая линия. Это место играло на струнах ее чувств и дарило ей вдохновение. Она всем сердцем любила этот старый мост, и ее поэтическая натура подсказывала ей, что именно в тот момент он значил в ее жизни так много, как не будет значить уже никогда. Она и сама в то время пересекала своего рода мост от детства к взрослой жизни; она шагала по нему, строя собственное будущее и предвидя интересную и насыщенную жизнь. Ей хотелось, пока не кончилась их совместная с кузеном неделя, привести его в это особое место.

Джулия припарковала свою машинку на Ривервью-Драйв. Ее желание исполнилось – сейчас они с Робин покажут Тому их любимый старый мост и ее стихи.

Глава третья

Чуть раньше тем же вечером в Уэнтзвилле, что в сорока милях от Сент-Луиса, двадцатитрехлетний Марлин Грей сел за руль «Шевроле-Сайтейшн» своей девушки. Шести футов четырех дюймов ростом и весом больше 200 фунтов, он с трудом помещался на водительском сиденье маленького белого автомобиля. У него была гладкая темная кожа, большие глаза и ровные белые зубы. Аристократическую внешность дополняли массивная челюсть и рельефный подбородок. Грей был настоящим красавчиком.

Позади Грея сидел пятнадцатилетний Дэниел Уинфри, почти полная его противоположность. Уинфри был застенчивым щуплым пареньком – пять футов шесть дюймов и 120 фунтов – и еще продолжал расти. Светлокожий, с пепельными волосами до плеч и с прыщавым лицом подростка, он выглядел вполне симпатичным.

Уинфри с отцом, Дональдом Уинфри, переехали в дом на Линда-Лейн в Уэнтзвилле всего за три недели до того. Он учился в старшей школе Уэнтзвилла; успеваемость у него была ниже среднего, к тому же он любил прогуливать уроки. И дома, и в школе о нем отзывались как о воспитанном и вежливом юноше, но ему слишком быстро все надоедало – таких, как он, ничего не стоит убедить хотя бы раз попробовать что угодно.

Уинфри с Греем знали друг друга всего ничего – пару недель, не больше, – что не мешало им болтать и смеяться как старым друзьям. Возможно, интерес Уинфри к Грею объяснялся тем, что тот мог доставать спиртное и наркотики. Впрочем, Грей всегда легко сходился с новыми людьми, и его внезапная дружба с Уинфри не стала исключением. Грей обладал всеми качествами лидера и был душой любой компании. Девушки смеялись над его шутками, парни просили у него совета.

Однако Дэниел Уинфри многого не знал о своем новом приятеле – того, что Грей тщательно скрывал ото всех, включая себя самого. В возрасте Уинфри Грей тоже был низкорослым и тщедушным, но научился компенсировать свои слабости хитростью и смекалкой. Благодаря этому Грей, младший из шести детей и всеобщий любимец семьи, отлично умел добиваться своих целей.

К восемнадцати годам у Грея в голове сложилось идеальное представление о себе. Если воображаемый образ расходился с реальностью, он просто подстраивал реальность под него, и этот постоянный обман давался ему с пугающей легкостью. Природа

наградила его многими талантами: умом, красноречием, обаянием, веселым нравом и общительностью – словом, он был прирожденным актером, способным убеждать окружающих в том, что он и впрямь таков, каким хочет казаться. Его друзья верили, что Грей не просто состоит в военном резерве и по выходным ездит на сборы, а на самом деле служит в армии и проявляет чудеса героизма. Что он не доносчик, ради спасения собственной шкуры сдавший друга, а «оперативник отдела по борьбе с наркотиками, сотрудничающий с дружинами, которые патрулируют наиболее неблагополучные городские кварталы».

Грей встречался с Евой – красивой скромной девушкой с длинными каштановыми волосами и бледным лицом; высокой и стройной. Она была одной из самых ярых поклонниц Грея и заодно его спонсором – разносторонние интересы Грея не включали в себя необходимость зарабатывать деньги. Он тусовался с приятелями, раскатывал на машине Евы, пока та была на работе, или расслаблялся в доме друга, у которого они жили.

Вечером четвертого апреля Грей отвез Еву к ее подруге в Уэнтзвилл и сказал, что вернется через час-другой, только съездит по делам в пару мест. В действительности никаких срочных дел у Грея не было. Он собирался навестить кое-кого из друзей или просто погонять на машине в одиночестве. Он высадил Еву, заметил на улице Уинфри и позвал его с собой.

Погода стояла ясная, для начала апреля необычайно теплая; в такую погоду люди оставляют в шкафу зимние куртки и устремляются навстречу весне и приключениям. Грею и Уинфри надоела пресная жизнь в Уэнтзвилле, надоели их девушки и повседневная рутина. Им хотелось новых ощущений. Опустив в машине боковые стекла, они покатили куда глаза глядят. Когда Грей остановился на заправке, чтобы купить сигарет, Уинфри остался в машине. Он был еще слишком молод, чтобы покупать табак, и не хотел маячить у прилавка, вызывая подозрения. С тех пор как они с отцом переехали в город, Уинфри постоянно шатался с Греем по округе, но в машине ехал с ним в первый раз и старался не ударить в грязь лицом. От заправки они поехали на восток по шоссе I-70 к Нортвудсу – пригороду Сент-Луиса, где Грей собирался разыскать своего старого друга, Реджиналда Клемонса.

К дому Клемонса странная парочка подъехала около шести вечера. Клемонс с Греем сдружились несколько лет назад, когда жили в одном районе. Реджиналд был тихим и застенчивым девятнадцатилетним парнем. Среднего роста, с коротко стриженными черными, как уголь, волосами и опрятными усиками над верхней губой. Его внешность можно было описать

словом «аккуратный». Да и его образ жизни, в общем, тоже.

Его родители, Вера и Рейнолдс Томас, были рукоположенными священниками христианской общины «Победившая жизнь», центр которой Клемонсы посещали каждую неделю, пока Реджиналд был маленьким. Мать вышла за его отчима, когда Клемонсу едва исполнилось шесть лет, и Рейнолдс принял ее детей как родных. Постоянное присутствие в жизни Реджиналда любящего, но строгого отца оказало на мальчика самое благотворное влияние.

За добро Клемонс платил добром и рос послушным и воспитанным ребенком. Его с детства манила всякая техника – он вечно разбирал какие-нибудь механизмы, чтобы узнать, как они устроены, и собирал их обратно, чтобы они продолжали работать. В девять лет он развинтил часы отчима, а потом просидел над ними всю ночь. Проснувшись утром, Рейнолдс нашел свои часы на тумбочке в идеальном состоянии.

Интерес к механике не угас в Реджиналде и после, и он мечтал открыть мастерскую по ремонту газонокосилок, малогабаритных двигателей и мотоциклов. В отсутствие стартового капитала и работы он, едва окончив техническую школу, начал брать на дом заказы на ремонт. В марте 1991- го у него появились собственные визитки: «Реджиналд Клемонс: ремонт малогабаритных двигателей».

Гарольд Уайтнер, владелец небольшой мастерской шиномонтажа в Пайн-Лоун, стал для Клемонса кем-то вроде наставника, поощряя инициативу младшего коллеги. Он видел в Реджиналде своего последователя.

Последователь.

Из всех определений, какие разные люди давали Реджиналду Клемонсу в годы его детства и юности, это, пожалуй, было самым точным и ключевым для понимания мотивов Клемонса и роли, которую ему предстояло сыграть в жестоком преступлении.

Клемонс относился к числу тех молодых людей, что легко принимают любую ситуацию, в которой оказываются. Его родители, добропорядочные христиане, установили для сына строгие правила, основанные на морали, и внушили ему твердые жизненные принципы. А что сам Клемонс? Он следовал этим правилам, принимал эту мораль и усваивал эти принципы. Рядом с хорошими людьми он рос хорошим человеком. Друзья и соседи справедливо называли его «славным» и «тихим». Он был славным потому, что его окружали славные люди, а тихим – от неуверенности в себе. Самоанализу и поискам себя он предпочитал подражание другим.

К несчастью, эта его черта, позволявшая ему впитывать чужую

доброту, сделала его бессильным перед злом, с которым он столкнулся. Он приспосабливался к тому, что происходило вокруг, – довольно частое явление. На этом свойстве человеческой природы играют продюсеры ситкомов, вставляя в свои фильмы закадровый смех. Люди смеются, когда слышат чужой смех.

На первый взгляд Клемонс казался самым «приличным» из собравшейся в тот вечер четверки парней – самым воспитанным, вежливым и благонравным. Но психологически он, пожалуй, был самым страшным из четверых. Он, что называется, ходил по краю. Он не мог не перенять всех тех мерзостей, какие составляли основу характера некоторых из его знакомых. Таких, как Антонио Ричардсон.

Шестнадцатилетний Антонио Ричардсон был двоюродным братом Клемонса. Про таких, как он, обычно говорят: «тяжелый случай». Несмотря на то, что они жили совсем рядом, детство у них было совершенно разное. Если Клемонс рос в атмосфере строгой заботы и постоянного внимания, то Ричардсон – в нищете и полном родительском пренебрежении.

Ричардсон родился в сентябре 1974 года. У его матери, восемнадцатилетней Гвендолин Уильямс, это был уже второй сын. Когда Ричардсону исполнилось полтора года, Гвендолин произвела на свет и третьего ребенка. К трудной роли матери-одиночки она оказалась совершенно не готова. Она так и не окончила школу и время от времени подрабатывала на полставки в местном фастфуде «Уайт Касл». Жили они в крохотной грязной квартирке на Эджвуд-авеню, которую оплачивал благотворительный фонд. Питались в основном тем, что удавалось приобрести на бесплатные талоны, а спали вчетвером на двух кроватях и диване. Нередко Гвендолин пропадала из дому на целые недели, бросая детей одних.

Ричардсон был сущим кошмаром для своих учителей, пока не бросил школу. Никто не мог заставить его учиться, а в 1987-м, когда ему было двенадцать, он вообще перестал посещать занятия. Учеба его не интересовала, он еле-еле умел читать, зато был сыт по горло попытками учителей хоть как-то призвать его к дисциплине. В тот день, когда кто-то из соседей позвонил в службу опеки, чтобы сообщить о жутких условиях, в которых жили Ричардсон с братьями, тот прогуливал школу уже целый месяц (примерно столько же в очередной раз отсутствовала дома его мать).

Ричардсона снова приняли в школу, но вскоре исключили за то, что он принес на урок игрушечный пистолет. На его учебу и поведение все махнули рукой. В тринадцать лет он впервые

предстал перед судом по делам несовершеннолетних по обвинению в краже. Следующие два года жизнь Ричардсона текла по тому же руслу – он изредка появлялся в школе, постоянно влипал в неприятности и почти не видел дома мать. К пятнадцати годам у Ричардсона проявились серьезные проблемы с алкоголем и наркотиками. В 1990 году ему диагностировали алкогольную зависимость. Симптоматика – сонливость, спутанность мыслей, подавленность – свидетельствовала о начале алкогольной энцефалопатии.

Тогда же пятнадцатилетний Ричардсон окончательно бросил школу и записался в Трудовой корпус. Год спустя, к вечеру четвертого апреля 1991 года, будущее рисовалось Ричардсону таким же мрачным, как его прошлое, хотя сам он не очень над этим задумывался. Ему нравилось проводить время с Клемонсом; в обществе старшего и более уравновешенного кузена злость и буйный нрав Ричардсона как будто утихали. Да и сам дом Клемонса, хоть и соседствовавший с той тесной и грязной конурой, где он вырос, представлялся ему оазисом посреди пустыни, волшебным местом из иного мира.

В тот вечер Ричардсон и Клемонс валялись на полу гостиной перед телевизором, когда раздался дверной звонок. Оба кузена, как, впрочем, и все жители города, чувствовали наступление весенней лихорадки. Поэтому гостей они встретили с радостью. Прежде Грей никогда не встречался с Ричардсоном и взял на себя труд представиться самому и представить своего спутника.

Четверо парней быстро нашли общий язык. Место вожака группы сразу занял Грей. Он был самым разговорчивым, и остальные охотно подхватывали его реплики. Но, поскольку Клемонс был старше всех, он тоже внушал определенный авторитет – скорее в силу возраста и внешности, но не благодаря уверенности в себе или лидерским качествам. Роль лидера давалась ему с трудом – впрочем, если он ее и играл, то только в глазах двух младших приятелей. Поэтому, когда Грей рассказывал свои невероятные истории и излагал безумные планы, двое младших, прежде чем кивнуть, ждали от Клемонса знаков одобрения. Эти двое быстро поладили и обменивались шуточками на тему девчонок и полной бесполезности школы – о чем еще говорить подросткам?

Именно Грей предложил переместиться куда-нибудь еще, избавившись от надзора родителей Клемонса; остальные его поддержали. Им удалось получить приглашение от друга Грея Майка и его жены Крисси, которые любили гостей, – у них в доме вечно толклось полно народу.

За порогом родного дома Клемонс расслабился: он вел себя

по-прежнему спокойно, но выражался уже не так изящно, сдабривая речь словечками, которых никогда не произносил при родителях. Он даже на диване сидел по-другому – откинувшись на спинку и небрежно закинув на нее руку, другой придерживая между коленей бутылку пива.

Ребята пили пиво и смотрели хоккей. Уинфри поначалу сидел тихо и старался не влезать в разговор – возможно, потому, что был в компании самым младшим и мелким и к тому же единственным белым. Но новые друзья ему нравились, и вскоре не без помощи пива и марихуаны от его былой застенчивости не осталось и следа – он вовсю болтал и шутил со старшими приятелями, а с одним из них даже сыграл в дартс.

И только Ричардсон выглядел недовольным, и объяснялось это просто – он в отличие от остальных вообще не умел «вести себя прилично».

Большую часть того вечера четверка провела в уютном домике Майка и Крисси на Сан-Диего-Драйв. Грей плел свои небылицы и пел песни, которые сочинил сам или где-то услышал. Он танцевал, угощал остальных косячком и старательно их смешил. Ближе к одиннадцати хозяева дома немного устали и прозрачно намекнули ребятам, что пора бы и честь знать.

Грею не хотелось заканчивать вечеринку так рано – у него были другие планы. У них еще оставались запасы пива и травки, так что он предложил прогуляться до Старого моста Чейн-оф-Рокс. Двое младших глянули на Клемонса, и тот едва заметно кивнул. Веселье продолжилось.

Глава четвертая

Старый мост Чейн-оф-Рокс был введен в эксплуатацию в 1929 году. По нему проходила через Миссисипи легендарная трасса 66. Изначально мост находился в частной собственности, и за проезд по нему взималась плата в размере пяти центов, но позднее его выкупил муниципалитет города Мэдисона, штат Иллинойс. Выглядит старый мост необычно – при длине больше чем в милю, шириной он всего двадцать четыре фута, а посередине по неведомой причине изогнут на двадцать два градуса. В 1968 году состоялась церемония открытия Нового моста Чейн-оф-Рокс, построенного параллельно старому, но уже более современного, с высокими речными пролетами и свободным проездом. Мэрии Мэдисона оставалось только закрыть старый мост.

Несмотря на то, что Старый мост Чейн-оф-Рокс так и не удостоился никакого официального статуса, люди считали его городской достопримечательностью, и руководство Мэдисона так и не решилось его снести. Шли десятилетия, а старый мост все стоял, пересекая Миссисипи и покрываясь пылью. Каждые два-три года кто-нибудь из политиков предлагал или реставрировать мост, или снести его от греха подальше, но оба проекта тормозила их стоимость. Дороговизна сноса моста и привязанность к нему местных жителей сохранили его в неприкосновенности. К 1991 году мост, конструктивно еще достаточно прочный, внешне пришел в плачевное состояние и стал излюбленным местом подростков и граффитчиков с обоих берегов реки.

– Жду не дождусь, когда покажу тебе стихи! – возбужденно прошептала Джулия, опуская ключи от машины в карман куртки и подпрыгивая от нетерпения. В лунном свете глаза у нее сияли, ямочки на щеках из-за падающей на лицо тени казались еще глубже.

– А теперь, дамы и господа, – объявила Робин голосом телеведущей, – представляю вам широко признанную и невероятно талантливую поэтессу! Ту, чьи произведения были опубликованы в бессчетном множестве литературных журналов и получили блестящую оценку критиков! Моя сестра, бесподобная ДЖУЛИЯ КЕРРИ! Прошу вас, пару слов, мисс Керри.

Джулия низко поклонилась.

– О, благодарю за такое дивное представление, дорогая, – манерно протянула она, обмахиваясь невидимым веером. –

Должна сообщить своим поклонникам, что из всех моих прославленных творений именно то, которое вам предстоит лицезреть сегодня, является моим любимым, моим непревзойденным шедевром, моим *magnum opus*…

– А можно уже лицезреть опус? – прервал ее Том. – Давайте быстренько посмотрим и свалим отсюда, а то тут стремно. Как туда попасть-то?

Машин на дороге больше не было. В абсолютной тишине Том бросил взгляд на шеренгу деревьев. Река отсюда не просматривалась, но разлитая в воздухе влага подсказывала, что она недалеко.

– Ладно, – легко согласилась Джулия, которую ничуть не задело отсутствие восторга с его стороны. Она подбежала к сетчатому забору и быстро отыскала лазейку, через которую не единожды пробиралась прежде. Они пролезли в дыру, и Джулия повела их по узкой протоптанной тропинке через лес туда, где светились на фоне темного бетонного настила большие белые буквы ее стихотворения. Продираясь сквозь низкий подлесок, она повторяла его про себя, иногда шевеля губами.

Тропинка кончилась внезапно, и вместо земли ребята ощутили под ногами асфальт. Местами сколотый и потрескавшийся, он казался в лунном свете костями какого-то древнего гиганта. Старый мост Чейн-оф-Рокс был прямо перед ними. Том резко остановился, и шагавшая сзади Робин врезалась в него. Он пытался заставить себя двинуться дальше, но вид грозного и жуткого силуэта старого моста его будто парализовал. Гигантская стальная конструкция была усеяна палой листвой; густой подлесок у основания опор словно силился оградить мост от незваных гостей. С балок и переборок огромного металлического скелета свисали длинные плющи, в темноте ночи зловеще качавшиеся на ветру.

– Что такое? Только не говори, что испугался, – хмыкнула Джулия.

– Нет, конечно. Я соберу в кулак все свое мужество. Идем, – ответил Том.

Под плеск Миссисипи троица направилась к мосту. Река мелодично шумела, и Том немного расслабился и даже начал получать удовольствие от прогулки и разговора. Сестры беззаботно смеялись и шутили; ребята шли и радовались жизни, передавая друг другу зажженную сигарету.

Менее чем в миле от них Грей, Клемонс, Ричардсон и Уинфри уже подходили к другому концу моста, в стороне Иллинойса. Они шли, периодически останавливаясь, чтобы рассмотреть очередное

граффити. Грей, возбужденный больше других, напоминал большого ребенка: если он считал весь Сент-Луис своей игровой площадкой, то здесь располагался его любимый аттракцион. Они почти пересекли мост, когда заметили на берегу костер, и только тогда осознали, как далеко забрались. Кто-то из них предложил возвращаться, и вся компания развернулась и направилась назад, к Миссури, навстречу Джулии, Робин и Тому.

Четвертого апреля 1991 года за пару минут до полуночи на Старом мосту Чейн-оф-Рокс зазвучало эхо шагов. Робин шла в коротких черных сапожках; справа от нее в таких же коротких сапожках шагала ее сестра Джулия, слева – их кузен Том в стоптанных кроссовках «Найк». Следующие несколько минут тишину нарушали лишь звук их шагов да низкий гул машин, проезжавших по хорошо освещенному параллельному мосту в полумиле севернее. Джулия предупредила Тома, что на бывшей проезжей части моста есть открытые люки, и тот снова занервничал.

– Мы же не хотим, чтобы ты провалился, – пошутила Джулия, получив в ответ от Тома вымученное подобие улыбки.

Том внимательно смотрел себе под ноги перед каждым осторожным шагом, чертыхаясь вполголоса и жалуясь на отсутствие фонарика. Джулия с Робин, привыкшие гулять по мосту, шли гораздо увереннее и спокойнее, выискивая глазами новые интересные граффити.

Для Джулии этот мост был чем-то вроде эклектичного собрания философских изречений и чуть ли не практическим руководством к жизни. Самым ценным она считала то, что каждый человек мог дописать в этот постоянно обновляемый свод коллективной мудрости что-то свое. Здесь многому можно было поучиться, и Джулия невероятно гордилась тем, что добавила к этому собранию сочинений свое стихотворение. Она только примерно помнила, где его написала, поэтому все трое сбавили шаг и шли вперед медленно, чтобы его не пропустить. Они достали зажигалки и, низко наклонившись, изучали в свете дрожащих от речного бриза огоньков поверхность асфальта. Том еще раз пожалел, что не взял из дома фонарик. Они искали стихи Джулии среди наползающих одно на другое граффити. Том с Джулией передвигались крошечными шажками – одна рука на колене, в другой зажата зажигалка. Робин и вовсе опустилась на четвереньки и ползла рядом с ними, завороженно разглядывая диковинные надписи и рисунки.

Первой стихотворение обнаружила Джулия – благодаря символу мира, каким всегда подписывала свои работы:

освещенный язычками пламени, белый пацифик сиял, словно посылал им улыбку. Она улыбнулась в темноте, ткнула Тома локтем и потянула его за рукав. Робин вскочила на ноги и присоединилась к ним, закурив на радостях еще одну сигарету. Троица в благоговейном молчании двигалась вдоль белых строчек, разбирая слова в свете звезд и трех зажигалок.

Стихи были написаны под влиянием Спайка Ли и говорили об общности человеческой природы, призывали к взаимопониманию и необходимости покончить с расизмом. Джулия и Робин адресовали этот призыв своим равнодушным и подчас невежественным ровесникам. Дочитав до конца, Том ощутил ком в горле. Джулия заметила, что ее стихи тронули брата, издала победный возглас и закружилась на месте, раскинув руки, как будто пыталась обнять весь мир. Она сознавала, что с точки зрения литературной формы это не лучшее ее стихотворение, зато оно точно выражало ее мировоззрение. Простота и доступность содержания входили составной частью в его красоту: всякий читатель понял бы его смысл. Она видела, что Том по-настоящему оценил стихи, и чувствовала себя окрыленной.

Троица стояла рядом на мосту, под ногами – строки стихотворения Джулии, над головами – чистое ночное небо Сент-Луиса. Джулия испытала прилив поэтического вдохновения и мечтательно заговорила о том, что этот мост связывает между собой не только два участка суши, но еще и землю, воду и небеса и что на свете нет лучше места для умиротворенного созерцания. Над Иллинойсом низко висела оранжево-красная половинка луны – по мнению Тома, осенней. Странно, что в это время года полумесяц такой оранжевый и висит так низко.

Робин первой услышала приближающиеся голоса и шикнула на сестру и кузена. Они замолчали и инстинктивно отступили в тень одной из опор моста. Джулия и Робин еще ни разу здесь не попадались. Строго говоря, они совершили незаконное проникновение на закрытую территорию, а ночевать за решеткой никому из них не хотелось. Том на мгновение представил себе, что будет, когда родители узнают об их ночной вылазке. Через секунду в их поле зрения появились Уинфри и Ричардсон, а следом – Клемонс и Грей. При виде четырех незнакомцев все трое почувствовали облегчение, но остались в тени опоры. Эти четверо явно были не из полиции – такие же молодые ребята, как и они сами, вышли подышать свежим ночным воздухом. Когда они почти поравнялись, самый высокий из четверых, Грей, протянул Джулии руку для приветствия и улыбнулся.

Они быстро познакомились; Грей представился Марлином

из Уэнтзвилла и спросил троицу, откуда они. Том ответил: «Из Мэриленда», сестры сказали: «Норт-Каунти». Грей порекомендовал троице прогуляться дальше до середины моста, а Ричардсон добавил, что там шикарные граффити, а кто-то даже нарисовал очень реалистичного дракона. Робин, навострившая уши, едва речь зашла о граффити, воодушевленно кивнула сестре. Уинфри с Ричардсоном стрельнули у девушек по сигарете; Грей поинтересовался, бывали ли те под мостом, и, получив в ответ лишь недоуменные взгляды, пояснил, что через люки на мосту можно попасть на нижний настил.

– Хотите потусить с нами внизу? – улыбнулся Грей. – Там реально клево. – Он повернулся к Тому и, многозначительно подмигнув, добавил: – Можешь спуститься туда со своими девчонками, будете там совсем одни, полюбуетесь на реку. Шикарно проведете время.

– Да нет, что-то не хочется, – ответила за остальных Джулия. – Но спасибо.

Грей пожал плечами. Том с сестрами вели себя вполне дружелюбно, да и с чего бы им вести себя иначе. Но они явно не горели желанием провести остаток вечера с четырьмя незнакомцами и, очевидно, не разделяли представления Грея о шикарном времяпрепровождении. Грей понял, что не произвел на ребят особого впечатления и предпринял последнюю попытку вызвать их интерес. Одним стремительным прыжком он перемахнул через ограждения и приземлился внизу на бетонном быке моста. Джулия с Робин бросились к поручням, наклонились и увидели целого и невредимого Грея. Тот помахал им рукой и скрылся под решеткой, но тут же показался из открытого на мосту люка Клемонс повторил выходку Грея, нырнув за поручни моста и через пару секунд высунувшись из люка, как кротик в детской компьютерной игре.

Джулия и Робин не сдержали смеха, но скорее от облегчения, а Том лишь молча закатил глаза. Они еще с минуту поболтали, после чего четверо парней решили, что им пора, и обе группы мирно простились, пожав друг другу руки. Напоследок Ричардсон бросил через плечо, что потерял где-то тут фонарик и если ребята его найдут, то пусть дадут ему знать.

Когда четверка отдалилась на достаточное расстояние, Робин не без ехидства заметила, что фонарик он, скорее всего, потерял, пока прыгал по переборкам моста как сумасшедший. Все трое посмеялись, а Том добавил: «Если они считают, что я полезу туда его искать, они сильно ошибаются». Никто из них не задумался над тем, каким образом, по мнению Ричардсона, они могли бы вернуть ему фонарик. Возможно, они и не рассчитывали его

найти, а возможно, просто не придали этой детали значения.

Четверо парней пошли в сторону Миссури, а сестры Керри и их кузен двинулись в обратном направлении. На конце моста четверо замедлили шаг.

– Может, вернемся и грабанем их? – понизив голос, предложил в темноте один из четверки.

– Давайте, – кивнул Грей, улыбаясь и потирая руки. – Не терпится вмазать кому-нибудь.

Вот так просто. Четыре жизненных пути сошлись в тот вечер в одной точке, сплетясь в темной сырости речного воздуха четырьмя кивками. Пути назад не было. Решение, которое в одно мгновение вместе приняли эти четверо – сын священника, хулиган, любитель розыгрышей и почти мальчишка, раз и навсегда изменило их жизни и жизни многих других людей. Они приступили к его исполнению, совершенно не думая о том, какими страшными последствиями оно обернется.

Грей пошарил рукой в кармане, вытащил горсть презервативов, выдал по одному Клемонсу и Ричардсону, а третий протянул переминающемуся с ноги на ногу пятнадцатилетнему Уинфри. Тот робко потряс головой. Да, он согласился принять участие в ограблении, может даже, немного подраться, но на большее ему не хватало адреналина. Грея подобный расклад не устраивал, и он буквально всучил Уинфри презерватив, смерив его не терпящим возражений взглядом. Уинфри нерешительно сунул его в карман, сделал глубокий вдох и вслед за приятелями побрел обратно на мост.

* * *

Пятнадцать-двадцать минут спустя Джулия, Робин и Том подошли к дальнему концу моста. Лишь заметив костер на другом берегу реки, они осознали, как далеко забрались. Встали возле перил и молча смотрели на костер и речную воду. Восточная оконечность моста, выходящая в Иллинойс, была уже совсем рядом – темный выступ, заросший растительностью так же густо, как и западный. Оба входа на старый мост, восточный и западный, напоминали готические подпорки для книг, украшенные по-разному, но одинаково неприветливые.

Том обрадовался, когда они остановились, – ему не хотелось выходить на темный противоположный берег. Он смотрел на пляску огня в костре и силуэты людей вокруг. Несколько минут они просто стояли, впитывая красоту ночного пейзажа.

На мосту царила умиротворенная тишина. Троица молча наслаждалась доносившимся снизу гулом Миссисипи, и, снова услышав приближавшиеся шаги и голоса, они встрепенулись, оглянулись на запад, в сторону Миссури, и с волнением стали ждать появления тех, кому принадлежали голоса. Настил старого моста тонул в тумане, но каком-то необычном; в безоблачном небе ярко сверкали звезды. Туман был каким-то зловещим – он поднимался с реки, лип к лодыжкам и полз выше, мешая обзору. Робин обеспокоенно глянула на Джулию, ища у старшей сестры поддержки.

– Вот теперь мы влипли, – прошептала Робин, сжимая руку сестры, – это уж точно копы.

Джулия вместо ответа вынула из пальцев Тома зажженную сигарету и сделала глубокую затяжку. Мысленно она уже репетировала речь в духе «мы правда не знали, что сюда нельзя», сопровождаемую наивным хлопаньем ресницами. Впрочем, ей никогда не удавалось в аналогичной ситуации никого умаслить, но она надеялась как-нибудь выкрутиться.

Когда из ночного тумана возникли лица Грея и троих его приятелей, они облегченно вздохнули. Тома начала немного успокаивать эта череда оказывавшихся беспочвенными волнений.

– Это те самые четверо парней. Господи, Робин, нельзя так пугать! – сказала Джулия, легонько шлепнув сестру по руке.

Робин хихикнула, и все трое расслабились. Четверка приближалась. Антонио Ричардсон подбежал к перилам, наклонился и прокричал что-то, приветствуя людей внизу. Те крикнули в ответ и пригласили ребят к костру. Том, Робин и Джулия поняли, что их тоже приглашают, но чувствовали себя посторонними.

– Мы спускаемся! – крикнул Ричардсон. – Лишние спальники найдутся?

Один из сидящих у костра показал большой палец. Ричардсон хохотнул и вернулся к товарищам.

Том, Робин и Джулия направились на запад, к ожидающему их на берегу Миссури «шершню». Четверка новых знакомых шла за ними, непринужденно болтая. Никто из них не объяснил, почему они все еще на мосту и не ушли полчаса назад, как собирались. Но сестры с братом уже не переживали – все же за тот вечер пока еще не случилось ничего неприятного или даже просто необычного.

Ребята подошли к резкому изгибу посередине старого моста, и Джулия снова занервничала – она внезапно осознала, что вокруг никого нет, а четверо парней сзади как-то притихли. Она достала из пачки «Мальборо-лайт» сигарету и закурила, осветив

на мгновение свое лицо зажигалкой. Клемонс с Уинфри незаметно обогнали своих приятелей; Грей с Ричардсоном держались чуть позади.

Прикрывая руками огонь зажигалки, а заодно и рот, Джулия шепнула шагавшему рядом кузену: «Том, мне это не нравится. Кажется, эти парни нас преследуют или что-то типа того».

Робин шла впереди и чуть левее, сунув руки глубоко в карманы старого коричневого блейзера, и пыталась разглядеть в темноте граффити на настиле. Том, стараясь не поддаваться панике, начал лихорадочно соображать. Других автомобилей, припаркованных рядом с «шершнем» на Ривервью-Драйв, он не помнил. Возможно, их преследователи собирались угнать их машину.

– Что будем делать? – прошептала Джулия.

Том понятия не имел. Вероятность того, что им удастся убежать, была невелика. Он покачал головой.

– Не знаю, – ответил он. – Пока просто иди дальше и не расслабляйся.

Джулия, подумав, что лучше не разделяться, тихонько подозвала Робин и шепнула что-то ей на ухо. Та глянула на сестру расширившимися от страха глазами, но молча кивнула. Шедший в паре метров позади них Грей заметил эти торопливые переговоры и решил, что пора действовать.

Несмотря на растущее чувство страха, ребята не смогли подготовиться к внезапному нападению. На плечо Тома тяжело опустилась рука, и тот же голос, при звуках которого еще совсем недавно они испытали облегчение, зловеще произнес: «Иди сюда. Надо поговорить».

Том невольно развернулся и в шести дюймах над собой увидел насмешливую улыбку Грея. Тот потянул его за руку, подальше от сестер, и Том понял, что с ними беда.

Джулию застали врасплох, напав сзади; сигарета вылетела у нее из пальцев, описав в воздухе дугу и прочертив след из багровых искр. Они с Робин вырывались и кричали, но их оттаскивали от Тома. Робин попыталась наугад лягнуть нападавшего, но промахнулась. Мир для Тома внезапно накренился, и в следующее мгновение он обнаружил себя лежащим на асфальте, щекой к настилу моста, прижатый стоящей на его шее ногой.

– Не повезло тебе сегодня, чувачок, – услышал он, но кто это сказал, не видел. – Ты влип. Ты реально влип.

Нападавший приказал Тому не дергаться и добавил, что пристрелит его, если он попытается повернуть голову. Том открыл рот, но из груди не вырвалось ни звука. Он лежал, не

двигаясь, сердце у него бешено колотилось где-то у горла. В следующий миг он почувствовал, что ногу с его шеи медленно убрали, и задышал глубже, стараясь не шевелиться.

К первому голосу присоединился второй. Том слышал удалявшиеся крики Джулии и Робин: «Отпусти меня!» и «Что ты делаешь, мне же больно!» Внезапно Тома настигло осознание ужаса происходящего с его сестрами. Он вскинул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как одна из темных фигур валит Джулию на настил. Тут же нога Грея вновь оказалась у него на шее.

– Пристрелю, ублюдок! – пригрозил он, прижимая Тома лицом к асфальту. – Клянусь, еще раз шевельнешь башкой, и я тебя пристрелю, жирдяй.

Через пару минут Том вновь почувствовал, что нога исчезла с его шеи, и расслабил мышцы. Он не двигаясь лежал на настиле старого моста у ног бугая Грея и отчаянно пытался собраться с мыслями. «*Не психуй, а думай*», – внушал он себе. Он всегда считал, что помочь человеку выжить в критической ситуации может лишь спокойная и трезвая рассудительность, но теперь понял, что он на нее попросту не способен. Он вообще не мог думать и едва осознавал реальность происходящего, и лишь впивавшаяся в щеку щебенка грубого покрытия мешала поверить, что весь этот кошмар ему снится.

Над Томом, сменив Грея, встал другой парень, а Грей направился к девушкам. Слыша, как кричит, вырываясь, Джулия, Том заплакал. Робин подозрительно затихла.

– Жить хочешь? – Один из нападавших навис над Джулией. – Тогда снимай штаны, не то сброшу с моста. Считаю до трех. Один. Два. Три.

Том услышал всхлипы сестры, и у него затряслись плечи. Его «тюремщик» наклонился над ним так низко, что Том уловил его жаркое дыхание. В лицо ему полетели брызги слюны, когда тот произнес:

– Я еще никого не мочил. Прикольно, наверно.

Том пытался сосредоточиться на шуме воды в реке и машин, проезжающих по соседнему мосту – на чем угодно, кроме приглушенных звуков истязания его сестры. Охранник Тома в очередной раз сменился; на сей раз пост занял Уинфри, единственный в компании белый. Он уселся у Тома на спине и спросил, есть ли у него с собой деньги. Том ответил, что есть, и Уинфри приказал ему медленно вывернуть карманы. Том аккуратно вытащил из одного кармана нейлоновой куртки деньги, их было немного, а из другого – ключи от дедушкиного дома. Уинфри приказал Тому положить все это на асфальт перед собой, и тот подчинился. Уинфри, поерзав на спине Тома,

почувствовал в заднем кармане его джинсов что-то объемистое, решил, что это бумажник и достал его сам, но открыв, не на шутку переполошился:

– Слышь, это чо, на хрен, за бляха?

– Я пожарный, – максимально спокойно ответил Том. – Просто пожарный. Я не коп.

Уинфри это объяснение, кажется, успокоило. Он вытащил бляху из бумажника, повертел в руках, рассматривая в свете луны, а затем спрятал себе в карман. Туда же отправилось водительское удостоверение Тома вместе с несколькими фотографиями, после чего Уинфри вернул пустой бумажник в задний карман джинсов Тома. Уинфри явно нравилось играть роль тюремщика – он прямо-таки наслаждался страхом, который внушал своей жертве.

– Знаешь, – задумчиво произнес он, вставая со спины Тома и потягиваясь, – хорошо, что мои друзья не пидоры. А то бы и тебя отодрали.

И засмеялся, будто ожидал, что Том порадуется шутке и засмеется вместе с ним.

Том крепко сжал челюсти и кулаки, но промолчал. Он не собирался поддаваться на провокации негодяя. У него резко скрутило живот, к горлу подступила желчь. Он испугался, что его сейчас вырвет – прямо так, лежа щекой на асфальте, с ногой Уинфри на спине. Мысль о пистолете помешала ему шевельнуться.

Несколько минут спустя он услышал голоса. Они доносились издалека, но звучали достаточно отчетливо, чтобы он понял: парни обсуждают, кого убить первым. Затем он услышал шаги – к нему подошел Клемонс и без всякого предупреждения с силой пнул по ребрам. Стоявший рядом Уинфри, видя, как Том корчится и шипит от боли, заржал.

Клемонс, воодушевленный благодарной аудиторией, воскликнул: «Да брось, разве это больно?» – и ударил Тома еще раз, сильнее. После четырех или пяти ударов Том уже не двигался. Он знал, что его мучения несравнимы с тем, через что только что прошли Джулия и Робин. Клемонс, обозленный отсутствием реакции со стороны жертвы, опустил ногу на затылок Тома, впечатывая его лицом в асфальт.

– Я оттрахал твою девчонку, – сообщил он, переходя к более изощренной пытке. – Что скажешь?

Он понимал, что бьет в самое уязвимое место, и не просчитался. У Тома снова сжался желудок, будто сдавленный железной рукой. Но он не собирался доставлять Клемонсу ожидаемое удовольствие.

– Они мои двоюродные сестры, – стоически ответил он, не стыдясь катящихся по лицу слез.

– Ах, сестры… – с усмешкой протянул Клемонс. Убрал ногу с головы Тома, пнул его еще раз и приказал: – Вставай.

Они с Уинфри подняли Тома на ноги и, согнутого пополам, повели туда, где он в последний раз видел сестер. Он уже некоторое время не слышал их голосов и приготовился к худшему. Двое парней оттащили его футов на пятьдесят в сторону Миссури и резко остановились. Том стоял, перегнув спину почти под прямым углом, и видел перед собой один из открытых люков. Начерченные на настиле классики на месте последнего поля заканчивались зияющей черной дырой. После всего случившегося вид этой детской игры, такой здесь несуразной, наполнил сердце Тома ужасом. И никаких признаков Джулии и Робин.

Один из парней пнул Тома в голень и спросил, что на нем за обувь.

– «Найк Эйр».

– Какой размер?

– Десять с половиной.

– Ну все, хана тебе, богатенький жирдяй.

В ту же секунду кто-то схватил Тома за воротник, натянул куртку ему на голову и повалил на настил моста. Он затрясся всем телом в ожидании смертоносного выстрела, но никто не стрелял. На его прикрытый курткой затылок опустилась чья-то рука.

– А знаешь что? – услышал он голос. – Ты мне нравишься. Я тебя не убью. Да, пожалуй, я не стану тебя убивать.

За бешеным стуком собственного сердца и грохотом молотков в висках Том едва различал слова, но все же уловил еще один голос. Нападавшие спорили. Первый требовал убить Тома, второй отвечал, что уже пообещал оставить богатенького в живых. Том подумал о восемнадцати долларах, которые забрал у него Уинфри, и удивился: о каком «богатеньком» они говорят.

Спорщики все не утихали. Уинфри наклонился чуть ли не к самому уху Тома и спросил:

– А что, в Вашингтоне такое бывает?

Его голос звучал почти дружелюбно. Том готов был поклясться, что парень над ним не издевается, а на самом деле пытается просто с ним поболтать. Парень, который только что помогал насиловать его сестер, ограбил его и собирался принять участие в его убийстве, хотел с ним по-дружески поболтать.

– Со мной не бывало, – ответил Том. Ничего лучше ему в голову не пришло.

– Это со *мной* не бывало, – передразнил его Уинфри. – Но ты сейчас в Сент-Луисе. Добро пожаловать! – И захихикал.

Спор о том, сохранять ли Тому жизнь, все продолжался, но он в него уже не вслушивался. Потом вдруг наступила тишина, оглушительная и еще более страшная, чем обсуждение его убийства. Его схватили за плечо, подтащили к люку с дурацкими классиками и усадили на край, заставив спустить вниз ноги. Из-за натянутой на голову куртки Том почти ничего не видел. Один из нападавших приказал ему лезть на нижний настил. Кое-как спустившись, Том с трудом разглядел в темноте под люком дрожащие фигурки Джулии и Робин. Они лежали рядом, обе без одежды. К глазам Тома подступили слезы облегчения, а в горле встал здоровенный пульсирующий ком, мешавший дышать. Чей-то голос приказал Тому лечь рядом с ними, и тот повиновался, радуясь, что нашел сестер.

Света едва хватало, чтобы Том понял, что Джулия, как и Робин, лежит на спине, справа от нее; глаза у обеих были закрыты. Джулия тихо, почти неслышно бормотала что-то нараспев, словно пела Робин колыбельную.

– Скоро все кончится, – повторяла она. – Все будет хорошо.

Между тем в нескольких футах над ними четверка обсуждала, что им дальше делать со своими жертвами. Но те, в оцепенении от пережитого, к ним не прислушивались, слишком измученные, чтобы насторожиться. Том перевернулся на живот, и правой рукой коснулся правого бока Робин. Она дрожала всем своим хрупким телом, наполняя Тома бессильной злобой.

– Не бойся, Робин, скоро все кончится, – твердила Джулия. – Все будет в порядке.

Ее слова предназначались Робин, но Тому стало от них чуть теплее. Три-четыре минуты спустя голоса над ними стихли и из люка на настил с глухим стуком спрыгнули Клемонс и Ричардсон.

– Подъем! – скомандовал один из них.

Том и Джулия медленно поднялись на ноги. Робин, намертво скованная страхом и отвращением, даже не шелохнулась. Парни стояли в тени в паре футов от ребят.

– Давай, двигай. Вон туда, – приказал Клемонс, указывая на бетонный выступ.

Робин его как будто не слышала. Она пребывала в отключке, словно ее разум отказывался признавать, что творят с ее телом.

Том выбрался на выступ. Происходящее с трудом доходило до его сознания. Он смотрел на бегущую внизу буроватую, поблескивающую в лунном свете воду; мысли в голове будто опухли и еле ворочались. Ему показалось, что там не очень высоко – пожалуй, есть шанс остаться в живых. Впервые за все

время, что длился этот кошмар, Том поверил, что, может быть, он действительно скоро кончится. Двое парней орали на Робин, чтобы заставить ее встать, и Том повернулся, готовый помочь сестре пережить последние жуткие минуты нападения. Но двигался он медленно, будто в страшном сне, когда пытаешься закричать, но не можешь, хочешь убежать, но ноги тебя не слушаются.

Он успел увидеть, как Клемонс схватил Робин и швырнул ее тельце на выступ рядом с сестрой. Она казалась такой маленькой, почти невесомой. С трудом поднявшись на ноги, она пошатнулась и сделала шажок в сторону Тома. Ни одежды, ни обуви на ней не было, но она, кажется, этого не замечала. Ухватившись обеими руками за локоть брата, она прижалась к нему, ища посреди творящегося ужаса хоть немного тепла и поддержки.

Он обнял ее в ответ, чтобы согреть своим телом. Она печально смотрела в холодном свете апрельской луны на свои босые ноги, такие крошечные на фоне шершавого бетона. Они были в порезах и ссадинах, но по сравнению с тем, что ей пришлось пережить, это казалось пустяком.

Позади нее стояла Джулия, на которой из одежды осталась лишь зеленая в клетку фланелевая рубашка. Тома поразило, насколько она изменилась – за несколько часов, миновавших после их семейного ужина, она будто постарела на десятки лет. Джулия инстинктивно прижалась к сестре, пытаясь ее защитить и утешить.

Три жертвы застыли в ряд на бетонном выступе, беспомощно ожидая приговора от своих палачей. Том стоял с краю, Джулия – ближе к настилу, Робин – между ними. Клемонс держался в тени, а Ричардсон, желая обозначить свое присутствие, ступил на выступ, крепко ухватившись за один из металлических стержней мостовой балки.

Сестры и брат прижимались друг к другу и тихонько перешептывались. Это нельзя было даже назвать разговором – они просто обменивались еле слышными междометиями, стремясь успокоить друг друга. Ричардсон рявкнул, чтобы они расцепились и смотрели вперед. Робин, выпуская правую руку Джулии и левую – Тома, сжалась от отчаяния.

– А ну разошлись! – добавил Ричардсон.

Трое отодвинулись друг от друга. И тут-то все и случилось.

Никакие жестокости последнего часа не смогли подготовить их к тому, что произошло. Ужас, застывший на лице Джулии, которую столкнули с выступа, не поддавался описанию. Робин не издала ни звука, наблюдая за падением сестры. Том сдавленно ахнул и повернулся к Ричардсону, который с силой пихнул Робин

в спину, и та с криком отправилась вслед за сестрой в илистую воду под мостом.

Том замер с открытым ртом и в полной тишине смотрел на ухмылявшегося Ричардсона. Оглушенный, охваченный ужасом, окаменевший, он вглядывался в его беспощадное лицо, в холодные безжалостные глаза.

– Прыгай, или… – еще шире ухмыльнулся Ричардсон.

Помня о пистолете, Том не стал ждать продолжения. Не тратя и доли секунды, молча и даже не дыша, он шагнул в пустоту. Он падал и ждал пули в затылок.

Глава пятая

Миссисипи – четвертая по протяженности река в мире. Ее бассейн занимает примерно 41 процент континентальной территории США и двух провинций Канады; итого около миллиона с четвертью квадратных миль. Каждую секунду из нее в Мексиканский залив вливается примерно 2,3 миллиона кубических футов воды; за год поток выносит из реки около 159 тонн ила. Название Старому мосту Чейн-оф-Рокс в Сент-Луисе дали в честь цепи выступавших со дна реки огромных валунов, вокруг которых мутным вихрем закручивалась вода. Местные говорили, что когда-то давно коренные американцы в засуху пересекали реку, прыгая по камням, а в наши дни этот ее участок считается самым опасным на всей Миссисипи. В 1991 году все местные жители, включая Джулию и Робин Керри, прекрасно знали, что мост Чейн-оф-Рокс – излюбленное место самоубийц.

Житель Вашингтона Том Камминс, прыгая с бетонного выступа на северной стороне моста, об этом, естественно, не подозревал. Он падал достаточно долго, чтобы успеть подумать: «*Господи, как высоко!*» А через секунду: «*Твою мать, я все еще падаю!*»

В воду он ушел солдатиком и скоро ногами коснулся дна. Открыв глаза, увидел высоко над собой светящуюся бледно-зеленым гладь воды, до которой, казалось, было не меньше сотни миль. Он поплыл вверх, гребя руками и помогая себе ногами, пока не выбрался на поверхность. Вынырнув, он несколько секунд тяжело дышал, наполняя воздухом изголодавшиеся легкие.

Первым, что он увидел, барахтаясь в воде, была громада моста прямо у него над головой. Течение было гораздо более сильным, чем он предполагал: пытаясь сбросить куртку, Том обнаружил, что его успело отнести под мост и ему открылась его южная сторона. Мост поражал своими размерами, и осознание того, с какой высоты ему пришлось прыгать, одновременно ужаснуло и приободрило Тома. Знай он заранее, как высоко стоял, он бы в жизни не сделал тот шаг и, скорее всего, получил бы пулю в голову.

Убедившись, что он каким-то чудом жив, Том принялся оглядывать мутную воду в поисках сестер. Мимо него с пугающей скоростью проплывали ветки и целые бревна. В какой-то момент он вроде бы заметил Робин в паре футов левее, но их тут же разделило течением, и Том больше не видел ни Робин, ни, возможно, бревна, которое он за нее принял. Зато пару секунд спустя позади него и в десяти-пятнадцати футах правее в воде

показалась Джулия. Он позвал ее, хлебнув заодно грязной воды; она услышала его голос и повернула к нему белое от ужаса лицо.

– Господи, где Робин? – прокричала она.

Том не мог ей ответить – он потихоньку проигрывал в неравном бою со слишком сильным течением. Мешали кроссовки, но, едва он попытался стащить их руками, как начал тонуть. Его охватил страх – наверное, он так и не переживет эту ночь. Том закричал и на пару футов с головой ушел под воду. Забыв про кроссовки, он всплыл на поверхность. Он дышал спокойнее, как будто несколько секунд паники дали ему эмоциональную разрядку. Теперь он словно оцепенел – посреди бушующей реки думалось плохо. Пришлось положиться на инстинкт, надеясь, что тот не даст ему утонуть.

Том примерно помнил местоположение Джулии и подсознательно надеялся, что Робин тоже где-то неподалеку, скрытая ветками и прочим мусором, сражающаяся, как и они, с течением. Он перевернулся на спину и отдался на волю потока, лишь слегка направляя курс неловкими движениями рук. Все силы уходили на то, чтобы просто оставаться на плаву; о том, чтобы выбраться на берег, он пока даже не помышлял. Вода постоянно заливалась ему в уши, но он все же услышал крик Джулии, и это придало ему энергии.

– Надо плыть, плыть, плыть, плыть, плыть, плыть! – проревел он каким-то чужим, не своим голосом. Между собой и берегом со стороны Миссури, чуть дальше от того места, где, как он думал, барахталась Джулия, он заметил водокачку, снабжавшую Сент-Луис водой. Он не знал, что это за сооружение, но оно выглядело массивным, крепким на вид и хорошо освещенным, а это означало безопасность.

– Плыви на огни, Джулия! Плыви, плыви, плыви, плыви, плыви!

– Том, я тону! – крикнула она, явно паникуя.

Том задрал голову как можно выше над водой и прокричал:

– Мы не тонем! Ты не тонешь! Мы доберемся до берега! Плыви, Джулия! Надо плыть!

И она поплыла. Когда поток приподнимал Тома над водой, он искал взглядом Джулию. Она гребла изо всех сил, борясь с мощным течением, уносившим обоих вниз по реке, и постепенно приближалась к Тому. Они не тратили силы на разговоры – вся энергия уходила на противостояние стихии. Оба лишь смутно представляли себе, где сейчас другой. В какой-то момент Том увидел ее совсем рядом – она приближалась с невероятной скоростью. По ее глазам он понял, что она полностью истощена. Джулия Керри не хотела умирать, но организм отказывался ее

слушаться. Изможденное усталостью, шоком и болью, тело почти сдалось и не желало плыть дальше.

В последней героической попытке остаться на плаву она сделала рывок и буквально влетела в Тома, мертвой хваткой вцепившись своими тонкими руками ему в шею. В ту же секунду оба ушли под воду. Они стремительно тонули под весом своих намертво сцепленных и уставших двигаться тел. Каких-то пара мгновений, и вот над ними пять или шесть футов воды. Том задыхался – до того, как столкнуться с Джулией, он не успел набрать в легкие воздуха. Рефлекторно он чуть не открыл рот, но вовремя опомнился; он понимал, что тонет, но Джулия не отпускала его, от страха цепляясь за него своими слабыми руками.

Том просунул руки между локтями Джулии, сжимавшими ему шею, ухватил их снизу, одним резким движением вытолкнул ее наверх, к поверхности, и всплыл сам.

– Мы должны плыть, – прокричал он, перекрывая шум воды. – Плыви, Джулия!

И вновь она поплыла. Течение уже немного отнесло ее в сторону, но Том знал, что Джулия неподалеку, и старался не упускать ее из виду. Он снова перевернулся на спину. Она явно выбилась из сил, но продолжала грести. Ноги у Тома в промокших насквозь кроссовках отяжелели, в голове стоял туман, но он все время окликал Джулию, подбадривая ее; собственный голос он слышал словно со стороны. Его несло вниз по могучей реке, словно тряпичную куклу. Две или три минуты спустя, в очередной раз подняв голову и приглядевшись, он никого не увидел. Тут же снова накатила паника. Он барахтался в воде и звал ее по имени; его слезы смывала вода.

– Джулия! – кричал он. – На помощь! На помощь! Кто-нибудь, помогите!

Том отказывался верить, что сестры утонули. Он не хотел даже думать об этом. «*Нас просто разделило течением*, – убеждал он себя. – *Как же иначе?*» Он крутился в потоке, ища глазами Джулию. Том зарыдал в голос. Все его надежды погибли, словно тоже ушли на дно реки. Он перестал бороться с течением и лег на воду, поддавшись отчаянию.

– Я не могу, – громко произнес он и только сейчас осознал, насколько холодной была вода. Он дрожал всем своим побитым и измученным телом, дрожал от холода и от страха. – Я больше не могу! – снова крикнул он.

Он был готов сдаться. Течение несло его, утратившего последние силы и волю к борьбе, а в мозгу стали вспыхивать и гаснуть странные яркие картины, как будто перед ним

прокручивали всю его жизнь. Вода заливала его запрокинутое лицо, он медленно погружался все ниже, а перед глазами мелькали кадры его прошлого. Вот ребята из его смены, весело перешучиваясь, ясным солнечным днем поливают из шлангов пожарные машины. Вот его семья сидит на заднем дворе вокруг барбекю, а их пес, Бларни, обнюхивает землю в надежде найти упавший кусочек. А вот Джулия с Джейми возятся на полу в гостиной, возле дивана, на котором разбросаны тетради и учебники. Себя в этих сценах Том не видел, и это придало ему сил. Он любил жизнь, любил свою семью и своих друзей и не был готов умирать. Одним гребком он выбрался на поверхность – он не успел погрузиться слишком глубоко, и у него открылось второе дыхание. Он должен выжить.

Первым делом он внимательно огляделся. Он был ближе к берегу Миссури, хотя и до него, как ему казалось, много миль, и он стремительно отдалялся от моста. Он погреб обратно. Он плыл и плыл, периодически бросая взгляд на берег и с ужасом думая, что ему никогда до него не добраться. Порой его охватывало ощущение, что он вообще не продвигается вперед, а барахтается на месте. Потом ему начинало казаться, что берег даже отдаляется, и он падал духом. Но тут в мозгу снова вспыхивали картины его жизни, и он принимался грести еще упорнее, стремясь к своей цели.

Примерно через час после падения в реку он наконец выплыл к береговой линии, но тут его ждало новое испытание. Берег был в высоту не больше пяти-шести футов, зато поднимался практически вертикально. Тома захлестнуло отчаяние. У кромки собралась мутная каша из обломков древесины, через которую Тому пришлось продираться, чтобы вступить в неравный бой с крутым берегом. Он хватался за корни деревьев и кустов, раз за разом, когда очередная импровизированная опора не выдерживала его веса, с плеском падая обратно в воду. Минут через двадцать, после нескольких неудачных попыток, он все же одолел скользкий подъем. Выбравшись наверх, он упал лицом в грязь и зарыдал – никогда еще он не чувствовал такого опустошения. Когда к нему вернулась способность мыслить, он вспомнил о Джулии и Робин.

«Надо позвать на помощь, – думал он, с содроганием глядя на крутой берег и мощное течение реки. – Надо срочно кого-нибудь привести».

Том с трудом поднялся с земли и побрел через лесополосу. Падая с моста, он сломал правое бедро, все его тело покрывали ссадины и синяки, но осознать это ему не давал адреналин. Кроме того, выбравшись на сушу, он вообще перестал обращать

внимание на свои ощущения – он даже не испытывал боли. Он шел напролом через густой лес, стараясь держаться перпендикулярно реке и надеясь выйти на дорогу. Глаза уже адаптировались к темноте, но обессилевшие руки тряпками висели по бокам, и Том даже не пытался защитить ими мокрое грязное лицо от острых веток.

Через сотню ярдов он вышел из леса к полю. Невдалеке виднелись какие-то склады и небольшой пруд. Обогнув его, он обнаружил железнодорожный путь, с одной стороны забранный решеткой. Двигаясь вдоль пути, он через несколько минут выбрался на Ривервью-Драйв, возле входа в гидроузел Сент-Луиса. На шоссе горели фонари, но ни людей, ни машин не было. Том ходил туда-сюда в надежде на помощь. Мимо него проехало, не останавливаясь, две-три машины: очевидно, водители испугались грязного оборванца, который подпрыгивал на месте и отчаянно махал им руками. Завидев на дороге тягач с прицепом, Том вышел на проезжую часть, закрыл глаза и поднял руки над головой. Водитель фуры затормозил, озадаченно моргая при виде освещенного фарами чумазого парня. Том подбежал к водительской двери и задрал голову к сидящему за рулем мужчине. Слова и мысли путались, и он вдруг понял, что не знает, как объяснить этому человеку, что случилось.

– Нам нужна помощь, – наконец сказал он измученным голосом. – Моих сестер изнасиловали, нас сбросили с моста. Пожалуйста, им нужна помощь. Помогите!

Мужчина ошарашенно уставился на него и даже приоткрыл рот – то ли от удивления, то ли от недоверия.

– Ладно, стой здесь, я вызову полицию, – произнес он.

Том поблагодарил водителя, проковылял к обочине и стал ждать. Вскоре задние огни фуры скрылись из виду. Стоя у дороги в лунном свете, один, в полной тишине, Том вдруг сообразил, что он на Ривервью-Драйв, точнее, на обочине Ривервью-Драйв, вблизи которой те четверо парней, скорее всего, припарковали свою машину, а значит, представляет собой идеальную мишень. Они в любую минуту могли проехать мимо, убедиться, что не довели дело до конца, и пристрелить его, как и обещали. Ему вообще повезло, что он не попал на них, когда пытался остановить машину. Тому стало страшно; судорожно дыша, он отступил в тень и стал наблюдать за дорогой, сжимаясь от ужаса каждый раз, когда мимо, светя фарами, проезжал автомобиль. Он нервно озирался по сторонам в поисках более надежного укрытия. Обочина поросла высокой травой, сейчас влажной от росы, но промокшему до нитки Тому было уже все равно. Он устроился в травяных зарослях, прямо под висящим на

ограждении стоп-знаком. Здесь, в тени ограды и в паре ярдов от освещенного фонарями шоссе, он чувствовал себя безопаснее.

Шли минуты, проезжали редкие машины, и уже Том начал беспокоиться, что дальнобойщик проигнорировал его просьбу. Возможно, он и не думал вызывать полицию, а покатил себе дальше в Талсу, или в Альбукерке, или куда там он направлялся… Том решил подождать следующего грузовика и, завидев его, выскочил из своего укрытия на дорогу. Он повторил свою невероятную историю еще одному удивленному дальнобойщику, и тот предложил подбросить его до ближайшего таксофона. Том ответил, что лучше дождется полицию здесь. Водитель пообещал позвонить из первой же телефонной будки. Том поблагодарил его, вернулся к ограждению, нашел примятое место в траве и вновь затаился там.

Убедившись, что Робин, Джулия и Том прыгнули в реку и, вероятно, погибли, Ричардсон вернулся к стоявшему у него за спиной Клемонсу, и оба выбрались через люк на верхний настил моста, где остались Грей и Уинфри.

– Они трупы. Я хорошо им наподдал, – радостно сообщил Ричардсон и повернулся к Грею, ища одобрения у старшего товарища. Тот улыбнулся, кивнул и похлопал Ричардсона по спине, словно новичка, успешно прошедшего обряд посвящения.

– Молодец, Тони, горжусь тобой, – сказал Грей довольному Ричардсону. – Ладно, сваливаем.

Грей предложил съездить в Олтон, что в Иллинойсе, забраться на гигантский валун, который местные звали Стулом, посидеть там и полюбоваться на реку. У них еще оставался последний косячок, да и погода стояла приятная, хоть и прохладная. На Еву, которую он еще несколько часов назад обещал отвезти домой, Грей уже плюнул. К тому же он догадывался, какой скандал ждет его дома, и не горел желанием туда возвращаться.

Трое из четверых приятелей пустились в обсуждение ближайших планов, а вот Уинфри занервничал. На самом деле он до самого конца не верил, что его новые друзья действительно убьют тех ребят. Да, он участвовал в изнасиловании, караулил Тома и держал за плечи девушек, прижимая их к земле, затыкал им рты и закрывал глаза. Ему даже понравился прилив адреналина и сознание чистой незамутненной порочности происходящего. При этом он не уставал повторять себе, что сам никого не насиловал – единственный из четверых; впоследствии именно это обстоятельство он особенно выделял, объясняясь со своей девушкой. Но сдерживала его не жалость и не страх, а скорее тот встроенный внутренний ограничитель, который не

позволяет человеку стать насильником. До сих пор он думал, что подобный ограничитель есть у каждого, кто считает себя нормальным. И гнал от себя мысли о том, что новые приятели явно были его лишены. После всего, что произошло, Уинфри не на шутку перепугался. Троица обсуждала поездку в Олтон, на Стул, а Уинфри не мог избавиться от страха, как бы вскоре не оказаться на совсем другом «стуле». Судьба Джулии и Робин, прямо сейчас тонувших в реке, его нисколько не волновала – он боялся того, что только что стал соучастником убийства. Одним словом, Уинфри запсиховал.

– Я не при делах, – повторял он, как заведенный. – Я не при делах, я ничего не делал.

Остальные над ним только посмеивались. Четверка дружно устремилась по мосту в сторону Миссури, где они оставили свои машины. Их подстегивал кипевший в крови адреналин и инстинкт самосохранения, велевший как можно скорее покинуть место преступления. По дороге они заехали на заправку за бензином, сигаретами и сэндвичами. Платил Ричардсон – деньгами, отнятыми у Джулии и Робин. Он кинул Уинфри пачку сигарет и раздал всем сэндвичи. Уинфри, сидевший на пассажирском сиденье в машине Грея, тут же дрожащими руками достал и закурил первую сигарету – за эту ночь он прикончит почти всю пачку. Он по-прежнему бормотал: «Я не при делах». Он смотрел на приятелей, которые устроились на капотах машин, болтая и поедая сэндвичи, и в животе у него бурлило. Затем все четверо доехали до Олтона, забрались на Стул и раскурили последний косяк. Они сидели под луной на высоченном валуне и любовались мощным течением Миссисипи.

– На берег им не выплыть, – тихо и абсолютно равнодушно произнес Клемонс, делая затяжку.

– Это точно, им хана, – согласился Грей и, повернувшись к Уинфри, добавил: – Видишь, Дэнни? Зря ты их не трахнул. А нам волноваться не о чем.

Паника в душе Уинфри сменилась чувством превосходства – и правда, если их жертвы окончательно и бесповоротно мертвы, что ему с друзьями угрожает?

Около двух часов ночи на Ривервью-Драйв показалась патрульная машина. Офицеры полиции Сэм Брукс и Дон Сандэрс направлялись к водоочистной станции. Ни сирену, ни мигалку они не включали. Диспетчер принял два странных вызова – сразу два дальнобойщика сообщили о подозрительном мужчине, который остановил их на Ривервью-Драйв и рассказал какую-то дикую историю, якобы приключившуюся на Старом мосту Чейн-

оф-Рокс. Полицейские припарковались у ограды станции водоснабжения Сент-Луиса и увидели, как на свет фар осторожно выбирается из своего укрытия в траве Том Камминс. Они сразу поняли, что с парнем что-то не так.

Грязь, покрывавшая его плечи, натекла на рубашку и джинсы, размокшие кроссовки были облеплены густым слоем речного ила, а кожа на дрожащих руках сморщилась от воды. Заметно хромая, он приблизился к офицерам. Молодой человек смотрел остекленевшим взглядом и явно пребывал в шоковом состоянии. Он сбивчиво заговорил о том, что они должны немедленно помочь его двоюродным сестрам. Брукс и Сандэрс усадили клацающего от холода зубами парня в патрульную машину, включили на максимум печку и подогрев заднего сиденья, связались по рации с диспетчером и запросили подкрепление. Внешнего вида Тома и его путаных объяснений им хватило, чтобы понять: случилось что-то серьезное, пожалуй, самое серьезное за все годы их службы.

Вскоре к ним присоединилось, как показалось Тому, не меньше половины всех полицейских Сент-Луиса. Патрульные постарались поудобнее устроить Тома в своей машине, а потом повезли его на мост, где уже работала другая бригада. Второй раз за ночь приближаясь к мосту, Том вдруг почувствовал, как его накрывает новая волна ужаса. Он знал, что бояться больше нечего, – у въезда на мост стояло еще несколько патрульных машин, автомобиль спасателей и одна скорая – но страх был сильнее его. К Тому обернулся сидевший на пассажирском сиденье полицейский:

– Ты как, в норме?

Том кивнул и снова затрясся, стуча зубами. Офицер быстро вылез из машины, побежал к машине скорой помощи и через минуту вернулся с толстым серым шерстяным пледом, которым накрыл Тома, хорошенько укутав ему плечи и шею. В ответ на это проявление простой человеческой заботы у Тома из глаз полились слезы, и он, стыдясь себя, вжался в спинку сиденья. Сочувствие полицейского обострило его боль, как будто контраст между добротой одних и жестокостью других, с которой он столкнулся этой ночью, разбередил его рану. Ужас пережитого вдруг явился ему во всей своей реальности. Том с трудом вдохнул, сглотнув удушливый ком в горле.

– Мы должны их найти, – тихо, ни к кому не обращаясь, произнес он, глядя куда-то вдаль через боковое стекло патрульной машины.

Офицеры обменялись многозначительным взглядом. Они не поняли, кого он имеет в виду – своих двоюродных сестер или

напавших на них негодяев – зато знали, что шансы найти что тех, что других невелики.

Глава шестая

Тинк и Кэти Камминс крепко спали в одинаковых кроватях в задней спальне дома дедушки и бабушки на Фэйр-Эйкрес-Роуд, переваривая сытный куриный стир-фрай, и их не сразу разбудил громкий стук в дверь маленького дома. Лишь услышав доносящиеся из гостиной незнакомые голоса, обе резко сели в постелях. Слово «инцидент» мгновенно разбудило их, словно хлестнув мокрой тряпкой по лицу; их сердца забились с бешеной скоростью. Тинк с ужасом глянула на Кэти, и обе вскочили на ноги. Кэти посмотрела на часы – 05:32. Тинк схватила брошенные на пол всего несколько часов назад шорты, быстро натянула их и вслед за сестрой вышла в гостиную.

В доме собралась целая толпа народу. В дверном проеме маячили двое дюжих полицейских; дедушка Арт, впустивший их, все еще держался за ручку двери. Бабушка Полли, встав за спинкой своего любимого синего кресла, нервно теребила велюровую обивку. Заспанные Кэй и Джин пытали офицеров вопросами.

– Прошу прощения, в данный момент больше ничего сообщить мы не можем. Вам следует как можно скорее одеться и пройти с нами. Произошел инцидент на мосту Чейн-оф-Рокс, – сказал более высокий полицейский. – В нем участвовал ваш сын Том. Это все, что нам пока известно.

– Этого не может быть. Мой сын спит в фурго… – начал было Джин, но не договорил. Его просыпающийся мозг наконец начал воспринимать полученную скудную информацию.

– Инцидент… – повторил он. Затем повернулся к жене: – Одевайся.

У Тинк кровь застыла в жилах, а в глазах поплыло. «Инцидент». Она-то знала, что ребята собирались на мост. Все же надо было настучать родителям.

– С ними все в порядке? – спросила обеспокоенная, но более собранная по сравнению со старшей сестрой Кэти. – С Томом все хорошо?

– Мне правда жаль, но больше я ничего не могу вам сообщить, – ответил офицер. – Только то, что он и две его двоюродные сестры стали участниками инцидента на мосту.

Джин замер и повернулся к офицеру.

– Две двоюродные сестры? – переспросил он и перевел взгляд на виноватые лица дочерей.

– Джулия и Робин, – сказала Тинк.

– Они попали в аварию? – спросил Джин полицейского.

– Нет, мистер Камминс. Мы сами пока не до конца разобрались в происшествии, – ответил тот. – С вашим сыном вроде бы все в порядке. Точнее сказать не могу. Он был там со своими двоюродными сестрами, но это все, что мне известно. Вам следует поехать с нами, там вы все узнаете сами.

Джин сказал офицерам, что не нуждается в сопровождении и сам найдет дорогу к старому мосту. Прощаясь, офицеры приподняли фуражки и слегка поклонились дедушке Арту; тот поблагодарил их и запер за ними дверь.

– Я еду с вами, – мягко сказала Тинк, собираясь обуваться.

– Нет, – быстро ответил отец. – Вы двое оставайтесь здесь и собирайте вещи, мы с мамой сами во всем разберемся. Нам уезжать через пару часов. Когда мы с Томом вернемся, все должно быть готово.

Джин понятия не имел, что ждет его на мосту, зато знал, что с *хорошими* новостями полиция не стучится в дверь в пять утра. Но, что бы ни случилось, он решил, что посвящать в это дочерей пока не стоит.

Тинк попыталась возразить, но по отцовскому тону быстро поняла, что вопрос обсуждению не подлежит. Она прошла через всю комнату и плюхнулась на диван, сложила руки на груди и насупилась. Джин и Кэй собрались за несколько минут.

Дедушка Арт тоже успел одеться и обуться и ждал их возле двери.

– Готовы? – спросил он.

– Папа, тебе не обязательно ехать с нами, – сказала Кэй. – Мы и сами найдем дорогу.

– И слышать не желаю, – отрезал отец. – Ребята попали в передрягу, а я могу помочь. Я знаю реку и этот мост как свои пять пальцев.

Кэй перевела взгляд на мужа, а затем снова на отца. Ее затопило чувство благодарности к нему. Весь прошлый год он проходил курс лечения от рака кишечника и только недавно немного пришел в себя. Она очень за него переживала. На самом деле они устроили эти каникулы в первую очередь ради того, чтобы навестить ее больного отца. Меньше всего ей хотелось подвергать его стрессу – неизвестно ведь, что ждет их на мосту. Но он стоял у двери одетый. Его не заботило собственное благополучие; он твердо вознамерился сделать все, чтобы поддержать ее семью. Кэй посмотрела на дочерей, сидящих без движения на диване. Затем подошла к отцу, взяла его за локоть и шепнула ему на ухо.

– Пап, мне кажется, девочкам ты сейчас нужен больше.

Дедушка Арт тоже посмотрел на внучек и молча кивнул.

– Если понадобится твоя помощь, мы позвоним, – добавила Кэй. – Обещаю.

Он снова кивнул и стал снимать куртку. Кэй благодарно поцеловала его в щеку. Он что-то пробормотал в ответ и на прощанье помахал дочери. Она открыла дверь и вышла во двор; на улице все еще было темно. Джин шел вслед за ней, но на пороге остановился.

– Я вам серьезно говорю, – напомнил он дочерям, – чтобы к нашему возвращению были готовы. – Чуть помолчал и добавил уже мягче: – Я знаю, что вы тоже беспокоитесь. Мы вам позвоним и все расскажем, как только сами поймем, что к чему. – Еще раз глянув на хмурые лица дочерей, он шагнул за порог и захлопнул за собой дверь.

– Поверить не могу, что они нас не взяли, – проворчала Тинк, как только щелкнул язычок замка. Сестра ничего не ответила, но Тинк чувствовала, что та с ней согласна. Кэти – ее младшая сестра, ее кровный враг и самый преданный союзник, – сидела с красным лицом. У нее дрожали губы и дергался глаз. Она была напугана.

– Кэти, – начала Тинк при виде первой слезы, беззвучно скатившейся с щеки сестры. – Все будет хорошо. С ними все будет в порядке.

Впервые за всю жизнь она взяла Кэти за вздрагивающие плечи и прижала к себе. Она не привыкла выступать в роли утешительницы и сомневалась, что ей хватит на это таланта, но у нее не было выбора. Кэти уткнулась ей в грудь, и сестры заплакали вместе.

* * *

В доме Керри на Петит-Драйв Джинна стояла у окна гостиной и смотрела на темную улицу. От волнения она не могла сдвинуться с места, одной рукой машинально теребя край занавески, а в другой сжимая ключи от машины. Она уже оделась и взяла сумочку. Мысли проносились в голове с бешеной скоростью. Ей нужно на мост – это все, чего она смогла добиться от полицейских. Они говорили про «инцидент», про «Джулию и Робин», которые были в него как-то «вовлечены», но ни на один из ее вопросов так и не ответили. После их ухода она позвонила знакомой и попросила приехать посидеть с Джейми. Заметив фары остановившейся возле дома машины, Джинна открыла дверь и вышла в предрассветную апрельскую прохладу.

Офицеры полиции, подобравшие Тома, перевели его из патрульного автомобиля в более просторный и удобный салон машины скорой помощи. Там он снял мокрую одежду, которую полиция изъяла в качестве вещественного доказательства, натянул здоровенную желтую куртку одного из пожарных, а ноги накрыл одеялом. Куртка пахла дымом и горелым деревом, и этот запах успокаивал Тома, напоминая о работе и о доме. Но он служил слишком слабым утешением: с каждой минутой отчаяние Тома росло. Он выбрался на берег несколько часов назад, а Джулию и Робин до сих пор так и не нашли.

На мосту кипела работа. Машины полиции и спасателей светили красными и синими огнями, разгоняя ночной туман. В заднюю дверь скорой, где, кусая губы, сидел Том, стучались репортеры. Он видел пышные прически, напомаженные губы и пестрые наряды представительниц прессы. Мужчины и женщины в форме полицейских и пожарных, детективы в штатском, фельдшеры, криминалисты с фотоаппаратами, неряшливо одетые, но шустрые операторы с камерами – каждый играл здесь свою важную роль, каждый был при деле. Впрочем, присутствие репортеров – неуместное, даже бестактное – нервировало Тома. Единственный кадр, который им удалось сделать для утренних выпусков новостей, был снят примерно с сотни ярдов: один из медиков открывает дверцу скорой, в которой, уронив голову на руки и запустив пальцы в грязные волосы, сидит Том.

Прибывшие между половиной шестого и шестью утра Джин и Кэй обнаружили на мосту Чейн-оф-Рокс около дюжины офицеров полиции и обстановку, типичную для расследования происшествия. Джин не был склонен впадать в панику – отец трех подростков, он прошел службу во флоте, воевал во Вьетнаме, работал пилотом, пожарным, парамедиком. За сорок шесть лет своей жизни он всякого навидался, но ничто из прошлого опыта не могло сравниться с кошмаром нынешней ночи. Джин припарковал свой синий фургон, осмотрелся, и они с Кэй вышли из машины. Отыскав взглядом старшего по званию офицера, Джин направился к нему и протянул ему руку:

– Здравствуйте. Я Джин Камминс, отец Тома. Вы можете мне объяснить, что происходит? Где мой сын?

Офицер оторвался от своего блокнота и пожал Джину руку.

– Мистер Юджин Камминс? – уточнил он.

– Да.

– Вы живете в Гейтерсберге, штат Мэриленд?

– Да. Пожалуйста, что произошло?

– У вас есть сын по имени Томас Патрик Камминс?

– Да. Он здесь? Где он?

– Ему девятнадцать лет?

– Да…

Разговаривая с офицером, Джин без конца озирался по сторонам, что было совершенно на него непохоже. Его с детства учили смотреть в глаза собеседнику. Крутить головой во время разговора считалось неприличным, а Джин всегда вел себя воспитанно. Но сейчас, оглядываясь и не видя сына, он забыл о хороших манерах – родительский инстинкт оказался сильнее.

– Сэр, вы в Сент-Луисе в отпуске, правильно я понимаю? Навещаете родных?

– Да, именно так. Пожалуйста, скажите, где мой сын.

Кэй стояла рядом с мужем, чувствуя себя сторонним наблюдателем. Напряженный диалог между мужем и офицером полиции не позволял ей вставить ни слова.

– Скоро вы с ним увидитесь, сэр. У вас есть племянницы по имени Джулия и Робин?

– Да, они тоже здесь? Они с Томом? – Джин продолжал задавать вопросы, на которые полицейский либо не мог, либо не желал отвечать.

– Можете сообщить их полные имена и возраст?

На этот раз Джин промолчал, целиком поглощенный мыслями о сыне, которого упорно искал глазами. За него ответила Кэй:

– Джулия Энн Керри и Робин Энн Керри. Джулии двадцать, Робин – девятнадцать. Если хотите, могу назвать точные даты рождения, только скажите, где они. Где наши дети?

– Скоро вы увидитесь с сыном, миссис Камминс. Скажите, вы узнаете синюю машину на той стороне улицы? – Он ткнул шариковой ручкой в «шершня» Джулии, брошенного во влажном предрассветном тумане. Кэй повернулась в том направлении, куда указывал офицер.

– Да, – ответила она. – Это машина моей племянницы, Джулии.

Ее язык будто распух и не желал шевелиться во рту. Неопределенность ситуации становилась невыносимой. Они до сих пор не получили ни одного внятного ответа, зато на них продолжали сыпаться все более странные и пугающие вопросы. Как и муж, она блуждала взглядом по окрестностям, но ни Тома, ни девочек нигде не было видно. И тут терпение Джина лопнуло.

– Где мой сын? – требовательно спросил он. – Том жив?

– Да, мистер Камминс, ваш сын жив, – ответил офицер, оторвавшись наконец от своего блокнота.

Джин глубоко вздохнул; сердце у него забилось чаще.

– Том жив. По крайней мере, мы точно знаем, что он жив, – прошептал он, обращаясь то ли к себе, то ли к Кэй. Лицо жены на глазах покрывалось смертельной бледностью.

– Где он? – спросил Джин все так же настойчиво.

– Насколько мне известно, в настоящий момент он едет в машине скорой помощи к месту происшествия, в паре миль вниз по реке отсюда. Судя по всему, он стал свидетелем преступления, – ответил офицер.

– Какого преступления? Что здесь происходит? – не унимался Джин.

Полицейский прочистил горло и вернул ручку в нагрудный карман форменной рубашки. Затем пролистнул в блокноте пару страниц назад, снова прочистил горло и принялся вслух читать написанное. Делал он это с пугающей скоростью. Кэй схватилась за руку мужа, чтобы не упасть. Смысл услышанного доходил до нее с трудом – она разбирала только каждое четвертое или пятое слово, но каждое оглушало ее, как разорвавшаяся над ухом петарда.

– Приблизительно… прибыли на мост… обратились и заговорили… четверо мужчин… прижали к земле… ограбили… избили…

При словах «групповое изнасилование» Кэй прикрыла рот рукой. Ее желудок скрутило, к горлу подступил рвотный спазм, но она сдержалась. Офицер, который просто выполнял свою работу, продолжал извергать поток слов, от которых ей делалось дурно.

– Сбросили в воду… Том… на берег…

– Том выбрался на берег, – перебила она, ухватившись за последнюю фразу. – Том выбрался на берег, Том выбрался на берег… А девочки? Где Джулия и Робин?

Полицейский закрыл блокнот и испустил глубокий вздох:

– В настоящий момент мы занимаемся поисками, мэм. Пока что их… э-э… Ваши племянницы пока что числятся пропавшими без вести.

– О господи, – тихо произнесла Кэй. В глазах у нее стояли слезы.

– С рассветом мы расширим поиски. Возможно, нам повезет, – пояснил офицер.

Видя на лицах стоящих перед ним людей выражение чистого неприкрытого ужаса и муки, полицейский, похоже, решил их утешить:

– Пока еще слишком темно. При солнечном свете шансы на успех гораздо выше.

Это получилось у него плохо. Он и сам не особенно верил в

то, что говорил. На какое-то время Джин лишился дара речи. Он побелел, язык у него присох к гортани, и только в мозгу билась одна и та же убийственная мысль: если Том, как сказал офицер, выбрался на берег четыре или пять часов назад, а Джулия и Робин все еще числятся «пропавшими без вести», это означает, что его племянниц, прекрасных дочерей его сестры, нет в живых.

* * *

Следующий час Кэй и Джин провели как в тумане. Один из офицеров попросил Джина предъявить бляху пожарного. Откуда он узнал, что Джин пожарный? Разве он им об этом говорил? Он не помнил.

– Мистер Камминс, у вашего сына был такой же значок? – спросил лейтенант.

– Был. – Но почему они говорят об этом в прошедшем времени? Сына Джин пока так и не видел. – Да, у Тома похожий значок. Только без гравировки «Капеллан». Других отличий нет.

– Не возражаете, если я взгляну? – попросил офицер.

Джин привычным жестом достал из заднего кармана синих джинсов толстый бумажник, открыл одной рукой и показал значок пожарного, блеснувший в тусклом утреннем свете лучиком надежды. Лейтенант подозвал криминалиста с фотоаппаратом. Тот приблизился к Джину едва ли не вплотную, чуть не заехав гигантской лампой ему в лицо. Он под разными углами сделал несколько снимков бляхи, которую Джин держал на вытянутой руке, чтобы не ослепнуть. Он понял, что полиция собирает улики.

Другой офицер подошел к Кэй и, достав пластиковый пакет со связкой ключей, показал их ей, как фокусник демонстрирует зрителям предмет, который вскоре должен исчезнуть. Он спросил, узнает ли она их; это были ключи от дома ее родителей на Фэйр-Эйкрес-Роуд, где они с семьей гостили.

– Откуда они у вас? – с подозрением спросила она, уже догадываясь, что ответ ей вряд ли понравится.

– Мы обнаружили их на мосту, недалеко от того места, откуда столкнули ребят, – пояснил офицер.

– Столкнули… – повторила она. Ее мозг отказывался постичь смысл этих слов.

Вскоре приехала Джинна. Заметив в толпе Кэй, она бросилась к невестке и засыпала ее градом вопросов, ни на один из которых Кэй не могла ответить.

– Не знаю, не знаю, не знаю… – как заведенная, твердила она.

Больше всего на свете ей хотелось, чтобы она и на самом деле ничего не знала.

Едва на месте происшествия появилась, хрустя гравием, машина скорой помощи, как Джин и Кэй тут же побежали к ней. Они остановились возле задней двери, борясь с искушением рвануть на себя большие металлические ручки и прыгнуть внутрь. Впрочем, ждать им пришлось недолго – дверь распахнулась, явив их взорам измученное лицо старшего сына, который ссутулившись сидел на носилках. Том лишь глянул на родителей, и эмоции захлестнули его целиком – он сдавленно всхлипнул, закрыл лицо руками и затрясся в рыданиях. В долю секунды Кэй и Джин были рядом с ним. Они обнимали его, безуспешно пытаясь успокоить.

Тому понадобилось несколько минут, чтобы изложить родителям хотя бы основные события той ночи. Рассказывая, он сгибал и разгибал черные от грязи пальцы ног. Его мать в ужасе переводила взгляд от них на корку грязи, покрывавшей его уши. Ей мучительно хотелось увезти его домой и вымыть, как в далеком детстве. Пока он говорил, она гладила его по голове, и он, плача, утыкался в ее плечо. Джин и Кэй все еще не до конца осознавали ужас случившегося с Джулией и Робин и кошмар пережитого Томом.

– Мама, – сказал Том, качая головой и глядя куда-то в пустоту, – этих четверых убить надо, за то, что они натворили. – Его голос звучал почти спокойно, в нем не было злобы – только горечь и страх. – Они такие страшные… Они – воплощение зла. Они заслуживают смерти.

Он замолчал. На его грязном лице подсыхали слезы. Они немного посидели в тишине; родители, утешая, гладили сына по спине. Вдруг в машину скорой кто-то постучал, заставив Тома вздрогнуть от неожиданности. Джин потянулся к двери и повернул ручку. Снаружи стояла его сестра Джинна. Она выглядела испуганной и растерянной и, заслоняя рукой глаза, в которые били первые яркие лучи рассветного солнца, вглядывалась в салон неотложки. Когда она увидела Тома, но не нашла рядом с ним своих дочерей, ее лицо исказила гримаса, но она постаралась взять себя в руки.

– Я не понимаю, что происходит, – с трудом, будто выбирая слова, произнесла она. – Никто не может ничего толком сказать.

Ее разум все еще отказывался предполагать худшее. Разумеется, полицейские уже сообщили ей, что Джулия и Робин числятся пропавшими без вести, но в ее сердце по-прежнему жила безумная надежда на то, что они ошибаются и, стоит ей открыть

дверь скорой, она увидит своих девочек, которые пьют кофе, чтобы согреться.

– Можно мне пару минут поговорить с Томом наедине? – попросила она.

– Конечно, – ответила Кэй и перешагнула через вытянутые ноги сына, на ходу поцеловав его в голову. Она крепко сжала его руку и заглянула ему в глаза, вложив в этот беглый взгляд всю свою материнскую любовь. Они с Джином вылезли из скорой помощи, уступив место Джинне. Джин закрыл за собой дверь, чтобы им не мешать. Они с Кэй гнали от себя мысли о том, что именно Том сейчас расскажет Джинне, а ему придется рассказать, что ее дочерям, ее прекрасным девочкам, причинили зло, хуже которого не бывает. Кэй отвернулась, чтобы не видеть, как дернулось от боли лицо Тома, когда Джин пропускал в машину сестру.

Еще прошлым вечером Джин собрал и уложил в фургон чемодан, не упаковав лишь набор для бритья и одежду, в которой собирался ехать. Сейчас он вспомнил об этом и повел Кэй к фургону, чтобы принести Тому сухие вещи. Они вернулись с джинсами такого большого размера, что Тому пришлось бы приклеивать их к себе скотчем, и с клетчатой рубашкой на пуговицах, которую в иных обстоятельствах их сын даже на ночь не надел бы.

Джинна как раз выходила из машины. Ее пепельно-серое лицо не выражало абсолютно ничего; она даже не плакала. Она поравнялась с братом и его женой, но вообще не заметила их, словно ее мозг, сжалившись над своей несчастной хозяйкой, на время отключился.

Кэй окликнула ее, и она повернулась к невестке, все так же глядя мимо нее, а затем отправилась к своей машине, чтобы съездить домой и привезти чистую и сухую одежду для своих пропавших дочерей.

Том успел переодеться и переобуться в отцовские ботинки, когда к скорой помощи подошли двое офицеров в штатском. Гэри Ститтум и Рэймонд Грайст, детективы убойного отдела, представились они и спросили Тома, не согласится ли он сопроводить их на мост и подробно рассказать, как все произошло.

– Я готов оказать любую посильную помощь, – с готовностью кивнул Том.

– Но только в моем присутствии, – вмешался Джин.

Весь следующий час Том ходил взад и вперед по настилу моста, вновь пересказывая последовательность событий и указывая на конкретные места. Настил уже был испещрен

меловыми отметками, обозначавшими расположение бессчетных, как казалось Тому, улик: пивной этикетки, нескольких мелких монет, окурка, фантика от ириски и, самое важное, распечатанного презерватива.

Детективы внимательно слушали Тома, кивая и периодически задавая дополнительные вопросы и делая заметки в своих блокнотах. Джин молча наблюдал за происходящим, не отходя от сына ни на шаг. Детективы вели себя вежливо – оба были обходительны и дружелюбны. Они подчеркнули, что пустили Джина на место происшествия исключительно из чувства профессиональной солидарности, поскольку они с сыном оба были пожарными. Джин был им за это признателен.

Вернувшись на берег округа Миссури, детективы принесли из фургона сопровождения кофе и подошли к нетерпеливо переминающейся с ноги на ногу Кэй. Явно недовольная, что ее не взяли на мост и увели от нее сына, все еще пребывающего в состоянии глубокого шока, она первым делом бросилась обнимать Тома.

– Том, нам хотелось бы, чтобы ты поехал с нами в отделение и дал официальные показания, чтобы помочь расследованию, – произнес Ститтум, отхлебывая горячий кофе из бумажного стаканчика.

Том кивнул, грея руки о свой бумажный стаканчик. Он твердо решил сделать все, что в его силах, чтобы поймать монстров, которые сотворили такое с его сестрами.

– Может, мы сначала свозим его домой? – попросил Джин. – Парню надо хотя бы вымыться и переодеться в нормальную одежду. Он прошел через ад…

Но Том покачал головой:

– Я хочу остаться и помочь, пап. Я буду там, где я нужен больше всего.

– Мы сами тебя потом отвезем, – сказала Кэй. – Неужели ты не хочешь хотя бы помыться? Свежим и отдохнувшим ты принесешь больше пользы.

Семейное обсуждение было прервано одним из детективов.

– Мистер и миссис Камминс, – произнес Грайст. – Вы двое можете ехать домой и отдыхать, это дело ваше. Но ваш сын должен поехать с нами.

На лицах Каммингсов мелькнула тревога.

– Видите ли, – пояснил детектив, – нам необходимы точные сведения. Если Том попадет в привычные для себя условия родного дома, есть риск, что его психика начнет вытеснять неприятные воспоминания и важные подробности.

Кэй глянула на сына.

– Я правда хочу помочь, – повторил он.

Родители его понимали.

– Но вы не собираетесь его задерживать? – спросил Джин, желая получить гарантии.

– Нет, разумеется, нет, – ответил детектив.

– Тогда я вас догоню, – сказал Джин. – Только заскочу домой и возьму для тебя чистую одежду. Встретимся в отделении.

Том еще раз обнялся с родителями, и те направились к своему фургончику.

Тем временем в доме на Фэйр-Эйкрес-Роуд сестры Камминс, помня об указаниях отца, нехотя собирали вещи. Около семи часов утра зазвонил телефон, и обе тут же бросили свои дела и побежали на кухню. Трубку уже взяла бабушка Полли. Слушая звонившего, она односложно поддакивала; сестры стояли, буквально пожирая ее глазами. Договорив, она спокойно повесила трубку, не попрощавшись с собеседником.

– Родители едут домой, – сообщила она, так и не убрав руку с телефона.

– А что с Томом? – быстро спросила Кэти.

– Его везут в отделение полиции, – сказала бабушка. – Для дачи показаний.

– Каких показаний? – не поняла Тинк. – И что с Джулией и Робин?

Бабушка смотрела на них, прикусив нижнюю губу; глаза у нее влажно блестели.

– Как раз этих. Полиция еще не нашла Джулию и Робин. Том будет помогать с поисками, – пояснила она.

Тинк вцепилась в столешницу, чтобы не упасть. Бабушка нежно погладила ее по плечу и другой рукой обняла Кэти. Что-то здесь было не так. Происходило что-то плохое, но что именно? И потом, что значит «их еще не нашли»? Только вчера вечером Джулия и Робин ужинали с ними. А потом Тинк сидела за карточным столом рядом с Джулией и восторгалась накачанным благодаря футболу икрам двоюродной сестры.

– Но она же только что была здесь… Они только что были здесь… – бормотала Тинк, недоуменно поводя руками. – Куда они могли пропасть?

Тактильная память о ноге Джулии рядом с ее собственной была так жива, что Тинк не могла поверить в исчезновение сестер. Всего несколько часов назад она обнимала на прощание Робин. Они смеялись и плакали, и коса Робин щекотала ей шею. По залитой солнцем кухне зловещей тенью расползался ужас. Дело обстояло намного хуже, чем они предполагали.

– Не волнуйтесь, – сказала бабушка Полли. – Уверена, все будет в полном порядке. Бегите-ка в душ, а я приготовлю завтрак. Наверняка мама с папой все вам объяснят, когда вернутся. – Она похлопала внучек по плечам, и те мрачно кивнули в ответ.

– Давай я первая, – мягко сказала Тинк сестре.

Кэти ничего не ответила. Она стояла и молча глядела на столешницу, как будто пыталась добиться ответа от нее. Тинк, шаркая ногами, спустилась в подвал, в просторное помещение, переоборудованное под ванную. Потянула висевшую у стены цепочку; загорелась лампочка, осветив в зеркале отражение ее печального лица. Комната была такой огромной, что Тинк подумала: наверное, раньше здесь была еще одна спальня, а душевая служила кладовкой.

Она разделась в оранжевом свете голой лампочки, дрожа от холода и потирая гусиную кожу. Бросила одежду на видавший виды желтый коврик у раковины и ступила в душевую кабину. В подвале витал запах сырости и плесени, перебивая даже ягодный аромат шампуня и кондиционера для волос. Тинк слушала, как струйки воды, стекая с ее тела, падают на холодный каменный пол и с шумом исчезают в сливе. Она опустилась на колени, подставив под чуть теплую воду голову, и принялась раскачиваться из стороны в сторону, всхлипывая по пропавшим сестрам.

Джин и Кэй Камминс вернулись на Фэйр-Эйкрес-Роуд около половины восьмого, и на них с порога обрушился град вопросов, но оба подавленно молчали. Тинк и Кэти, не сговариваясь, тоже умолкли, подсознательно стремясь оттянуть неизбежное. Новости, которых они с таким нетерпением ждали все утро, внезапно перестали их так уж манить. Они поняли, что не услышат ничего хорошего, – напротив, их опасения только подтвердятся.

Джин был необычайно тих и сосредоточен. Он собирался как можно скорее уложить чистую одежду для Тома и отправиться в полицейский участок. Теща жарила на кухне омлет, запах которого проникал даже на второй этаж дома, где Джин рылся в спортивной сумке Тома.

– Может, сначала поешь? – предложила, добродушно улыбаясь, теща, держа лопатку над полной дымящейся желтой массы сковородой. – Тебе бы сил набраться.

– Кофе выпью, – буркнул Джин, шаря по сушилке в поисках кружки побольше.

Теща вернулась к омлету и осторожно его помешала. Джин едва ли не в один глоток осушил всю кружку, повернулся на

каблуках и направился к двери.

Он прошел через гостиную, где обе дочери молча сидели на синем диване, уставившись в экран телевизора. Там показывали их брата, снятого пару часов назад, когда он еще не успел переодеться в мешковатую одежду отца: Том кутался в ярко-желтую пожарную куртку. Волосы у него торчали во все стороны, и он отворачивался от камеры, раздосадованный бесцеремонностью журналистов. Репортер говорил про двух пропавших без вести девушек; на экране тем временем мелькнула нервно сцепившая руки Джинна.

Джин нагнулся, поцеловал дочерей в макушки и поспешил на выход. Кэй закрыла за ним дверь и села смотреть новости с девочками, готовая ответить на вопросы, которые им уже не хотелось задавать.

Бабушка Полли оторвалась от омлета и обеспокоенно глянула на дедушку Арта, сидевшего за кухонным столом с утренней газетой в руках. Он изо всех сил старался сохранять хладнокровие, чтобы не добавлять нервозности в атмосферу дома. Но после пятидесяти с лишним лет брака Полли видела мужа насквозь и знала, что он напуган не меньше остальных и лишь с виду остается спокойным, надеясь заразить других своим притворным спокойствием.

Пар от омлета поднимался к самому лицу бабушки Полли. Она прислушалась – в соседней комнате ее дочь что-то тихо говорила Тинк и Кэти. Через секунду обе страшно закричали; мать мягким голосом успокаивала их. В течение нескольких минут их плач и крики нарастали, но затем постепенно стихли. В коридоре раздались приглушенные ковром легкие и быстрые шаги – это Тинк пробежала мимо кухни в ванную; ее выворачивало наизнанку.

Весть о групповом изнасиловании оказалась слишком тяжелым ударом для девочек четырнадцати и шестнадцати лет.

Глава седьмая

Лауреат Пулитцеровской премии и профессор Калифорнийского университета в Беркли доктор Ричард Офше – один из ведущих экспертов США в области социальной психологии. Помимо прочего он занимается проблематикой социального контроля, а также ведения полицейских допросов. За время своей карьеры он более двадцати пяти раз выступал в роли привлеченного судебного эксперта на судебных процессах по гражданским и уголовным делам. В своей статье под названием «Принудительное убеждение и изменение мировоззрения», опубликованной в 1992 году в журнале *Encyclopedia of Sociology*, он пишет:

> *В современном обществе программы принудительного убеждения принимают самые разные формы. Они рассчитаны на добровольное участие объекта опыта. Часто этого удается добиться благодаря тому, что объект убежден в существовании некой общей цели, связывающей его с организацией, или в том, что участие в опыте принесет ему ту или иную выгоду.*

Утром пятого апреля 1991 года Том Камминс, сидевший, ничего не подозревая, на заднем сиденье патрульной машины без опознавательных знаков, идеально вписывался в категорию «объектов», описанных Офше. Он был абсолютно уверен в том, что с детективами Ститтумом и Грайстом его объединяет общая цель – найти Джулию и Робин и задержать насильников.

Детективы, в свою очередь, старательно поддерживали в нем это убеждение. Они без устали твердили, что своим участием он вносит неоценимый вклад в ход расследования, что с его помощью они втроем – двое полицейских и молодой храбрый пожарный – обязательно отыщут Джулию и Робин. Что их поддерживает весь Сент-Луис. Они обещали объединить усилия с другими службами: полиция будет вести расследование, а поисками займутся пожарные. Ститтум с Грайстом несколько раз повторили, как это хорошо, что Том – пожарный, потому что его опыт столкновения с чрезвычайными ситуациями будет весьма полезен для следствия.

Разговор с детективами немного взбодрил и утешил Тома. По дороге к полицейскому участку они попали в пробку – был как раз час пик – и Том начал проявлять признаки нетерпения. Он и в самом деле поверил, что может помочь, что не так уж он

бесполезен. Что, если он соберется с мыслями, наберется мужества и станет делать все, о чем его попросят, им удастся отыскать Джулию и Робин. Вроде бы на том участке Миссисипи, вниз по течению, есть пара островков. Может быть, как раз в эту минуту девушки, вцепившись в какой-нибудь обломок или корягу, плавают у самого берега, не в силах выбраться на сушу? Он помнил, каких трудов это стоило ему самому… Впервые за последние несколько часов в душе измученного Тома шевельнулась слабая надежда.

Детектив, занимавший пассажирское место, сидел к Тому в пол-оборота; тот, что вел машину, постоянно поглядывал на него в зеркало заднего вида. Они расспрашивали его о каникулах, о прошедшей неделе, о том, как они проводили время с Джулией, об истории его семьи. Том рассказал, что его отец служил во флоте, что они часто переезжали и что с Джулией он по-настоящему подружился только год назад. Детективы поощряли его откровенность, и он с прямотой, к какой его всегда призывала Джулия, говорил и говорил. Это давалось ему легко, и о Джулии он упоминал исключительно в настоящем времени.

Когда он умолк, они принялись расспрашивать его о работе. В какой пожарной части он служит, как ему команда, сотрудничают ли они с полицейским отделением в Вашингтоне и есть ли у него там знакомые.

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти твоих двоюродных сестер и изловить этих ублюдков, – пообещал Ститтум после очередной паузы в разговоре. – Нам самим от этой истории тошно. А ты, считай, почти один из нас. – Он покачал головой и отвернулся к ветровому стеклу.

Том смотрел в окно на людей в машинах, как и они, застрявших в пробке, смущенно вжимаясь в спинку сиденья и плотнее запахиваясь в отцовскую фланелевую рубашку. Не то чтобы его так уж удивляли среднезападные речевые обороты, но некоторые фразы его озадачивали, не говоря уже о произношении. Смысл выражения «почти один из нас» упорно от него ускользал. В слишком больших для него джинсах Том ерзал по кожаному сиденью, издавая неприятный скрип.

Детектив на пассажирском сиденье переключил внимание с Тома на радио и принялся крутить ручку настройки в поисках приятной музыки, быстро меняя частоту, как только попадал на новости. Музыки он так и не нашел и, устав от студийной болтовни, выключил приемник.

Том вдруг заметил, что машинально сунул правый указательный палец под манжету на левом рукаве и с двух сторон потирает ткань. Эта нервная привычка осталась у него с детства.

Мама подшучивала над ним, называя эту его манеру «полировкой». «Будешь так полировать наволочку, от нее ничего не останется», – смеялась она. Привычка въелась настолько глубоко, что обычно он сам не сознавал, что опять теребит ткань. Но на сей раз он поймал себя на этом, сконфузился и резко выдернул руку из рукава. Но через несколько секунд вновь, уже намеренно, вернул ее обратно и продолжил тереть мягкую ткань, пытаясь остановить неожиданно подступившие к глазам слезы.

Пока их брат на заднем сиденье патрульной машины ехал в полицейский участок, Тинк и Кэти Камминс выгуливали пса. Вокруг левого запястья Тинк обернула поводок Бларни, а на правое повязала красную бандану, которую вчера вечером дала ей Джулия. Она не могла бы объяснить, почему повязала ее не на голову, как обычно, а на руку. Бандана пахла Джулией, и ей хотелось, чтобы так и оставалось. Не успели они вернуться домой, как зазвонил телефон, и трубку снова сняла бабушка Полли. Кэти сидела на синем диване и разувалась, когда в проеме двери, ведущей на кухню, появилась бабушка.

– Девочки, – сказала она. – Джейми на проводе. Кто возьмет трубку?

Кэти пожала плечами и мотнула головой в сторону сестры.

– Я возьму, – сказала Тинк, наклоняясь и отстегивая с Бларни поводок.

Каким адом обернулось это утро для Джейми, можно было только гадать. Она попросила их с Кэти прийти и побыть с ней.

– Через десять минут будем, – сказала Тинк со странными жесткими нотками в голосе.

Кэти спустилась вниз и сообщила запершейся в ванной матери об их планах. Завернувшись в полотенце, Кэй открыла дверь и поспешила вслед за младшей дочерью наверх, в уже залитую солнцем кухню.

– Девочки, у нас ведь даже машины сейчас нет, – сказала она дочерям, решительно настроенным ехать к Джейми. – И миллион родственников надо обзвонить, пока они не увидели нас по телевизору…

– У тети Джинны дома есть телефон, – сухо отметила успевшая снова обуться Кэти.

– Можете взять мою машину, – добавил дедушка Арт.

Кэй помолчала, взвешивая все за и против. Потом провела рукой по мокрым волосам. С ее черных кудрей скатывались на плиточный кухонный пол тяжелые капли.

– Ладно, – решила она. – И вам, и Джейми сейчас лучше быть вместе. Только дайте мне одеться – не в таком же виде ехать.

Вскоре они уже мчались к родственникам.

Петит-Драйв встретила женскую половину семьи Камминс тишиной и спокойствием. На часах было восемь утра – большая часть местных жителей отправилась на работу или в школу. Тинк и Кэти выскочили из машины, едва Кэй припарковалась, и, негромко постучав, открыли дверь и вошли в дом. Джейми сидела по-турецки на полу перед телевизором в ближней комнате; в руках она держала геймпад от игровой приставки «Нинтендо» и не отрывала глаз от экрана.

– Привет, – поздоровалась она с двоюродными сестрами, даже не глянув на них.

– И тебе привет, – отозвались те. Кэти оставила дверь приоткрытой для матери и села на пол рядом с Джейми. Тинк плюхнулась на мягкий низкий диван позади них.

Добравшись наконец до полицейского участка, Ститтум, Грайст и Том миновали длинный коридор и вошли в старый дребезжащий лифт; один из полицейских нажал кнопку «4». Наверху, в офисе убойного отдела, детективы предложили Тому еще кофе, и тот с радостью согласился.

Пару минут спустя подъехал Джин. Том отправился в туалет, переоделся в привезенную отцом чистую одежду и плеснул себе воды в лицо. От недосыпа у него саднили глаза, а во рту стоял отвратительный привкус грязной речной воды и кофе. Том остро пожалел, что не попросил отца захватить из дома зубную щетку. Он даже не стал смотреться в зеркало – распахнул дверь туалета и вернулся к остальным. Те как раз серьезно что-то обсуждали, сгрудившись вокруг заваленного бумагами стола. Свежая одежда будто придала Тому сил.

– Я готов, – произнес он.

Присутствовать при допросе Джину не разрешили, но дали заглянуть в помещение и убедиться, что ничего необычного или подозрительного там нет. Они снова подчеркнули, что обычно не позволяют родственникам свидетелей и этого, но для пожарного делают исключение. Детективы предложили Тому устраиваться поудобнее, добавив, что скоро вернутся, и ушли.

Дверь с щелчком закрылась. Том упал на стоявший перед пустым столом жесткий металлический стул и дал волю тихим слезам. С тех пор как несколько часов назад он прятался под дорожным знаком у водоочистной станции, пытаясь успокоиться и унять дрожь, Том впервые остался один. Он положил руки на стол и осмотрел их. На предплечье все еще красовалось имя Тинк, написанное вчера вечером большими буквами синей ручкой за игрой в карты. Том удивился, что надпись не смыло водой. Он

провел пальцами по буквам ТИНК; у него задрожала нижняя губа. Внезапно он осознал, насколько крутой поворот делает его жизнь прямо на глазах. Совсем недавно он сидел за столом со своими двоюродными сестрами, они играли и дурачились. А теперь он ждет допроса в полиции и старательно гонит от себя мысли о том, что Джулии и Робин пришлось пережить на мосту. Ему не хотелось думать, что они пропали и, возможно, не пережили эту ночь. Он уронил голову на стол. Через пару секунд он уже крепко спал, скрестив вытянутые под столом ноги.

Ститтум и Грайст вернулись минут через сорок-шестьдесят и разбудили Тома. Он вздрогнул и моментально поднял голову, недоуменно осматриваясь. В следующий миг его лицо омрачилось: он вспомнил, где он и почему он здесь. Спал он сном человека, до предела истощенного морально и физически – крепко и без сновидений.

Детективы сели напротив Тома; один из них положил на пустой стол карманный диктофон. Том посмотрел на устройство с подозрением, сам не понимая, почему появление на столе диктофона его смутило. Он потряс головой, стряхивая остатки сна, поднял затекшие руки, потер лицо и пригладил волосы. Широко зевнув и потянувшись, он окончательно проснулся, но все еще молчал, выжидающе глядя на детективов. Рядом с этими копами он чувствовал себя спокойно. Они казались ему хорошими и умными парнями и были его единственной надеждой на спасение сестер.

– Чего-нибудь хочешь, пока мы не начали? – спросил Тома один. – Еще кофе? Белого друга проведать?

– Нет, ничего не надо, – ответил Том, глубоко вздохнув.

– О’кей. Так, волноваться не нужно, – пояснил детектив. – Это абсолютно, стопроцентно стандартная процедура. Мы регулярно проводим подобные беседы со свидетелями предполагаемого убийства. Это очень поможет расследованию, так что старайся отвечать максимально подробно, попытайся вспомнить как можно больше деталей. Если почувствуешь себя нехорошо или еще что-нибудь в этом духе и потребуется перерыв – просто дай нам знать.

Том кивнул, стараясь не зацикливаться на слове «убийство».

– Хорошо. Когда включим диктофон, я зачитаю тебе твои права – так надо по инструкции, – продолжил детектив. – Не пугайся – это не значит, что мы тебя подозреваем, и не значит, что ты под арестом. Это формальность, необходимая для защиты того, кто дает показания под запись. Опять же – абсолютно ничего необычного. Да ты и сам, я думаю, все это знаешь, а я хочу, чтобы ты не волновался, все же ночка у тебя выдалась тяжелая.

Том снова кивнул, чувствуя себя каким-то китайским болванчиком.

– Ну, поехали, – сказал он.

Далее приведена расшифровка начала записи:

> В. Пятое апреля 1991 года, я – детектив Рэймонд Грайст, Г-Р-А-Й-С-Т. Со мной в помещении для допроса номер два убойного отдела находятся также детектив Гэри Ститтум, С-Т-И-Т-Т-У-М и сидящий напротив меня Томас Камминс. Для протокола – на часах сейчас 09:02, до начала записи я говорил вам, Томас, о том, что собираюсь зачитать вам ваши права.
>
> О. Да, сэр.
>
> В. Хорошо. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть и будет использовано в суде. Вы это понимаете?
>
> О. Да, сэр.
>
> В. Хорошо. У вас также есть право на адвоката. Вы это понимаете?
>
> О. Да, сэр.
>
> В. Если вы не можете позволить себе адвоката, он будет предоставлен вам бесплатно. Вы это понимаете?
>
> О. Да, сэр.
>
> В. Понимаете ли вы, что адвокат будет вам предоставлен бесплатно?
>
> О. Да, сэр.
>
> В. Хорошо. Давая сейчас согласие на разговор с нами, то есть детективом Ститтумом и мной, здесь, в этом помещении, в отсутствие посторонних лиц, понимаете ли вы, что имеете право в любой момент перестать отвечать на вопросы?
>
> О. Да, сэр.
>
> В. Вы также имеете право на любой стадии нашего разговора, почувствовав необходимость, потребовать присутствия адвоката. Вы это понимаете?
>
> О. Да, сэр.
>
> В. Отлично. Готовы ли вы дать показания об инциденте, имевшем место с вечера четвертого апреля на ранее утро пятого апреля?
>
> О. Да, сэр.

Тома приводила в замешательство необходимость отвечать на вопросы, которые он много раз слышал в фильмах и сериалах, а иногда на работе. Впрочем, их задавали спокойным и дружелюбным тоном, не похожим на тон киношных копов. Тем не

менее содержание вопросов настораживало. Том сделал глубокий вдох и начал свой рассказ.

Детективы периодически его прерывали, чтобы что-то прояснить или подробнее остановиться на том или ином эпизоде, но на пленке в основном звучит голос Тома – голос измотанного несчастного человека, вспоминающего ужасы вчерашнего вечера перед двумя чужими людьми, которые сидят напротив него, направляя беседу. Том заговорил о Джулии, пытаясь объяснить, как близко они дружили и какой прекрасной была эта дружба. «Между нами была очень тесная связь», – так он охарактеризовал их отношения. На этих словах детективы переглянулись и вскинули брови, но Том этого не заметил. Следующий вопрос Грайста его поразил.

В. Вы когда-либо вступали с ней в интимную связь?
О. Нет, сэр.

Ответ Тома, сбитого с толку вопросом, тем не менее прозвучал категорично.

В. Вы когда-нибудь занимались с ней сексом?
О. Нет, разумеется, нет.

Отвратительное предположение детективов возмутило Тома, но об этом он промолчал. До начала записи его предупредили, что ему, возможно, придется выслушать пару малоприятных вопросов. Его заверили, что это делается для того, чтобы отмести заведомо ложные версии преступления. В конце концов, расследование строится в первую очередь на показаниях Тома. Ну что ж, думал Том, эти двое – профессионалы и наверняка знают, что делают. Чуть поразмыслив, он предположил, что детектив Грайст уже сталкивался со случаями сексуальной близости между двоюродными братьями и сестрами и потому спросил и его. Но все равно это было мерзко.

Том продолжил свой рассказ, стараясь не упустить ни одной детали, несмотря на тающий на глазах запас сил. Он напрягал память, внутренне содрогаясь при воспоминании о самых чудовищных подробностях, но заставлял себя говорить.

Джин Камминс ждал сына в соседнем кабинете. Происшедшее до сих пор не укладывалось у него в голове. Полицейские вели себя с ним подчеркнуто любезно, демонстрируя заботу и сочувствие. Его усадили за свободный стол и разрешили пользоваться стоящим на нем телефоном. Допивая четвертую за утро чашку кофе, он мучительно

раздумывал, стоит ли звонить своим родителям во Флориду или лучше подождать – вдруг появится новая информация. Ему не хотелось тревожить их раньше времени. Старший ребенок в семье, он привык брать на себя ответственность и твердо решил, что позвонит им сам. С отцом его связывали особые отношения. Если уж Джину-старшему суждено услышать ужасные новости о своих внуках, то он услышит их от старшего сына. Остальных родственников уговаривать не пришлось – никто не горел желанием сообщать близким такие известия. Пока он взвешивал все за и против, проходивший мимо офицер заметил, что Джин, похоже, совсем себя не щадит.

– В полиции отвратительный кофе – будто деготь хлебаешь, – пошутил он.

– Вовсе нет, – ответил Джин. – Хотите узнать, что такое настоящий деготь? Попробуйте как-нибудь кофе, каким потчуют матросов на военном корабле.

Прихлебывая остывающий напиток, Джин чуть улыбнулся – он вспомнил, как смешил своих детей, когда те были маленькими. Они сидели за столом над тарелками с хлопьями, побросав на пол рюкзаки. Он, только проснувшись, выходил на кухню в очках, боксерах и футболке; дети издалека слышали, что идет отец, опускали ложки и с нетерпением ждали его комичного появления. Он с закрытыми глазами брел туда, где его ждала капельная кофеварка с таймером, тянулся за стоявшей на обычном месте любимой кружкой и, все так же не открывая глаз, наливал себе крепкий черный кофе без сахара. И, лишь сделав добрый глоток, разлеплял веки и тряс головой. Когда он проделал это впервые, у него и в мыслях не было что-то изображать, но дети захохотали как безумные. А ему так понравилось их смешить, что утренняя вылазка за кофе с закрытыми глазами стала у них чем-то вроде ритуала, упраздненного лишь пару лет назад. Дети растут быстро…

Вернувшись в настоящее время, он вспомнил о несчастной Джинне и покачал головой, не в силах даже представить себе, каково ей сейчас. Он опустил кружку с кофе на стол, сложил ладони и склонил голову, благодаря Бога за спасение его семьи и, вопреки очевидности, молясь за благополучное возвращение Джулии и Робин.

В соседней комнате Том продолжал давать показания. Ему казалось, что все идет как надо. Оправившись от шока, вызванного вопросом о сексуальной связи с Джулией, он обрел самообладание и старательно отвечал на вопросы детективов. Его самого удивляло, как хорошо он все помнит, особенно учитывая,

что он не спал уже больше суток.

Но ни одного имени он назвать не мог, как ни напрягал память. Четверо нападавших представились во время их первого разговора, но в тот момент Тому было на них наплевать и имена преступников как влетели ему в одно ухо, так из другого и вылетели.

Зато он вспомнил, что самый высокий из четверых парней говорил, что он родом из Уэнтзвилла. Том очень гордился, поделившись с детективами этой деталью. Название города сохранилось у него в памяти лишь потому, что там жила семья его тетки Лайзы, к которой они по пути заезжали в гости. По прикидкам Тома, Уэнтзвилл был совсем небольшим городком, так что эта подробность могла помочь расследованию. Хорошо, думал он, что он его не забыл.

Его беседа с Грайстом и Ститтумом протекала в дружелюбной и профессиональной тональности. Он обращался к ним «сэр» – эту, бесспорно, устаревшую привычку прочно вбил ему в голову отец.

Методическим пособием «Допрос в уголовном деле и признание подозреваемого», составленным Фредом Эдвардом Инбау, Джоном Рейдом и Джозефом Бакли, в США пользуются все сотрудники следственных органов. Многочисленные цитаты из него содержатся в знаменитом приговоре Верховного суда по делу «Миранда против Аризоны», проходившего под председательством верховного судьи Уоррена. В методичке, помимо прочего, есть и такая рекомендация: «Если подозреваемый ведет себя слишком учтиво и, обращаясь к следователю, постоянно называет его «сэр», это может свидетельствовать о его попытке подольститься к следователю и завоевать его доверие».

Впрочем, вряд ли Том, даже зная об этом, вел бы себя иначе, поскольку он себя подозреваемым не считал. Он был очевидной жертвой преступления. Он находился на грани эмоционального срыва: у него дрожали губы и руки, и посреди особенно длинных фраз ему приходилось переводить дух. Он был морально подавлен, физически истощен и даже не успел вымыться. Мысль о том, что Ститтум и Грайст могли в чем-то его подозревать, даже не приходила ему в голову. Вероятно, поэтому его не слишком удивили последние вопросы детективов. Согласно записи, их задал Грайст.

> В. О’кей. Я задам еще пару вопросов, а потом мы сделаем перерыв. Вы что-нибудь делали этим двум девушкам?

О. Нет, сэр, не делал.

В. Хорошо. Я имел в виду, делали ли вы что-либо, что могло как-то им повредить?

Том решительно покачал головой. В вопросах не звучало обвинительной интонации, к тому же Грайст задавал их самым дружелюбным тоном. Детективы просто записывали его показания на пленку. Как они много раз повторили, это стандартная процедура.

О. Нет, сэр. Не делал.

В. Ладно. Вы вступали той ночью в половую связь с кем-либо из них?

О. Нет, сэр, не вступал.

В. А когда-либо вступали?

О. Нет, сэр, никогда.

В. Хорошо. Готовы ли вы позднее предоставить нам образцы тканей и жидкостей для проверки? Я имею в виду образцы волос, слюны и так далее.

О. Да, сэр.

В. Поймите правильно – как мы уже упоминали ранее, мы пытаемся понять, что произошло. До сегодняшнего дня мы понятия не имели, кто вы такой.

О. Да, сэр.

В. Мы должны проверить сведения, которые вы нам сообщили.

О. Да, сэр.

В. Вы это понимаете?

О. Да, сэр, понимаю.

Согласно расшифровке запись была остановлена в половине одиннадцатого утра – Тома допрашивали полтора часа. Когда детективы нажали кнопку на диктофоне, Том выдохнул. Ему в целом понравилось, как все прошло. Он был уверен, что несколько деталей, которые ему удалось вспомнить, помогут расследованию. Детективы потянулись, улыбаясь.

– Слушай, ты молодец, парень, спасибо за помощь, – произнес Ститтум, протягивая Тому руку через стол.

– Посиди тут еще пару минут – мы сходим к начальству и сразу вернемся, хорошо?

Том кивнул, пытаясь подавить зевок, что не укрылось от одного из детективов.

– Может, еще кофейку? Или газировки? – предложил Ститтум.

Том покачал головой:

– Я в норме.

Не успели офицеры закрыть за собой дверь, как он снова заснул.

В начале одиннадцатого двадцатишестилетняя Джеки Свит, младшая из шести братьев и сестер Джина и Джинны, стояла над загроможденным столом в наборном цехе типографии, где печаталась «Коламбия дейли трибьюн», одна из двух ежедневных газет штата Миссури. Дедлайн был в 11:48, и атмосфера в цехе, как обычно, стояла напряженная. Когда зазвонил единственный в помещении телефон, Джеки не обратила на него внимания, пока кто-то не позвал ее по имени. Она тяжело вздохнула, подхватила открытую бутылку «Маунтин Дью» и направилась к аппарату.

– Джеки Свит, – произнесла она голосом, в котором слышалось «какого-черта-отрываете-меня-от-работы-у-меня-дедлайн».

– Джек? Это Шейла, – раздался в трубке голос сестры.

Джеки уронила на стол ручку и сняла очки, мгновенно побледнев. Желудок будто скрутило: братья и сестры никогда не звонили ей на работу.

– Что случилось, Шейла? Что-то с папой? – спросила Джеки и отерла лоб рукой, в которой держала очки, заехав себе по лицу дужкой.

– Нет-нет, с папой все хорошо, – ответила Шейла. – Джек, ты лучше присядь, ладно?

Шейла рассказала ей все, что сама знала о событиях этого жуткого утра. Джеки слушала ее молча, и ее постепенно начала бить дрожь. Вокруг столпились встревоженные коллеги. Комната поплыла перед глазами Джеки; к горлу подступила тошнота. В конце Шейла, не выдержав, разрыдалась и передала трубку их невестке, Кэй.

– Джек, послушай меня внимательно, пожалуйста, – начала та. – Я знаю, что тебе трудно в это поверить. Не гони сюда сразу, не садись за руль, пока немножко не придешь в себя. Возможно, тебе придется пробыть здесь несколько дней, поэтому съезди домой и собери вещи с запасом. Заодно найди кого-нибудь, кто посидит с собаками. Твой муж может отпроситься с работы?

– Д-да… – выдохнула Джеки.

– Хорошо. Пусть поедет с тобой, – продолжила Кэй. – Звонить никому не надо – мы с Шейлой сейчас у Джинны и всех отсюда обзваниваем. Да, еще кое-что. Маме с папой мы пока ничего конкретного не говорили. Подождем, может, будут и хорошие новости.

Джеки кивнула, отхлебнула «Маунтин Дью», пытаясь

проглотить мешавший говорить ком в горле, попрощалась с невесткой и повесила трубку. Некоторое время она просто сидела, не способная пошевелиться. Коллеги уже забыли про странный телефонный звонок и вернулись к работе. Джеки поднялась на ватные ноги и вслепую нашарила на столе пачку сигарет. Ей предстояла двухчасовая поездка в Сент-Луис; самая долгая в ее жизни.

Примерно через сорок пять минут дверь в допросную номер два снова открылась. Том по-прежнему крепко спал. Возле его грязного лица на столе расплылась небольшая лужица слюны. Дверь хлопнула, и Том проснулся. Подняв голову, он с удивлением обнаружил, что в комнату вошли двое мужчин, но вовсе не Ститтум с Грайстом.

– Детектив Ричард Тревор, – представился один из них, протягивая заспанному Тому руку.

Том подавил очередной зевок и пожал детективу руку, борясь с желанием протереть глаза.

– Это мой напарник – детектив Джон Уолш.

Том пожал руку второму офицеру. Ни тот, ни другой, на взгляд Тома, не были похожи на детективов. Правда, он сам не до конца понимал, как должен выглядеть настоящий детектив, но эти двое напоминали то ли дантистов, то ли программистов – словом, кого угодно, кроме детективов.

– Как я понимаю, ты уже общался с Гэри и Рэем. Они ушли домой – их смена закончилась несколько часов назад. Надеюсь, ты не против нашей компании. Мы хотели бы еще раз пройтись по паре моментов из твоих показаний. Сделаем еще одну запись – не такую долгую, как первая, не переживай. Мы просто хотим уточнить пару деталей. Надо было сразу спросить, но нас тут не было, когда вы писали первую пленку.

Том кивнул и все-таки потер лицо.

– Хорошо, конечно. Никаких проблем, – ответил он, заставляя себя проснуться.

В 11:25 утра Том во второй раз дал показания. По просьбе детектива Тревора он вновь пересказал всю историю «с самого начала». В целом запись очень похожа на первую. В конце беседы Тревор также поблагодарил Тома за помощь и рассказал о том, что им предстоит делать дальше.

В. Мы ценим ваше содействие.

О. Я помогу, чем смогу, – только скажите.

В. Отлично, в таком случае… Вы запомнили этих людей?

Тревор имел в виду четверку нападавших. Том вздрогнул и кивнул. Он знал, что уже никогда не забудет этих лиц, как бы ему этого ни хотелось.

В. Мы попробуем с ваших слов составить их портреты. Ну, то есть мы попросим вас поговорить с нашим художником-криминалистом. Я должен удостовериться, что мы друг друга понимаем.

О. Конечно.

В. Художник сделает наброски. Вы не против?

О. Нет, не против.

В. Хорошо.

О. А как он будет их рисовать?

Тома воодушевила перспектива помочь расследованию чем-то более конкретным. Необходимость раз за разом пересказывать события этой ночи понемногу начинала его нервировать. Если художнику удастся с его слов набросать портреты насильников, это продвинет следствие вперед и откроет перед ним новые возможности. Том приободрился.

В. Я не знаю, как именно они работают – все по-разному. Хотите что-нибудь еще добавить к нашему разговору?

О. Нет. Разве что… Да нет.

В. Я имею в виду, не случилось ли ночью чего-нибудь еще, о чем мы вас не спросили?

Том задумался, прежде чем ответить на последний вопрос.

О. Нет, я ведь… Я правда… Я изо всех сил старался вспомнить все подробности.

Согласно записи, второй разговор со следователями закончился в 12:40. Детективы вновь поблагодарили Тома за сотрудничество и подтвердили, что его помощь играет ключевую роль в ходе расследования.

– Я уже упоминал, что нам понадобятся твои биологические образцы, – сказал Тревор, выключив диктофон. – Ты понимаешь, что это значит?

– Думаю, да, – ответил Том.

– На самом деле мы просто возьмем у тебя на анализ кучу всего – волосы, кровь, отпечатки пальцев и так далее – чтобы исключить их из числа улик, найденных на месте преступления, – пояснил он.

– Понимаю, – кивнул Том.

– Готов прямо сейчас этим заняться? – спросил Тревор.

– Ну да, – ответил Том не без сарказма. – У меня сейчас вроде как есть минутка.

– Отлично, – улыбнулся детектив. – Тогда идем наверх.

Ева злилась на Марлина Грея. Мягко говоря, ее взбесило, что он не заехал за ней, как обещал, а домой вернулся только в пять утра. Проснувшись около полудня в пятницу, он рассказал Еве, что подрался на мосту Чейн-оф-Рокс, но победил, и гордо кинул на одеяло перед ней швейцарские часы Тома. Она без особого интереса повертела их в руках, а потом надела на руку.

– Это не оправдание, – строго произнесла она, пока Грей, выбравшись из постели, искал одежду. – Я за тебя переживала.

Грей улыбнулся и посмотрел на нее самым щенячьим из своего арсенала взглядом.

– Брось, детка, – проворковал он. – Я не хочу ссориться. Я ведь здесь, все хорошо. – Он потянул Еву назад в постель и поцеловал.

– Ладно, – сдалась та, счастливо улыбнувшись Грею. – Но больше не смей так делать.

Он наклонился поцеловать ее еще раз, но она увернулась и поднялась с кровати.

– Времени нет, – весело пропела она. – Давай вставай – у нас сегодня много дел.

Но Грей не спешил. Он откинулся на подушку, наблюдая, как Ева собирает по комнате их одежду, нуждающуюся в стирке. Часы Тома еще были на ней, но перед душем она их сняла. Грей и Ева слегка перекусили и поехали к знакомым. Часы красовались уже на запястье Грея. Тяжелую тележку с грязным бельем тащила за собой Ева. Она была очень благодарна Роберту Тронкалли и его жене Кендре за разрешение пользоваться их стиральной машинкой и сушилкой – иначе Еве пришлось бы всю первую половину дня проторчать в прачечной самообслуживания. Это соглашение всех устраивало – Ева закидывала белье в стирку, а потом обе пары болтали или смотрели телевизор.

Тронкалли как раз смотрел дневной выпуск новостей, а Кендра на кухне гремела тарелками и приборами. Ева сразу направилась к стиральной машине, а Грей опустился в одно из кресел.

– Привет, – бросил Тронкалли, когда Грей устроился поудобнее.

– Привет, – ответил Грей.

– Видел эту хрень по телику? – осведомился Тронкалли.

– Какую хрень?

– Двух девушек убили ночью на мосту Чейн-оф-Рокс, – ответил Тронкалли. – Вроде как с ними был их двоюродный брат, но он выжил.

Грей вскинул бровь – новость его удивила, но не взволновала. Он глубоко вздохнул и откинулся в кресле.

– Ага, – ухмыльнулся он. – Моя работа.

Тронкалли вытаращил глаза на приятеля. Он привык к неожиданным заявлениям Грея, его извращенному чувству юмора и жажде внимания.

– Марлин, – произнес он голосом, каким маленькому ребенку обычно велят положить на место печенье. – Никогда не говори таких вещей. Однажды кто-нибудь тебя услышит и неправильно поймет.

– Ой, да ладно тебе, – хохотнул Грей.

Тем не менее, когда на экране появилось изображение Тома, Марлин Грей тихонько стянул с запястья новые часы и поглубже запихнул под сиденье кресла Тронкалли.

У Тома взяли отпечатки пальцев, после чего разрешили сходить в туалет и умыться. Вернувшись в допросную номер два, он сел на стул и стал ждать. Вскоре в комнату вошла сотрудница криминалистической лаборатории, держа в руках расческу и пластиковый пакетик, и принялась расчесывать его волосы. Том отчаянно пытался не заснуть, когда в дверном окошке появилось лицо Джина.

При виде его Том просиял. До того дня он никогда бы не поверил, что однажды так обрадуется отцу. Джин улыбнулся сыну и отворил дверь в маленькую комнатку.

– Как ты тут? – Отец сел напротив Тома, где еще недавно сидел один из детективов. – Проголодался? – Он протянул сыну бумажное меню из закусочной напротив.

– Умираю от голода, – ответил Том, читая меню. – Я бы съел сэндвич с тунцом, – решил он, возвращая отцу бумажку.

Том старался поменьше шевелиться, чтобы не осложнять работу расчесывавшей его женщине. Он сидел, крепко сжав губы, и молча смотрел на отца. Ему хотелось многое сказать ему, но он не знал что. «Наша жизнь никогда не будет прежней»? «Спасибо, что ты здесь, со мной»? «Почему выжил именно я?» «Я не сумел помочь им»? Ни одна из этих фраз так и не слетела с его языка, не в последнюю очередь потому, что ни одна из них и близко не выражала владевших им чувств. Впервые за свою жизнь Том в присутствии отца ощутил себя мужчиной. Все предшествующие годы он стремился к этому, но сейчас ему отчаянно захотелось

вновь стать маленьким мальчиком. Ответственность за то, что случилось за последние двенадцать часов, как и за то, что ждало его в будущем, давила на Тома всей тяжестью мира.

– С тунцом так с тунцом, – произнес Джин, коротко пожал сыну руку и ушел.

Сэндвичи прибыли через полчаса. Том и Джин съели их в допросной номер два в присутствии еще одного детектива. Они почти не разговаривали – оба были слишком измотаны и голодны. Когда с сэндвичами было покончено, в допросную вернулись Тревор и Уолш и предложили Тому пройти тест на полиграфе. Пока детективы объясняли ему и Джину, как важен этот тест для успеха следствия, Том молча гонял по столу скомканную упаковку от сэндвича.

– Хочу подчеркнуть, – сказал один из полицейских, – что это абсолютно стандартная процедура. Она поможет нам убедиться, что Том – надежный свидетель происшествия, вот и все.

Джин позволил себе усомниться в необходимости подобной проверки, и детектив всю силу своей аргументации обратил на него.

– Послушайте, мистер Камминс, – начал он. – Я знаю, что ваш сын устал и вы хотите поскорее забрать его домой – это абсолютно естественно. Но мы должны убедиться, что он не забыл ничего важного и не перепутал никакие детали. Как только вы его отсюда выведете и увезете домой, в привычную обстановку, его воспоминания утратят надежность. Не исключено, что его подсознание заблокирует наиболее травмирующие подробности, а они как раз могут оказаться самыми важными. Нам необходимо точно знать, насколько мы можем доверять его показаниям, и сделать это надо сейчас, пока все события еще свежи в его памяти. Много времени это не займет, и больше мы ничего сегодня от него не потребуем, так что вы сразу сможете забрать его домой. Составление портретов отложим на завтра. Что скажете?

Джин посмотрел на сына и покачал головой.

– Пап, – вмешался Том. – Я совсем не против этого теста. Я очень хочу им помочь. Мне скрывать нечего. Я готов его пройти.

– Ну смотри, если ты уверен… – осторожно произнес Джин.

– Уверен, – ответил Том.

Когда Джеки подъехала к дому Джинны на Петит-Драйв, остальные братья и сестры, оповещенные о случившемся, либо уже были на месте, либо направлялись в Сент-Луис. В небольшом домике никогда еще не собиралось столько народу сразу.

Джинна вернулась домой еще утром, сунула в рюкзак две

пары джинсов, две пары обуви, два свитера и две пары шерстяных носков и помчалась на Старый мост Чейн-оф-Рокс. После полудня она привезла назад рюкзак с так и не пригодившейся одеждой и обнаружила, что дома ее ждут полные сочувствия братья и сестры. Каммингсы никогда особенно не ладили между собой – родители одинаково любили их всех, но, когда восемь детей растут под одной крышей, конфликты неизбежны. Но в тот день, несмотря на царившую в доме напряженную атмосферу – или благодаря ей – никто никого не задирал. Каждый нашел себе дело, каждый стремился помочь.

Кэй с Шейлой сидели на телефоне, звонили сами и принимали тяжелые звонки. Тинк с Кэти поручили отвлечь Джейми, чем они и занялись, а заодно и сами немного отвлеклись от ужасных мыслей. Одна из сестер Джинны просматривала вместе с ней семейные альбомы – полицейские попросили несколько хороших снимков Джулии и Робин, чтобы облегчить поиски.

Джеки дали задание съездить за едой. Она взяла с собой одного из племянников и через час с небольшим привезла полный багажник коричневых бумажных пакетов. Народу в доме собралось столько, что его разгрузили за одну ходку.

Джейми, Тинк и Кэти оккупировали в гостиной телевизор с игровой приставкой, что, пожалуй, было к лучшему – увлеченные Нинтендо, они не смотрели новости, все более удручающие.

На самом деле новостей *не было*, что нисколько не обескураживало репортеров, число которых возле места происшествия росло с каждым часом. Все понимали, что в данном случае отсутствие новостей не сулит ничего хорошего. К двум часам дня минуло как минимум полсуток с тех пор, как Джулия и Робин исчезли в водах Миссисипи. Ни одного следа девушек так и не обнаружили.

Джеки зашла в гостиную, присела на корточки и погладила по спине лежавшую на полу с геймпадом в руках Тинк.

– Тинк, твоя мама говорит, что ты сегодня ничего не ела, – тихо сказала она. – Как насчет маффина с черникой?

– Нет, спасибо, – покачала та головой.

– Ладно, тогда я оставлю его тут – вдруг захочешь, когда доиграешь, – произнесла Джеки и аккуратно положила маффин на ковер перед племянницей.

Тинк продолжила играть, но уже пару секунд спустя ее ноздрей коснулся тягуче-сладкий запах сдобной выпечки. Она посмотрела на лежащий рядом маффин, и у нее тут же скрутило желудок. Она отбросила геймпад, вскочила на ноги и побежала в ванную. Приторный запаха маффина остался позади, и ей

немного полегчало. Каким-то чудом ванная оказалась свободна.

Тинк включила свет, взглянула на отражение в зеркале своего пепельно-серого лица и упала на колени перед унитазом. Ее вывернуло. Она бессильно опустила голову на правую руку, вцепившуюся в сиденье, по спине у нее градом катился пот.

Тинк всегда боялась микробов, и тот факт, что она сидела в обнимку с унитазом, многое говорил о ее состоянии. Пальцами левой руки она ощупала холодный изгиб фарфора и внезапно осознала, что все это не сон, не жуткий ночной кошмар, от которого можно проснуться. Доказательством тому служили кислый вкус во рту и прилипшие ко лбу потные пряди волос. Джулии и Робин больше нет. Следующие пятнадцать минут она сидела в ванной и плакала.

Глава восьмая

Полиграф располагался на другом этаже и в другом крыле здания. Том, которого на время тестирования разлучили с отцом, был приятно удивлен обстановкой комнаты: она выглядела гораздо уютнее, чем допросная номер два и походила на кабинет с довольно удобной мебелью – стол с аппаратом, рядом кожаное кресло с кожаными подлокотниками.

Проводивший тестирование детектив вел себя вполне дружелюбно. Он был в штатском, и Том даже усомнился, что этот человек детектив. Он представился просто по имени – в отличие от своих коллег из убойного отдела, которые предпочитали формулировку «детектив такой-то». Первым делом он выразил Тому сочувствие в связи с происшедшим. Стены просторного кабинета и стол украшали фотографии в рамках. Мужчина провел для Тома небольшую экскурсию, указав на свои любимые снимки и перечислив имена своих дочерей.

– Мне трудно даже вообразить, что бы я сделал, если бы с ними случилось нечто подобное, – сказал он. – Мне очень жаль твоих двоюродных сестер. Прими мои искренние соболезнования.

Том кивнул, не зная, что сказать в ответ. Он не привык принимать соболезнования и понятия не имел, что принято говорить в подобной ситуации.

– А это мы на семейной яхте прошлым летом, на озере Озарк. Детям там нравится. Мы очень любим там отдыхать, – мечтательно произнес детектив, но вдруг сообразил, что ужасные события, из-за которых Том сейчас сидит у него, произошли как раз тогда, когда тот был на каникулах. – Ох, прости, это бестактно с моей стороны, – извинился он.

– Ничего, все в порядке, – перебил его Том. – У вас замечательная семья.

Детектив поблагодарил Тома и отвел его к столу с прибором и в течение нескольких минут объяснил, как тот работает. Один датчик, прикрепленный к груди допрашиваемого, измеряет частоту дыхания, второй, на подушечке пальца, – интенсивность потоотделения, манжета на сгибе локтя – давление и пульс. Заметные либо слишком резкие колебания этих показателей означают, что человек лжет. Том ответил, что все понял.

– Мы не хотим, чтобы какой-нибудь вопрос вызвал у тебя шоковую реакцию, – пояснил мужчина, – поэтому перед началом тестирования вместе пройдемся по их списку. В общей сложности тебе будет задано от десяти до двенадцати вопросов. В их числе совсем простые: твое имя, возраст и прочее – ответы на них

послужат точкой отсчета. Но в промежутках между ними я буду задавать более трудные и наиболее важные для нас вопросы, например: «Совершали ли вы что-либо, способное повредить вашим двоюродным сестрам?» Отвечай, пожалуйста, медленно, тихим голосом. Глаза желательно держать закрытыми, дышать как можно глубже и не напрягаться. Я не хочу, чтобы машина зафиксировала признаки физической активности при твоих ответах. Одним словом, никакой спешки и полное спокойствие. Все ясно?

Том кивнул.

– Прежде чем мы приступим к испытанию, – продолжил детектив, надевая на Тома датчики, – необходимо откалибровать оборудование. Иначе говоря, я должен видеть, как полиграф реагирует на заведомую ложь. Поступим следующим образом… – Он потянулся к лежащей на краю стола колоде карт и взял верхние десять. – Возьми любую карту, посмотри на нее и положи назад. Я буду по очереди показывать тебе все карты и спрашивать: «Эта?» Ты должен каждый раз отвечать: «Нет». В конце я назову карту, которую ты вытащил – полиграф подскажет, когда ты солгал.

– О'кей, – ответил Том. – Звучит довольно просто.

Пару минут спустя детектив потряс Тома до глубины души тем, что безошибочно определил выбранную им карту. Том не почувствовал абсолютно никаких изменений своего физического состояния, когда солгал, однако полиграф мгновенно распознал его ложь. Том в жизни не заподозрил бы этого добродушного искреннего семьянина с яхтой на озере Озарк и кожаным креслом в кабинете в том, что в надежде внушить свидетелю ложное чувство безопасности он использует крапленую колоду. Том не сомневался, что полиграф работает безошибочно, и горел желанием начать тестирование.

Рассказывая Тому об устройстве и принципе работы прибора, детектив не упомянул о том, что достоверность результатов теста на полиграфе по разным оценкам варьирует в диапазоне от 48 до 90 процентов, и почти на каждом четвертом вопросе аппарат выдает ошибку. Он также не предупредил Тома, что из всех факторов, способных исказить результат теста на полиграфе, наибольшее влияние оказывает недостаток сна у допрашиваемого. Что ни один человек на свете в состоянии острого недосыпа не может его нормально пройти.

Следуя инструкции, Том закрыл глаза и начал глубоко дышать, вдыхая через нос и выдыхая через рот. Его сразу поразило, какая вокруг стоит тишина, особенно по сравнению с другим крылом здания, где располагался шумный офис убойного

отдела. Странно, что он не заметил этого раньше. На столе рядом с ним полиграф издавал негромкий гул, который накладывался на звуки дыхания Тома, убаюкивая его, и он почувствовал, что засыпает. Из полутранса его вывел внезапно прогрохотавший в ушах вопрос:

– Вас зовут Томас Патрик Камминс?

– Да, – выпалил Том.

Снова наступила тишина, но теперь Том отчетливо слышал стук собственного сердца. Он хотел попросить прервать тестирование, признавшись, что практически заснул перед первым вопросом, но побоялся нарушить процедуру. Вместо этого он приказал себе не волноваться и попытался думать о чем-нибудь другом. Например, о том, можно ли все-таки открыть глаза – иначе на него наваливался сон. На тот момент он был на ногах уже более тридцати четырех часов. Паузы между вопросами длились не более пятнадцати-двадцати секунд, но их хватало, чтобы сознание Тома почти отключалось.

– Вы убили своих двоюродных сестер?

Этот вопрос испугал его по-настоящему, и дело было не только в неожиданно прерванной тишине. Что-то изменилось в голосе детектива – теперь в нем звучали обвиняющие нотки. Том приказал себе успокоиться. Его ладони успели вспотеть, и датчик на пальце наверняка взмок. Он приказал себе расслабиться, сделал глубокий вдох и ответил:

– Нет.

Он почувствовал, что к нему вернулся контроль над телом. «*Этот мужик наверняка знает, что я устал*», – подумал Том. В наступившей тишине его голова начала клониться на грудь. Через секунду он уже снова спал, и этот цикл повторялся в течение всего теста. Отвечая на последний вопрос, Том уже понимал, что все прошло плохо. Он открыл глаза и посмотрел на сидящего по ту сторону стола мужчину, ища поддержки.

– Кажется, у нас тут хренова проблема, – внезапно выплюнул тот.

Том разинул рот, но не смог выдавить ни звука. Мужчина швырнул на стол блокнот и ручку и поднялся. Обошел вокруг стола и склонился к самому носу Тома. Лицо детектива пылало от ярости.

– Ты меня слышишь? Я сказал, у нас хренова проблема! – рявкнул он. – Я хочу, чтобы ты, мать твою, говорил правду! Можешь сколько угодно врать парням сверху, но машину ты не обманешь, и меня тоже, говнюк! Я все равно выбью из тебя правду, так и знай! Давай лучше прямо сейчас, и по-хорошему!

Том затрясся от страха. Полиграф на столе жужжал и скрипел

пером, вычерчивая резкие линии. На глаза Тома навернулись слезы; все его мужество и желание помочь испарились в мгновение ока. Он всхлипнул, как ребенок.

– Я… Я вас не понимаю, – бормотал он. – Клянусь, я говорю правду. Они напали на нас, на нас троих, они скинули Джулию и Робин в реку. Клянусь. Я вас не обманываю.

Детектив скривился и развернулся к нему спиной, с силой оттолкнувшись от кожаных подлокотников кресла, на котором сидел Том.

– Блевать тянет от таких, как ты, – бросил он, возвращаясь за стол. – Так, давай еще раз, сучонок. И на сей раз ты будешь говорить правду.

Атмосфера в доме Джинны на Петит-Драйв мрачнела с каждым часом. У Джейми, Тинк и Кэти от джойстиков уже болели большие пальцы, и они решили для разнообразия пойти немного погонять мяч. На дворе было тепло и солнечно, но сестрам почему-то не хотелось уходить далеко от дома – на залитой солнцем улице они чувствовали себя еще несчастнее. Они уселись втроем на ступеньках крыльца. Тинк рассеянно постукивала футбольным мячом об асфальт.

– Джулия классно играет в футбол, знаешь? – тихо произнесла Джейми.

– Знаю, – ответила Тинк, стараясь не расплакаться, и чуть приобняла младшую двоюродную сестренку.

Время от времени звонил Джин и докладывал жене, что происходит в полицейском участке, но сообщить ему было особенно нечего. Джеки, Шейла и Кэй сидели за кухонным столом в ожидании его очередного звонка. Он подтвердил, что Том по-прежнему отвечает на не оскудевающий поток вопросов, которыми его засыпают детективы. Несмотря на явное физическое истощение, Том не потерял стремления оказать максимальную помощь следствию, и Джин понимал, что не уговорит сына вернуться домой, пока тот верит, что может оказаться полезным. Кэй согласилась, что они должны позволить Тому делать то, что он считает нужным. Но ее волнение продолжало расти, и какая-то часть ее сознания настоятельно требовала забрать Тома из полиции. Пока она говорила с мужем, Шейла и Джеки обменялись обеспокоенными взглядами.

– Можно тебя на минутку? – шепнула Джеки Шейле.

Та кивнула и поднялась из-за стола. Наклонившись, она обняла Кэй, поцеловала ее в макушку и вслед за младшей сестрой покинула кухню. Найти в доме укромный уголок было непросто. Через длинный коридор Джеки прошла в комнату Робин,

дождалась Шейлу и закрыла за ней дверь.

– Томми слишком долго торчит в участке, – сказала Джеки, глядя сестре в лицо. – Шейла, я думаю, мы должны найти ему адвоката.

– Совершенно с тобой согласна, – ответила та. – Только как это сделать? Кэй с Джином могут подумать, что мы в чем-то подозреваем Томми. Не хотелось бы поднимать лишний переполох.

Младшие сестры Джина и Джинны молча стояли посреди маленькой комнаты, заставленной крылатыми керамическими и бумажными фигурками. Говорить было больше не о чем. Мысль, которую все гнали от себя, была наконец произнесена вслух.

– Думаю, мы обязаны это сделать, – решила Шейла.

– Обязаны, – твердо поддержала сестру Джеки.

Шейла через плечо Джеки бросила взгляд в окно и внезапно побледнела. Та обернулась, не понимая, что так испугало сестру.

– О господи, – выдохнули обе. Джеки еще не успела повернуться обратно, а Шейла уже распахнула дверь комнаты и полетела по узкому коридору. Едва ли не перепрыгнув через родственников, сидевших в гостиной, она рванула ручку входной двери, выбежала на улицу и стремительно направилась на ту сторону освещенной солнцем лужайки, где в окружении репортеров и операторов стояли, прижавшись друг к другу, Тинк, Кэти и Джейми. В паре футов от них лежал на траве забытый футбольный мяч.

– Как вы справляетесь с утратой? Погибшие девушки были вашими сестрами, верно? – Репортер тыкал в лицо ничего не понимающей Джейми микрофоном в меховом чехле.

– Погибшие? – переспросила девочка.

Тинк стояла за спиной двоюродной сестренки, положив руки ей на плечи. Она была в ужасе, но не понимала, что ей делать. Кэти попыталась протиснуться между Джейми и оператором с камерой, но телевизионщики ее не пропускали.

– Девочки, живо в дом! – крикнула подошедшая к ним вплотную Шейла.

Сестры с облегчением оглянулись на тетку и быстро ретировались.

– Вы люди или кто? – бушевала Шейла. – Вам не кажется, что этим девочкам сейчас и без вас хватает потрясений? Хотите яркий заголовок для своих вечерних новостей? Как вам такой: катитесь отсюда к чертовой матери и оставьте мою семью в покое?

Про себя Шейла порадовалась, что ее хотя бы не слышат двое маленьких сыновей, но сила собственного гнева ее поразила: она никогда не испытывала ничего подобного. Впрочем, брань,

которую она изрыгала, не выражала и сотой доли кипевшей в ней ярости.

– Вы просто больные! Вам мало кадров с моста, вам нужен хотя бы один труп для шестичасового выпуска, и вот вы заявляетесь в чужой дом и пристаете к ребенку, который переживает чудовищную трагедию! У нас траур! Оставьте нас в покое! Вон! Все пошли вон! Валите отсюда! Чтоб духу вашего здесь не было!

Она кричала во весь голос и махала руками на отступающую под ее натиском съемочную группу. На улицу, оставив девочек в доме, выскочила Джеки, но даже не сошла с крыльца: Шейла в своей битве с прессой явно не нуждалась в ее помощи.

Шейлу обуревало страстное желание найти камень побольше и засветить им в заднее стекло белого фургона журналистов, который, визжа покрышками, катил прочь. Вот он наконец скрылся вдали, и ее плечи бессильно поникли – результат эмоциональной опустошенности, часто сопровождающей подобные всплески. В глазах у нее блеснули слезы, но она не двигалась с места, глядя вслед злополучному фургону.

– Что ж, вряд ли эти ребята снова к нам сунутся, – прокомментировала Джеки с крыльца.

Шейла развернулась к дому. Джеки обняла старшую сестру и рукавом утерла ей слезы.

– Вон! Все пошли вон! Валите отсюда! – изобразила сестру Джеки. Они засмеялись сквозь слезы, не размыкая объятий. – Ну вот, одного маньяка нашли, – пошутила Джеки.

– Господи, Джеки, это было ужасно, – смутилась Шейла. – Что на меня нашло?

– Это было шикарно, – честно ответила Джеки. – Просто шикарно. Не думаю, что они пустят в новости то, что наснимали, – слишком много ругани.

Они снова засмеялись и, постояв еще пару минут, вытерли лица и вернулись в дом.

Тинк и Джейми уже оправились от столкновения с прессой и, несмотря на все еще болевшие пальцы, снова засели за Нинтендо. Кэти не до конца отошла от потрясения и искала укромный уголок, чтобы посидеть и подумать в одиночестве. На первом этаже дома яблоку негде было упасть – в каждой комнате сидели люди. Кэти тихо прокралась через кухню и отворила скрипучую дверь, ведущую в подвал. Внизу было темно. Она облегченно выдохнула, оглянулась, чтобы убедиться, что никто из поглощенных разговорами взрослых ее не видит, и проскользнула на лестницу, закрыв за собой дверь. Она пошарила по стене в

поисках выключателя и неуверенно шагнула в комнату Джулии.

Джулию поселили в ней всего пару месяцев назад. Подвал не был жилым, но в этой комнате была красивая новая деревянная дверь и выложенный белой плиткой пол. Балки заколотили листами гипсокартона. Даже за это короткое время комната Джулии успела приобрести индивидуальность.

Кэти вошла и включила свет. Она знала, что Джулия была бы не против. Сначала она хотела послушать музыку, но постеснялась рыться в кассетах кузины и вместо этого просто легла на кровать, положив руки под голову и вытянув ноги, и стала разглядывать стены. Внезапно вместе с острой горечью пришло осознание того, что этот день она будет помнить до самой своей смерти. Ее переполняло желание запомнить каждую деталь, связанную с двоюродными сестрами. Она села на кровати, скрестив ноги по-турецки и принялась мысленно сортировать находящиеся в комнате вещи.

Рабочий стол Джулии был завален бумагами, в том числе листками со стихами, которые она пару дней назад с гордостью читала Кэти и Тинк. Кэти поднялась с кровати и подошла к маленькому столу – она хотела перечитать стихи. Ее ждало потрясение: всего за один день смысл и глубина стихотворений Джулии неузнаваемо изменились.

Она помнит постылые руки
и незнакомца
и уют обернувшийся угрозой
и исполненное снега белое небо,
и как собственные руки
превращаются в руки старухи
как листва заметает двор у крыльца
на промозглом ветру

Она робко по-своему любит тебя
пронзительно
отчаянно
может быть это страх
облепил ей спину
и сковал плечи
или это одиночество
и потерянная надежда

Но она думает о тебе
пронзительно и растерянно
увидит ли тебя снова

притом что порой
даже мысль о тебе нестерпима
Она видит русла рек, мосты и скалы
и грустит об утраченном созвучии

Кэти содрогнулась и решила, что на сегодня ей хватит. Отводя взгляд от стихотворений, развешанных на стенах вперемежку с политическими лозунгами и плакатами Гринписа, она подошла к пробковой доске для заметок, висевшей над заваленным бумагами, но вполне опрятным письменным столом. Посередине доски был приколот васильковый стикер для машины с надписью большими белыми буквами «ДЖОРДЖ БУШ – ТРАНСВЕСТИТ». Кэти не удержалась и прыснула. С верхних углов доски свисали красные, оранжевые и желтые четки. На доске было много разных бумажек, но Кэти обратила внимание на простую желтоватую картотечную карточку, на которой ручкой была нарисована горящая свеча, обвитая колючей проволокой.

Этот символ давно запал Кэти в душу. Впервые она увидела его десять лет назад, и он стал одним из первых ее более или менее четких детских воспоминаний. Стоял прекрасный весенний день 1981 года. Отец смотрел по телевизору вечерние новости и шикнул на домашних, чтобы не мешали. Маленькая Кэти с удивлением уставилась на экран: по улице молчаливым торжественным маршем шли протестующие; большинство держали в руках плакаты со свечой, обвитой колючей проволокой. В то время она, конечно, ничего не знала про *Международную амнистию* и понятия не имела о том, что такое голодовка. Она не понимала, почему папа плачет и говорит, что это день великой скорби для всех ирландцев и католиков по всему миру. Мрачный репортер сообщил в прямом эфире, что после шестидесяти шести дней голодовки в английской тюрьме скончался гражданский активист Бобби Сэндс.

Она навсегда запомнила это имя. Когда она выросла, она нашла в библиотеке нужную информацию и, в частности, узнала значение этого символа. И вот он здесь, на доске в комнате Джулии. Кэти мысленно сопоставила одно с другим. Ей не было еще пятнадцати, но в тот момент она почувствовала себя древней старухой, обремененной всей мудростью мира. С этого дня свеча *Международной амнистии* всегда ассоциировалась у нее с гибелью великих людей и невыразимой скорбью.

Вторая попытка проверить Тома на полиграфе принесла не больше, а может, и меньше – если это было возможно – успеха,

чем первая. Когда детектив позвонил в убойный отдел и сказал, что они закончили, Том вздохнул с облегчением.

Пару минут спустя за ним явился сержант Майкл Гази. Проходя мимо того, кто тестировал его на полиграфе, Том едва ли не физически ощутил излучаемую тем ненависть.

Том и Гази длинным коридором шагали к лифту, и эхо их шагов гулко отражалось от стен. Том еще не до конца оправился от потрясения, но напряжение постепенно его отпускало и он готов был чуть ли не обнять нового детектива, вызволившего его из лап предыдущего. Он вспомнил обещание Тревора отпустить его после теста на полиграфе и впервые за весь день ему мучительно захотелось домой. В участке становилось как-то совсем неуютно, кроме того, он чувствовал, что сделал все от себя зависящее, чтобы помочь расследованию, и был слишком измотан, чтобы продолжать.

– Этот парень прямо взъелся на меня, – поведал Том Гази, когда за ними закрылась дверь лифта. – Не знаю, какая муха его укусила, но он меня напугал. Он почему-то очень, очень на меня разозлился.

Детектив вместо ответа лишь неопределенно кивнул, и Тома это обнадежило. Ему не терпелось вернуться в убойный отдел, к отцу и к детективам, которые весь день были с ним обходительны и любезны, а главное, подальше от этого маньяка с полиграфом. В глазах у него все еще стояли слезы, и все его лицо было от них мокрым. Он решил, что ведет себя слишком по-детски, и, вытирая лицо рукавом, попытался взять себя в руки.

– Сюда. – Гази жестом пригласил Тома в маленькую комнатку с окном, небольшим столом и двумя стульями.

Помещение напоминало кабинет, но, как Том ни присматривался, не нашел ни одной чьей бы то ни было личной вещи. Комнатка была такой крошечной, что несмотря на окно без штор и зеркало на стене вызывала легкую клаустрофобию. Том обернулся через плечо, выглядывая снаружи отца, но стоявший в дверях Гази заслонял ему обзор, так что он просто зашел в комнату и сел на жесткий металлический стул.

– Я так понял, с тестом на полиграфе возникли трудности, – произнес сержант.

– Ну, видимо, да, – начал Том. – Может, поэтому тот парень внизу так разозлился. Не знаю, что пошло не так, но я постоянно засыпал во время…

– Так, ладно, в задницу это все, – перебил его Гази. – Какого хрена ты сотворил с этими девочками, ты, говнюк мелкий?

Том поперхнулся остатком фразы, забыв даже закрыть рот. На пару секунд в комнатке воцарилась тишина.

– Я… Ничего я с ними не творил. Они мои двоюродные сестры… – заикаясь, проговорил он.

Гази это явно не понравилось. Он ударил по столу ладонями и вскочил со стула. Лицо у него покраснело, на лбу явственно проступила пульсирующая жилка. Как он быстро взбесился, недоумевал Том. Сержанта будто подменили – он даже внешне стал выглядеть иначе. Теперь он казался огромным и страшным и словно пылал изнутри от ярости.

– Хватит строить из себя невинного мальчика! – орал он. – Никто здесь на это не купится. Ты лжешь и сам прекрасно об этом знаешь, так что кончай придуриваться, ты, больной урод!

Гази успел обойти стол и теперь кричал Тому прямо в ухо. У Тома и прежде были проблемы с ушами. Однажды у него лопались барабанные перепонки, поэтому он съежился на стуле, отстраняясь от сержанта. Слезы текли по его лицу сплошным потоком, но он их уже не чувствовал. Скользнув взглядом по дергающемуся, искаженному злобой лицу сержанта, Том отвернулся и стал смотреть в окно. Снаружи светило солнце. Сквозь пелену слез Том ловил глазами солнечные блики, отражавшиеся от стекол и хромированного покрытия проезжавших мимо машин. Как бы ему хотелось быть сейчас в одной из них вместе с Джулией.

– Я этого не делал, – сбивчиво повторял он сквозь слезы. – Я бы никогда такого не сделал.

Вскоре Том перестал слышать Гази. Крик детектива над ухом превратился в пожарную сирену – оглушительную и бьющую по ушам, но абсолютно бессодержательную. Том был измучен, ему было горько и страшно, и он, как заведенный, повторял:

– Я этого не делал, я этого не делал, я этого не делал…

Ближе к ужину Кэй объявила дочерям, что пора возвращаться к бабушке с дедушкой, но столкнулась с их предсказуемым протестом.

– Мы хотим остаться с Джейми и остальными, – взмолилась Тинк.

Но мать была непреклонна:

– Бабушка Полли и дедушка Арт тоже волнуются. Несправедливо бросать их одних в такое время.

Девочки понуро кивнули: их желания отступили перед чувством вины – спасибо католическому воспитанию.

– Может, попозже еще вернемся, – добавила Кэй. – Кроме того, нам надо кое о чем поговорить.

Покинуть дом Джинны оказалось нелегко – у Кэй ушло почти полчаса, чтобы вытащить дочерей на улицу. Они по нескольку раз

обнялись и перецеловались со всеми, кто оставался, и пообещали вернуться, как только смогут. Была очередь Кэти сидеть на переднем сиденье, и Тинк впервые на памяти Кэй ни словом не возразила, открыла заднюю дверь и тихо забралась в машину. Кэй задним ходом выбралась на улицу, глубоко вздохнула, переключила передачу и медленно покатила к дому своих родителей. Дорога занимала минут пять, но Кэй не спешила – ей нужно было поговорить с дочерями с глазу на глаз. Едва она открыла рот, как Тинк вытянулась с заднего сиденья вперед, насколько позволял ремень безопасности.

– Итак, слушайте. Ситуация такова: недавно звонил ваш отец и сказал, что Тома попросили пройти тест на полиграфе, то есть на детекторе лжи.

Кэти полагала, что хуже ей сегодня уже не будет, но при этих словах вцепилась в переднюю панель – у нее закружилась голова.

– Зачем им это? – не поняла Тинк.

– Я сама точно не знаю, но, по словам папы, их скоро должны отпустить домой. Полицейские сказали, что после полиграфа с Томом сегодня больше ничего не будут делать, так что, скорее всего, они вернутся после ужина. Но мы решили перестраховаться – Шейла связалась с адвокатом, мистером Фрэнком Фаббри. Я думаю, мы наймем его, чтобы он представлял интересы Тома.

– Адвокат? – недоуменно спросила Кэти. – Зачем ему адвокат? Он же не сделал ничего плохого. Это какая-то бессмыслица.

– А может, они считают, что сделал, – сказала Тинк и, махнув рукой на безопасность, отстегнула ремень и просунула голову между сиденьями матери и Кэти. – Но они же так не считают, мам? Этого же не может быть!

Кэй качнула головой, но ничего не ответила. Она не имеет права плакать на виду у дочерей, она должна быть сильной.

– Господи, мам! – ахнула Кэти. – Считают, да?

Кэй снова качнула головой. Ком в горле мешал ей говорить. Девочки заплакали. Тинк откинулась на заднее сиденье. Кэй прибавила скорость – теперь ей хотелось побыстрее добраться до дома, припарковать машину и обнять дочерей.

– Все будет хорошо, – удалось выдавить ей.

Но Тинк с Кэти за сегодня уже не раз слышали эти слова и перестали им верить. Ничем хорошим даже не пахло. На самом деле мало что на свете могло быть хуже того, что случилось. Джулия и Робин пропали, и шансы на то, что они вернутся, таяли с каждым часом, с каждой минутой. Вдобавок выяснилось, что Том проходит в полицейском участке тест на полиграфе, а мама говорила что-то про адвоката. Ничего хорошего ждать не

приходилось.

– Мам, останови, – тихо попросила Тинк. – Кажется, меня сейчас опять вырвет.

Джин сидел за столом в соседнем с убойным отделом офисе. Напротив него устроился старший из дежуривших в тот день офицеров, лейтенант Стивен Джейкобсмейер. Он пригласил к себе Джина, пока Том проходил тест на полиграфе. Джин сидел с прямой спиной, положив руки на колени, и важно кивал в ответ на слова Джейкобсмейера.

– Это просто, ну… Это невозможно, мистер Камминс. Это какая-то фантастика, так не бывает. С моста вашему сыну пришлось бы падать с высоты девяносто футов. Девяносто. Футов. Мистер Камминс. Полагаю, мне не обязательно говорить вам, что он не мог упасть с такой высоты и не получить более серьезных травм. Кроме того, парни из береговой охраны сказали нам, что скорость течения на этом участке реки не может быть меньше пяти узлов. Вы же служили во флоте – прикиньте сами. Он просто физически не мог выжить в таких обстоятельствах. Кстати, в береговой охране нам также сказали, что течение в том месте направлено в сторону берега Иллинойса. А ваш сын утверждает, что выплыл на другой берег.

На лице Джина застыла маска недоверия, и только ноздри, пока лейтенант сыпал перед ним фактами, раздувались все шире. Он всегда соображал быстро, а по профессии был инженером с ученой степенью. Ему не надо было объяснять, что падение с высоты девяноста футов означает если не верную смерть, то, как минимум, несколько переломов.

– Еще раз подчеркну – мы не подозреваем вашего сына в совершении преступления. Мне не больше вашего верится в то, что он способен на убийство. Но взгляните на факты, мистер Камминс, и вы поймете, что что-то здесь не так. Что-то не складывается. Он не рассказывает нам всей правды.

Джейкобсмейер взял со стола скрепку и откинулся в кресле, наблюдая за Джином, пытавшимся переварить услышанное.

– Во время нашего предыдущего разговора вы упоминали, что когда-то он лгал вам.

Джейкобсмейер многозначительно умолк, ожидая, что Джин самостоятельно продолжит логическую цепочку его рассуждений, но тот в ответ недоуменно поднял на него глаза:

– Лгал про оценки и вечеринки, на которых не было взрослых. Вот о чем я говорил. Все дети иногда врут родителям, когда речь идет о таких вещах. Но тут совершенно другая история. На такое мой сын не способен. Он хороший, честный

парень. Я… Я не… – Ему не хватало слов.

– Девяносто футов, мистер Камминс. Просто вдумайтесь в это, – вкрадчиво повторил Джейкобсмейер.

Происходящее начинало раздражать Джина. Ему не нужно было ни во что вдумываться, он и так прекрасно все понимал. Но он слишком хорошо знал Тома, чтобы согласиться с детективом. *«Ну и что, что девяносто футов? Разве из этого следует, что мой сын лжец и убийца? Нет»*. Джин покачал головой.

– Я не понимаю, что вы хотите от меня услышать, – бесцветным голосом произнес он.

– Я хочу, чтобы вы нам помогли, – просительно сказал Джейкобсмейер, наклонившись вперед и поставив локти на болотно-зеленое покрытие стола. – Нам правда очень нужна ваша помощь, мистер Камминс. Нам необходимо докопаться до правды. Если у нас и есть хоть какая-то надежда найти этих девушек или предполагаемых нападавших, то только при наличии точных сведений о том, что произошло ночью на мосту. Возможно, все было именно так, как говорит Том, вплоть до того момента, когда их сбросили с моста. Давайте представим себе, что Том каким-то образом спасся, сумел убежать, и он не знает наверняка, что потом случилось с девушками. Позже, почувствовав себя в безопасности, он устыдился, что бросил своих кузин и не помог им. Он побежал к реке, возможно, даже прыгнул в воду, пытаясь отыскать их. Никого не нашел и выбрался на шоссе, чтобы позвать на помощь, а эту историю сочинил на ходу, чтобы не выглядеть трусом. Не исключено, что все обстоит еще проще: его настолько травмировали события на мосту, что его сознание отключилось и он вообще ничего не помнит, а сказать об этом стесняется. Он должен понять, что нам нужна правда. Правда, какой бы она ни была.

Джин слушал его, не перебивая, но на щеках у него ходили желваки. Уставившись на клетки плиточного пола, он раздумывал над предположением Джейкобсмейера. Лейтенант молчал, откинувшись на спинку кресла и поигрывая скрепкой.

– Он не падал с высоты девяноста футов, мистер Камминс, – наконец снова заговорил он. – И если в этом здании есть человек, способный добиться от него правды, то это вы. Он уважает вас и прислушается к вашим словам. Понятно, что ему сейчас страшно, он физически и морально измотан, но у меня сложилось впечатление, что он действительно хочет нам помочь. Возможно, он не до конца сознает, что, выдумывая какие-то детали в попытках оправдать свои действия, он ставит под угрозу расследование. Чем раньше он расскажет нам, что на самом деле произошло, тем скорее вы сможете забрать его домой, а мы –

продолжить расследование. Я полагаю, что в данный момент, вы – наша единственная надежда выяснить, что случилось, и найти этих девушек.

Джин по-прежнему молчал. Ему не нравилось происходящее, и он не доверял этому офицеру. Он был уверен: тот подозревает Тома гораздо сильнее, чем делает вид. Да, его версии произошедшего звучали убедительнее, чем рассказ Тома, но Джину почему-то казалось, что Джейкобсмейер сам не верит в то, что говорит. Похоже, он пытался внушить ему, что он на стороне Тома, заставить расслабиться и принять участие в допросе сына. «*Девяносто футов*, – думал он. – *Возможно, Том и впрямь не все вспомнил или не все рассказал*».

Он глянул на Джейкобсмейера, который с непроницаемым лицом терпеливо ждал его ответа. Джин понимал: если он согласится с ними сотрудничать, отношение полицейских к нему изменится и они позволят ему увидеться и поговорить с сыном, а значит, он получит хотя бы частичный контроль над ситуацией. Он твердо решил сделать все, что в его силах, чтобы помочь сыну. Он свел ладони, как при молитве, и опустил их между колен. Глянув на сидящего перед ним человека, считающего его сына убийцей, он ощутил глухой гнев. «*Я докажу, что ты ошибаешься*», – подумал он, а вслух сказал:

– Я вам помогу.

В уже упомянутой в начале предыдущей главы статье «Принудительное убеждение и изменение мировоззрения» Офше, помимо прочего, пишет:

> *В ряде нестандартных случаев современные методы полицейского допроса напоминают методы перепрограммирования мышления… Хотя они редко применяются одновременно, для получения ложного признания используют следующие приемы: предъявление ложных подозрений, ведение допроса с применением широко известных методов, игра на психологических слабостях подозреваемого… Тактика, призванная изменить позицию подозреваемого и добиться от него ложного признания, включает в себя приемы, направленные на обострение его чувства вины и дестабилизацию его эмоционального состояния…*

Ситуация, в которой находился Том Камминс всю вторую половину дня пятого апреля 1991 года, явно относилась к нестандартным. Что касается психологической уязвимости, обостренной чувством вины и общим эмоциональным

расстройством парня, тоскливо глядевшего в окно кабинета, она была колоссальной. Он не спал больше полутора суток, но даже не чувствовал усталости – просто, как только его переставали дергать, голова у него автоматически падала на грудь. Но несмотря на истощение и жестокий душевный раздрай Том оставался непреклонен.

– Я этого не делал, – твердил он, сидя в уже опустевшем помещении.

В 1988 году Офше совместно со своим коллегой доктором Ричардом А. Лео провел исследование для юридического факультета Северо-Западного университета. Оно было опубликовано в журнале *Journal of Criminal Law and Criminology* под названием «Последствия ложных признаний: ущемление свободы и отступление от принципов правосудия в эпоху применения методов психологического давления при допросах». Вот что он пишет:

> *Иногда следователи так хотят закрыть дело, что прибегают к использованию психологических методов допроса с целью убедить или принудить подозреваемого сделать заявление, которое позволит его арестовать.*

Офше также предупреждает:

> *Американские полицейские в среднем плохо подготовлены к ведению допросов и плохо представляют себе возможные риски и последствия ложных признаний. Офицеров полиции США редко учат по ряду определяющих признаков распознавать ложное признание, выяснять, что побуждает подозреваемого давать подобные показания, и избегать таких ситуаций. Напротив, ряд авторов методических пособий по полицейским допросам твердо, хоть и безосновательно убеждены в том, что современные психологические методы допросов не способны выбить признательные показания из невиновного человека. Это утверждение категорически противоречит результатам всех исследований в области практики полицейских допросов, поэтому его следует признать не только ошибочным, но и крайне опасным.*

К концу дня пятого апреля полицейское отделение Сент-Луиса уже было в фокусе пристального внимания общественности, и офицерам явно не терпелось поскорее закрыть дело. Две молодые талантливые девушки пропали без вести, а полиция все еще не сделала ни одного заявления по поводу

нападавших, мало того, она даже не нашла тел жертв. Пресса охотно подхватила невероятный рассказ Тома о четырех жестоких насильниках и убийцах; шумиха вокруг происшествия достигла поистине небывалых для Сент-Луиса масштабов и продолжала нарастать. Медиа представили Джулию и Робин практически великомученицами. Вся ситуация начинала напоминать какой-то нездоровый цирк с городской полицией на арене. Публика смотрела на них и требовала ответов.

В крошечный кабинет, где сидел Том, Гази вернулся с еще одним детективом. Его звали Кристофер Паппас, хотя Том не помнил, откуда он это узнал. Вряд ли тот учтиво представился – вероятно, Том просто слышал, как Гази называл его по имени.

– Ну что, готов говорить правду? – спросил Гази.

Том кивнул. Гази встал по другую сторону маленького стола, упираясь в него костяшками пальцев и нависнув над парнем. Паппас занял позицию позади Тома и взялся руками за спинку его стула. Том подался вперед.

– Хорошо. Итак, ты падал с моста или нет? – тихо начал Гази.

Том сглотнул и осторожно кивнул.

– Да твою же мать! – заорал Гази, второй раз за день ударив руками по столу. – Не было этого! Не мог ты оттуда упасть! Мы точно знаем, что ты лжешь. Ты только запутываешь дело. В береговой охране сказали, что ты не мог выплыть на берег округа Миссури.

Внезапно голос подал Паппас:

– Спорим, ты не знаешь, что на том участке реки полно водозаборных труб. Знал бы – придумал бы сказочку поубедительнее. Если бы ты упал с моста, как ты говоришь, тебя бы просто засосало в одну из них. Без вариантов.

Том вздрогнул: Паппас говорил ему прямо в ухо. Но он хотя бы не орал.

– Послушайте, я уже рассказал вам, как все было, я не знаю, что еще…

– Заткнись, – перебил его Гази. – Заткни, на хрен, варежку, говна ты кусок.

– Я хочу увидеть отца, – заявил Том.

Гази захохотал. Слова Тома его развеселили.

– Ой, мальчик хочет к папочке? Как мило, – насмешливо произнес Гази карикатурно высоким противным голосом. – Боюсь, папочка тебя не спасет, малыш. Ты по уши в дерьме, родной. Мы знаем, что ты сделал, и если ты сейчас же не скажешь правду, то не увидишься ни с папочкой, ни с кем другим из твоей сраной семейки.

Том подавил всхлип и молча потряс головой. Гази указал

напарнику на дверь, и детективы вышли, оставив Тома в одиночестве. Вскоре Паппас вернулся, но уже не с Гази, а с Джейкобсмейером. Паппас занял прежнюю позицию позади Тома, а Джейкобсмейер присел на край столешницы, театральным жестом бросив на стол папку с бумагами, и наклонился к самому лицу Тома.

– Угадай с трех раз, кто пришел, – произнес он.

Том стремительно перебирал в голове варианты, надеясь на лучшее. Кто пришел? Джулия и Робин? Отец?

Джейкобсмейер улыбнулся:

– Помнишь тех четверых парней с моста, которые, если верить тебе, изнасиловали и убили твоих двоюродных сестер? Ну так вот – у нас джекпот! Мы нашли двоих из них. Конечно, их версия событий малость отличается от твоей, а их, напоминаю, двое. А ты один. Если дойдет до очной ставки, их слово против твоего, это придется учесть. Не говоря уже о том, что твоя версия событий абсолютно неправдоподобна, потому что так просто не бывает. А ну-ка встань на секунду, сынок.

Сердце как будто прыгало у Тома в груди, то ударяясь о ребра, то грозя вылететь прямо изо рта. Пульс участился настолько, что он ощущал его кожей по всему телу. Он кое-как поднялся со стула, едва совладав с дрожащими коленями.

– Видишь зеркало? – Джейкобсмейер указал на стену позади Тома. – Это не совсем зеркало. Изволь встать прямо и дать этим славным молодым людям с той стороны получше тебя рассмотреть.

– То есть вы их нашли? Они… Они…

– Да, мы их нашли. Они стоят прямо за этим стеклом. Они уже рассказали нам, как все было на самом деле. Мы знаем, что это ты убил тех двух девушек, больной ублюдок. Так что подойди к зеркалу и дай им на тебя поглядеть.

Стопы Тома буквально приросли к полу. Он нервно дергался, отказываясь приближаться к зеркалу.

– Да ты не переживай, добраться до тебя они оттуда не смогут. Хотя в том случае, если ты продолжишь упираться и не расскажешь нам правду, мы отпустим тебя домой, но я не смогу поручиться, что они не будут ждать тебя у выхода. И, честно говоря, я вполне могу их понять. Они считают тебя больным ублюдком – я считаю тебя больным ублюдком. Единственная разница между ними и мной заключается в том, что я не могу ничего с тобой сделать, поскольку я офицер полиции, да еще и при исполнении.

– Вы не можете просто так их отпустить! – взорвался Том. – Если они здесь, вы не имеете права их отпускать, вы должны мне

поверить! Они изнасиловали моих сестер!

Том, сотрясаясь всем телом, встал перед зеркалом. Джейкобсмейер скучающе закатил глаза. Они заставили его повернуться к зеркалу левым и правым боком, после чего разрешили сесть обратно на стул. На самом деле с другой стороны зеркала никого не было – Клемонс, Ричардсон, Грей и Уинфри все еще были на свободе; никто их не искал, и они преспокойно занимались своими делами.

– Ну что, храбрец ты наш? Правду говорить будем? – поинтересовался Джейкобсмейер, глядя на Тома, тщетно пытавшегося унять дрожь.

Том кивнул.

– Ну хорошо. Вот лично мое видение ситуации, – начал Джейкобсмейер, открывая лежащую на столе папку. – Ты отправился на этот мост ночью, потому что хотел трахнуть Джулию, так?

– Нет, – ответил Том, но Джейкобсмейер продолжал, будто не слыша его.

– Ты отправился на мост, чтобы трахнуть Джулию, она отказалась, и началась потасовка. По словам двух свидетелей, – Джейкобсмейер широко повел рукой в сторону зеркала на стене, – Джулия упала с моста, а Робин прыгнула за ней, пытаясь ее спасти.

– Нет. Нет, ничего подобного, – возразил Том. – Они лгут, это они…

– Ты не собирался сталкивать Джулию с моста, это вышло случайно, и ты запаниковал, – Джейкобсмейер повысил голос, чтобы заглушить протест Тома.

Том продолжал трясти головой и бормотать возражения, а Джейкобсмейер излагал все более и более извращенные версии событий, согласно которым Том был повинен в смерти двоюродных сестер. В конце концов детектив взбесился и швырнул свою папку на пол.

– Знаешь что? Мы вообще-то пытаемся тебе помочь! Только из этого ничего не выйдет, если ты и дальше будешь отказываться сотрудничать, – прикрикнул он, глядя на Тома с отвращением. – Тошнит уже от тебя, – добавил он и буквально вылетел из комнаты.

На Фэйр-Эйкрес-Роуд собирались ужинать, хотя есть никому не хотелось, особенно Тинк. Бабушка Полли изо всех сил старалась поддержать близких и, как обычно, выражала это попытками их накормить. В проеме ярко освещенной кухни показалась ее хрупкая фигурка – она заглядывала в полутемную

столовую, где за столом сидела, подпирая рукой голову, Кэй. Дочь пыталась честно рассказать матери о событиях второй половины дня, но путалась в их последовательности. И неудивительно: после того как ее разбудили в пять утра, все дальнейшее сплелось у нее в голове в один фантасмагорический клубок. Бабушка Полли вытерла руки о чистый фартук и подошла обнять дочь.

– Может, приготовим ребятам ужин? – предложила она. – Им надо поесть.

Кэй слабо улыбнулась в ответ:

– Хорошая мысль. Слушай, мам, ты, пожалуйста, не обижайся, но, может, ужин приготовлю я? Девочки обожают твою стряпню, но им сейчас совсем худо, а я хочу создать хотя бы видимость нормальности. Приготовлю что-нибудь простое – может, их желудки поверят, что жизнь продолжается. Их обеих сегодня тошнило, а Тинк вообще с утра ничего не ела.

– Конечно, куколка моя, – ответила бабушка Полли, сжимая руки дочери в своих ладонях. – Делай, как считаешь нужным. Только разреши мне тебе помочь!

– Спасибо, мам.

Кэй вышла в гостиную, где сидели, прилипнув к телевизору, ее отец и дочери. Недавно приехали два ее брата, которые со всем возможным тактом старались хоть чуть-чуть развеять мрачную обстановку в доме. Об их семейной трагедии сообщали в каждом часовом выпуске теленовостей с анонсом: «Подробный репортаж в прямом эфире смотрите в шесть часов вечера». Кэй бросила взгляд на часы – до шести оставалось пять минут. Жители всего Сент-Луиса затаили дыхание в ожидании передачи. Она села на синий велюровый диван между дочками, чтобы до начала выпуска, от которого не приходилось ждать ничего хорошего, перекинуться с ними парой слов.

– Сегодня ужин готовлю я, – сказала она. – Есть пожелания, девочки?

Кэти в ответ пожала плечами; Тинк не отреагировала никак.

– Тинк?

Та лишь покачала головой.

– Дорогая, надо хоть немного поесть. У тебя за весь день маковой росинки во рту не было.

– Не могу, – тихо ответила дочь. – Я не голодна.

– Сделаю все, что захочешь, обещаю – только скажи что.

Тинк снова покачала головой.

– Не могу, – повторила она. – Опять вырвет.

– Как насчет хот-догов? Блинов? Может, мороженое? Что угодно, милая, – взмолилась Кэй, ласково убирая дочери волосы

со лба.

В глазах у той стояли слезы, но ей удалось не расплакаться.

– Ладно, мам, я попробую, – наконец сдалась она. – Все равно что.

Ничего принципиально нового в новостях не сообщили – пресса не располагала почти никакой информацией. Кто-то из местных корреспондентов умудрился раздобыть фотографии девушек, которые показали в самом начале репортажа, перепутав имена, – под фотографией Робин стояло имя Джулии, а под фотографией Джулии – имя Робин. Комментировать подобную неряшливость не хотелось, но Тинк не сдержалась:

– Могли бы хоть имена проверить. Если уж считают себя вправе вторгаться в нашу жизнь, донимают Джеймми и выставляют всю семью на обозрение, могли хотя бы не перепутать Джулию и Робин.

Никто не стал с ней спорить. Бабушка Полли досадливо поцокала языком, осуждая ошибку журналистов, а Кэй погладила Тинк по голове.

– Ужас, – добавил дедушка Арт.

Кэти тихонько выскользнула из комнаты – ее снова рвало.

Брат Кэй и главный шутник в семье, Скип, последовал за Кэти до ванной. Дождавшись, пока стихнут конвульсии племянницы, он громко постучал в запертую дверь:

– Ты не смывай пока – чего зря воду тратить? Твоя мама готовит, так что скоро все там будет – оставь как есть.

Как ни странно, это сработало. По лицу Кэти текли слезы, но от смеха, в котором все сейчас так отчаянно нуждались.

– Давайте вырубим эту хрень? – предложила Тинк уже более спокойным голосом.

Дедушка Арт поднялся со своего кресла и выключил телевизор:

– Да, давайте лучше ужинать.

Джина Камминса ввели в комнату, где за очередным пустым столом сидел, дрожа, его сын. Джин уже пожалел, что согласился участвовать в этом цирке, но держал себя в руках. Он знал, что Том физически неспособен причинить зло кому бы то ни было, в особенности Джулии и Робин. Да, он врал родителям в детстве; да, были веские основания предполагать, что он рассказал полиции не всю правду. Но какой бы ни была эта правда, Джин ни на миг не усомнился в непричастности Тома к преступлению. Он хотел добиться от сына полностью правдивого рассказа и доказать Джейкобсмейеру и остальным полицейским, что, несмотря на страх, сумятицу в мыслях и чувство вины и стыда, он

не убийца.

Джин опустился на стул рядом с сыном, и они посмотрели друг другу в глаза. Наступило неловкое молчание, усугублявшееся присутствием в помещении детективов. Как хотелось Джину хотя бы на минуту остаться с сыном наедине и обнять его! В широко раскрытых глазах Тома блестели слезы, по щекам пролегли красные полосы, но выглядел он достаточно собранным. Он явно обрадовался отцу. Джин сделал глубокий вдох и быстро заговорил:

– Том, у нас серьезная проблема. Я знаю, в прошлом мы не особо ладили. Ты привирал, когда был меньше, а я был к тебе слишком суров. Но за последние пару лет все изменилось. То было обычное ребячество, и, как я и ожидал, ты его перерос. Ты взял свою жизнь в свои руки, и мы все безумно тобой гордимся – твоя мама, твои сестры и я. Поэтому я хочу, чтобы ты знал: что бы ни произошло ночью на мосту – ты можешь рассказать мне все. Я знаю, что ты никогда никому не причинил бы намеренного вреда.

Примерно посередине этого монолога Том отвел глаза и задышал часто и коротко. Он переводил взгляд с одного детектива на другого; его веки задрожали, а щеки еще больше покраснели. Губы растянулись в тонкую линию; он буквально лишился дара речи. Не будь его желудок пуст, его сейчас вывернуло бы. Родной отец ему не верит! Его словно покинул рассудок. Он издал глубокий утробный звук, больше похожий на звериный вой; детективы и даже Джин не сразу поняли, что этот вой идет из груди Тома, поднимаясь откуда-то снизу и нарастая. В нем было столько горести, что у Джина сжалось сердце. Он обнял сына, но тот все выл и не мог остановиться.

– Сынок, послушай меня, – сказал Джин Тому на ухо, но достаточно громко, чтобы перекрыть этот вой. – Все хорошо. Что бы ни случилось, сейчас все хорошо. Просто расскажи мне. Тебе нечего стыдиться.

Но у Тома уже началась истерика, так что он не смог бы ничего рассказать, даже если бы было что рассказывать. Язык у него будто распух. На миг умолкнув, чтобы сделать вдох, он вместе с воздухом втянул через нос и рот поток катившихся по щекам слез. Еще несколько минут Том пытался совладать с собой. Наконец, выплакав большую часть слез, он задышал ровнее и, вытирая рукавом лицо, проговорил так, чтобы его слышали все в комнате:

– Я рассказал вам правду. Господи боже, почему мне никто не верит?

В его голосе звучало неприкрытое отчаяние. Руки он сцепил на животе, будто стараясь унять рвотные спазмы. Джин в

безуспешной попытке успокоить сына обнял его, но Том продолжал раскачиваться взад-вперед на стуле. В комнате повисла тишина. Тогда Джин быстро перечислил факты, которые сообщил ему Джейкобсмейер и на основании которых детективы сомневались в его показаниях.

– От моста до реки девяносто футов, сын. Ты не мог упасть с такой высоты и остаться в живых. Это невозможно, – мягко произнес он.

Том тупо тряс головой:

– Не знаю, что вам еще сказать. Не знаю. Все так и было.

И он снова зарыдал.

В уже упомянутом методическом пособии для полиции «Допрос в уголовном деле и признание подозреваемого» говорится:

> *Обман и уловки являются неотъемлемой частью полицейского допроса. Они никак не влияют на вероятность ложного признания.*

В этой методичке, по которой офицеры полиции учатся допрашивать подозреваемых, подчеркивается, что Верховный суд США признал законным использование обмана и уловок при допросах. В тексте приводится ряд примеров, когда обманутые подозреваемые давали правдивые признательные показания. Более того, авторы пособия призывают офицеров полиции активнее прибегать к обману подозреваемых, отбросив то, что сами именуют «приличиями».

Во второй половине дня пятого апреля 1991 года Джину Каммингсу очень пригодились бы эти нехитрые знания. Он был образованным и умным человеком и, по его собственным словам, в данной ситуации относился к полиции с долей здорового скепсиса, но он не читал методичку «Допрос в уголовном деле и признание подозреваемого». Он понятия не имел, что полиция способна прибегнуть к откровенному вранью, и даже не знал, что это считается законным. Он не был готов к тому, что, пока его сына терзают в соседнем помещении, он будет сидеть в кабинете Джейкобсмейера и вежливо выслушивать ложь, которую ему скармливает лейтенант.

Том Камминс не падал со Старого моста Чейн-оф-Рокс с высоты девяносто футов. Он упал примерно с пятидесяти.

Глава девятая

Худший во всем расследовании момент наступил для Тома, когда в допросную вошел его отец и попросил рассказать правду. До этого, как бы на него ни кричали, как бы его ни оскорбляли, Том верил, что родные помогут распутать этот чудовищный клубок недоразумений. Очевидно, произошла ошибка – гигантская, космического масштаба ошибка.

Убедившись, что ему не верит родной отец, Том потерял всякую надежду. Пока он плакал, Джина оторвали от него и выставили за дверь, и он снова остался наедине с Джейкобсмейером и Паппасом. Ему стало безразлично, что с ним будет дальше, – хуже было некуда. Его не волновал ни арест, ни судебный приговор. Джейкобсмейер намекнул ему, что лучше признаться, чем угодить на электрический стул, но Том пропустил его слова мимо ушей. Электрический стул его не пугал – все самое плохое уже случилось. Он хотел одного – чтобы его оставили в покое, дали выплакаться и поспать.

– Ну-ка, давай еще раз, – произнес Джейкобсмейер, садясь на стул напротив Тома. – Вот как все было.

Джейкобсмейер снова принялся излагать свои сценарии происшедшего. Том мотал головой, но без прежней горячности. Его возражения звучали все тише, слабее и безучастнее, и Джейкобсмейер это почувствовал.

– Когда Робин прыгнула в реку спасать Джулию, ты перепугался, побежал к берегу и сам прыгнул следом, пытаясь их отыскать. Не найдя их, ты отправился за помощью, остановил дальнобойщика и попросил позвонить в полицию. Так все было? – подытожил лейтенант.

Том закатил глаза и глубоко, протяжно выдохнул.

– Знаете что… – Он говорил медленно; ощущение полной безысходности придало ему мужества. – Верьте, во что хотите. Я рассказал вам правду. Если вам больше нравится ваша версия – пускай. На здоровье. Почему нет? Так все и было.

Признание.

– Бинго! – произнес Джейкобсмейер, глядя на стоявшего за спиной у Тома Паппаса. – У нас есть признание.

Детективы торопливо покинули комнату, а Том, впервые за весь день оставшись в одиночестве, не заснул. Он пытался осмыслить, что только что произошло, но единственным чувством, которое он испытал, было облегчение. Страх ушел – для него больше не было места. Его не пугало слово «признание» – он ничего не подписывал, и диктофона столе не было. Не говоря уже

о том, что слово «признание» он произнес в порыве язвительного сарказма. Да уж, сарказм вышел на славу. «*Робин бы точно оценила*», – подумал он и усмехнулся. Он все еще нервно хихикал, когда дверь открылась и в проеме появился Паппас.

– Пошли, – сказал он.

Паппас повел Тома по нижнему этажу полицейского участка, через ярко освещенную подземную парковку. Всего час назад Тома от одной мысли оказаться наедине с грозным Паппасом охватил бы ужас. Но сейчас он чувствовал себя в безопасности – из отчаяния родилась уверенность. Офицер не орал на него, даже не смотрел в его сторону – просто шел рядом, почти как нормальный цивилизованный человек.

– Куда идем? – с новообретенным мужеством в голосе спросил Том.

– В студию видеозаписи, – ответил Паппас, уже не так грубо и резко, как прежде. – Будем записывать твое признание.

От перспективы быстро закрыть дело весь его гнев на этого парня как будто улетучился. Считая его убийцей, он ненавидел его гораздо меньше, чем когда считал его лжецом. Том не горел желанием вызывать злость этого человека, а потому в ответ лишь поднял брови и кивнул. Он намеревался дождаться начала записи и снова заявить о своей невиновности. Наконец они подошли к двери на другой стороне парковки. Паппас пропустил Тома вперед. Они очутились в длинном коридоре с линолеумом на полу и бессчетным количеством закрытых дверей по сторонам. Паппас подвел Тома к одной из них и дернул ручку. Дверь была закрыта на ключ.

– Твою мать, – выругался он. – Техник еще не пришел. Ладно, подождем здесь.

Он повернулся и повел Тома к открытой двери в самом конце коридора. Там стояло несколько торговых автоматов с едой и газировкой, а также длинный стол с двумя скамьями. Том опустился на одну из них, а Паппас принялся скармливать одному из автоматов четвертаки.

– Будешь? – спросил он Тома через плечо.

– Конечно.

Паппас поставил на стол перед Томом холодную банку с газировкой и открыл свою, садясь напротив парня.

– Сигарету? – спросил он.

– Давай.

Это была первая сигарета Тома за весь день, и она помогла ему расслабиться намного действеннее, чем он мог предположить. В свободной руке он держал банку с кока-колой и между затяжками прихлебывал из нее. Сидевший напротив

Паппас выглядел почти задумчивым, хотя Том сомневался, что этот человек способен о чем-либо задумываться.

– Так что за хрень случилась там, на мосту? – тихо поинтересовался Паппас.

Том поразился спокойному тону детектива – того словно ничуть не волновало происшедшее. Том покачал головой и, делая очередную затяжку, криво усмехнулся. Впервые за весь день он чувствовал, что контролирует ситуацию.

– Знаешь, – произнес Том твердым четким голосом. – Вот придет этот ваш техник, включит запись, тогда и скажу, что там случилось.

– Скажи мне, – напирал Паппас с упрямством подростка, с которым не хотят делиться свежими сплетнями. – Что там случилось?

– Ладно, – кивнул Том, допивая колу. – Хочешь знать, что случилось? Я тебе скажу. Вы, ребята, облажались по полной. Вы взяли не того парня, а четверо убийц разгуливают на свободе – вот, мать твою, что случилось. Я не буду ничего записывать ни на какое видео и ни на какие вопросы отвечать тоже больше не буду, поскольку имею право не свидетельствовать против себя.

Том затушил окурок в стоящей на столе маленькой пепельнице из зеленого пластика. Он старался не смотреть на Паппаса, но, даже не видя его реакции, понимал, что все сделал правильно. Наконец-то ему хватило смелости высказать все, что он хотел. Паппас кивнул и снова задумался.

– Ладно, – без выражения произнес он. – В таком случае ждать здесь смысла нет. Вернемся наверх, а там посмотрим, что делать дальше.

После вечернего звонка Джина и его рассказа о неудачных результатах теста на полиграфе Кэй отправилась в комнату родителей, где провела полчаса за тихим телефонным разговором с кем-то еще. Тинк и Кэти подслушивали под дверью, но не смогли разобрать ни слова, как ни напрягали слух. Дедушка Арт то и дело отгонял их от двери, но через пару минут они возвращались на свои позиции. Первым делом Кэй позвонила Шейле, все еще остававшейся у Джинны. Та, видимо, ждала у телефона.

– Так, я обо всем договорилась, – деловито начала Шейла. – Он пока не в курсе деталей, но ждет твоего звонка. Его зовут Фрэнк Фаббри.

Кэй поблагодарила ее, нацарапала на бумажке номер адвоката и повесила трубку. Второй звонок она сделала адвокату по уголовным делам Фрэнку Фаббри. Тот говорил сочувственно,

но, как и Шейла, быстро и по делу. Стоило Кэй представиться, и он тут же засыпал ее вопросами. Кэй отвечала как могла.

– То есть вы хотите сказать, что он целый день торчит в полицейском участке и отвечает на вопросы следователей в отсутствие адвоката? – почти гневно спросил он.

– Да, – ответила Кэй. – Он настаивал, что хочет помочь следствию.

– Черт, – выругался Фаббри и принялся диктовать Кэй подробные инструкции. – Сейчас вы должны сделать следующее. Позвоните мужу в участок, скажите, чтобы шел к дежурному по отделению и сказал: «Все, хватит. Я забираю сына, мы уходим». Пусть дословно запишет ответ офицера, а потом перезвонит и передаст вам. Вы перезвоните мне.

Кэй слушала указания адвоката с нарастающим страхом, но именно этот страх придал ей сил. Теперь она получила четкое и ясное задание. Наконец она по-настоящему поможет сыну. Только материнский инстинкт, требовавший во всем поддерживать Тома, не позволял ей немедленно отправиться в полицию и закатить там скандал. Ей очень не понравилось, когда утром на мосту ее отодвинули в сторону. Одни ее утешали, другие игнорировали, но о деле с уважением говорили исключительно с ее мужем. «*Они гордятся своим сексизмом едва ли не больше, чем бляхами*», – подумала она. Но теперь, когда они обвинили ее сына в преступлении, ее материнское сердце преисполнилось гнева, который придал ей сил и решительности. Она глубоко вдохнула и набрала номер таксофона, который продиктовал ей Джин, – пользоваться телефоном в кабинете убойного отдела ему больше не разрешали. Джин снял трубку на первом же звонке.

– Слушай меня. Сейчас ты пойдешь к дежурному по отделению и заявишь, что вы с Томом уходите. Запиши его ответ дословно, а потом перезвони мне, – проинструктировала мужа Кэй.

Она повесила трубку и принялась ждать. Несколько минут спустя телефон зазвонил; Джин говорил еще более убитым, чем прежде, голосом:

– Записываешь?

Кэй подтвердила, держа ручку над небольшим блокнотом, лежащим на колене.

– Он сказал: «Вы можете идти куда угодно, но Том останется здесь», – зачитал Джин из собственного блокнота, которым еще днем успел где-то разжиться. Голос его заметно дрожал, и он попытался скрыть дрожь, закашлявшись. – Я в принципе ждал чего-то в этом роде, но…

Кэй прикусила губу и, собрав все свое мужество, сказала:

– Все в порядке. Мы были к этому готовы. Я свяжусь с Фаббри и сразу тебе перезвоню.

На этот раз Кэй набирала номер еще быстрее. Нажимая на кнопки, она заметила, что у нее трясутся руки. Она попыталась унять дрожь, но безуспешно – ее буквально колотило от страха и прилива адреналина.

– Они сказали, что не отпустят Тома, – выпалила она в трубку, даже не поздоровавшись.

– Хорошо, я уже еду туда. Перезвоните мужу и скажите, чтобы вернулся к дежурному и заявил, что вы нашли для своего сына адвоката и что его зовут Фрэнк Фаббри. Пусть потребует немедленно прекратить допросы и снова дословно запишет ответ дежурного. Кэй, ваш сын сейчас в таком состоянии, что даже папе римскому ничего путного не расскажет, – сказал Фаббри.

Кэй глянула на стоявшие на отцовской тумбочке часы и быстро подсчитала в уме: Том был на ногах не меньше полутора суток.

– Следующие несколько часов вам придется туго, – продолжал Фаббри. – Полиция не хочет отпускать Тома, но они исчерпали лимит времени, в течение которого имеют право задерживать его без ареста, так что, по всей видимости, его арестуют. Вероятнее всего, по обвинению в двойном тяжком убийстве первой степени. Впрочем, у меня такое впечатление, что им пока не на что опереться. Отчасти они захотят арестовать его из-за нас. Но мы должны немедленно прекратить любые их попытки получить от вашего сына какие-либо показания. Так что никакой паники. Мне нужно как можно скорее добраться до участка – я перезвоню вам, как только увижусь с вашим сыном. И передайте все, что я вам сказал, вашему мужу.

Кэй кивнула, тщетно пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

– Спасибо вам. – Ничего лучше она сейчас придумать не могла.

Она позвонила Джину, передала ему очередные инструкции адвоката и попросила сразу же перезвонить ей. Он так и сделал, и в его голосе звучало некоторое облегчение.

– Ну, что он сказал? – спросила Кэй.

– Я все ему передал, как ты просила: что мы нашли для Тома адвоката и что его зовут Фрэнк Фаббри. Дословно дежурный ответил: «Твою мать, только не он». Видимо, с адвокатом вы не прогадали – его тут, кажется, знают.

– Джин, послушай, Фаббри сказал кое-что еще, – перебила мужа Кэй. – Он кое о чем предупредил. Настаивая на прекращении допросов, мы как бы вынуждаем их арестовать

Тома. Фаббри сказал, что, скорее всего, его арестуют по обвинению в двойном тяжком убийстве первой степени.

Джин молчал. Что-то его отвлекло.

– Джин? – позвала Кэй. – Джин!

Тот не отвечал, зато Кэй услышала чужие голоса и приближающийся звук шагов. Незнакомый ей низкий голос сказал что-то, чего она не расслышала, и Джин ответил: «Да?» Затем низкий голос произнес уже четче: «Ваш сын арестован по обвинению в двойном тяжком убийстве Джулии и Робин Керри первой степени».

Судя по стуку, Джин выронил трубку. Кэй охватила паника. Она несколько раз прокричала в трубку его имя. Потерявшие терпение Тинк и Кэти распахнули дверь и вбежали в спальню на испуганный голос матери. Они стояли, держась одна за другую, в дверном проеме, но ближе не подходили. Мать их не замечала. В ее глазах метался ужас; она мерила шагами комнату, крича в трубку имя отца. Примерно полминуты спустя на том конце послышался глухой голос Джина.

– Я перезвоню, – всхлипнув, сказал он.

Кэй даже не успела ответить мужу – из трубки раздавались гудки.

Заходя в тесную допросную, где его должен был ждать Том Камминс, Фаббри ждал чего угодно, но открывшаяся его взору картина шокировала даже его. Он прекрасно знал, как тяжело некоторые люди, особенно невиновные, переносят допрос, но Том Камминс выглядел так, будто только что вернулся из ада. Веки молодого человека покраснели и опухли, и ему стоило немалого труда их разлепить. На вошедшего мужчину в дорогом итальянском костюме он не обратил внимания. Ничего удивительного: в тот день он встречался с детективами, одетыми кто во что горазд, – одни в форме, другие в штатском, третьи в стиле гранж. Том автоматически принял Фаббри за еще одного офицера. Фаббри медленно подошел к столу и опустил на него свой дипломат. Сев на стул, он несколько секунд просто рассматривал Тома. Он пока ничего не знал о нем, но одно ему было ясно: парень несчастнее больного бездомного пса.

– Все, хватит, – тихо произнес Фаббри, глядя Тому в глаза.

– Что? – не понял Том.

– Все, хватит, – повторил Фаббри. – Допросов больше не будет.

Том недоуменно заморгал. Он не мог позволить себе поверить в то, что этот человек говорит правду, и затряс головой. Фаббри неспешно сунул руку во внутренний карман пиджака,

достал бумажник, а из него – визитную карточку с логотипом Ассоциации адвокатов Миссури и водительское удостоверение, положил на стол и придвинул ближе к Тому, жестом пригласив ознакомиться с тем и другим.

– Я адвокат, – неторопливо пояснил он. – И друг твоей семьи. Мне позвонила твоя тетка Шейла, и я приехал сказать тебе, что этот кошмар закончился.

Том изучал две пластиковые карточки, недоверчиво вертя их в руках и вчитываясь в каждое слово. Наконец он поднял глаза на Фаббри, но так ничего и не сказал.

– У нас две новости: хорошая и плохая, – продолжил Фаббри. – Хорошую я тебе уже сообщил: больше никаких допросов, никакой лжи – никакого этого дерьма. Я не коп. И лгать тебе на эту тему они не имеют права. Выдавать себя за адвоката противозаконно. Я твой адвокат. Понимаешь, что это значит? Все кончено. Я на твоей стороне, и только на твоей. Отныне тебя никто не тронет, и вопросов больше задавать не будут. Все позади.

Том выронил из пальцев карточку Ассоциации адвокатов Миссури; та упала на стол обратной стороной вверх. Он слегка откинул голову и дал волю слезам облегчения.

– Теперь плохая новость: тебя арестуют. Процедура следующая: тебя отведут в другую часть здания и сфотографируют в профиль и анфас. Затем против тебя выдвинут обвинение в двойном тяжком убийстве первой степени.

Том кивнул. Судя по его виду, он совершенно не испугался, даже не удивился – он просто внимательно слушал адвоката. Фаббри даже заподозрил, что у парня шок.

– Но это не так уж страшно. Теперь, когда я здесь, у них нет другого выхода. Тебя посадят в камеру – где-то в этом здании – и тебе придется в ней переночевать. Я хочу, чтобы ты понял: в этом нет ничего страшного. Это даже хорошо – это первый и необходимый шаг к тому, чтобы снять с тебя обвинения. Мы справимся, поверь. Вся твоя семья за тебя горой, – произнес он как можно более убедительным тоном.

Он разговаривал с Томом примерно так, как воспитательницы разговаривают с детьми в детском саду, но Том не возражал. Фаббри говорил то, что он так хотел слышать, и именно тем тоном, в каком он нуждался. От облегчения у Тома закружилась голова. Новость о том, что родные его поддерживают, вернула ему толику надежды и спасла из бездны отчаяния, но одновременно на него вновь накатил страх. На самом деле ему еще никогда в жизни не было так страшно. Он не решался заговорить – просидев некоторое время в молчании, он боялся,

что голос его подведет и вместо нормальных звуков выдаст лишь жалкий писк. Но речь Фаббри вселила в него смелость.

– Я просто хочу знать, что вы мне верите, – тихо произнес Том. – Мне очень нужно знать, что хоть кто-то мне верит.

Слова Тома неожиданно растрогали Фаббри. Он давно перестал принимать близко к сердцу отчаяние своих подзащитных, но этот парнишка чем-то отличался от остальных. Он говорил так искренне, в его голосе было столько горя, и он с такой надеждой смотрел на адвоката…

– Том, – уверенно ответил Фаббри, – я тебе верю.

Эти четыре простых слова заставили Тома упасть лицом в стол и зарыдать. Он вцепился пальцами в волосы у себя на затылке и завыл. Фаббри с молчаливой грустью наблюдал за ним. Несколько минут он не трогал Тома. Когда тот немного успокоился, он дал ему носовой платок и подробно объяснил, к чему ему следует быть готовым в ближайшие часы.

– Сегодня вечером, пока ты в этом здании, ты ни с кем не должен разговаривать. Имей в виду: после того как тебя оформят и отведут в камеру, ты можешь столкнуться с новыми оскорблениями. Если полицейские явятся к тебе в камеру и будут задавать тебе вопросы, молчи. Не произноси ни слова. Даже имя свое не называй. Я вернусь утром.

Фаббри поднялся уходить, и Том едва не кинулся ему на шею. Ему хотелось крикнуть: «Не бросайте меня!» – хотелось обнять и расцеловать этого мужчину в дорогом костюме с шелковым галстуком. Но он сумел сдержать свой порыв, с достоинством встал и протянул своему спасителю руку.

– Спасибо, – просто сказал он.

Фаббри обменялся с ним крепким рукопожатием.

– Я пока не знаю всех подробностей, да мне пока это и не требуется, – добавил он, прощаясь. – Но я тебе верю. Мы вытащим тебя из этой передряги.

Том кивнул, сглотнув ком в горле. Фаббри вернул визитку на законное место в бумажнике, легко подхватил со стола дипломат, мягко улыбнулся Тому и покинул допросную.

Почти сразу в комнату вошли очередные двое детективов и повели Тома на регистрацию. Его немного удивило, что его никто не держал, – на него даже не надели наручники. Они просто открыли дверь и сказали: «Пошли».

Том и два офицера ждали лифт, когда из дверей убойного отдела показались Фаббри и Джин. Лицо Джина покрывала болезненная бледность. «Как будто его укачало в машине», – подумал Том. Прервав тихий разговор, который он вел с адвокатом, Джин быстро направился к Тому. Детективы не стали

вмешиваться, и Джин обнял сына с такой безоглядной нежностью, какой никогда прежде себе не позволял. Отец и сын стояли, прижавшись друг к другу, и громко всхлипывали.

– Я этого не делал, пап, – сумел выдавить Том.

– Я знаю, сынок, – ответил Джин. – Я знаю.

Глава десятая

Кэй не знала, что сказать Тинк и Кэти. Сегодня она была с ними полностью откровенна, и девочки держались замечательно. Она не понимала, чем это объясняется – то ли их зрелостью, то ли гибкостью детской психики, но так или иначе это облегчало положение. Ей и без того хватало хлопот и переживаний, чтобы еще волноваться, как бы у одной из дочек не случился нервный срыв. Поэтому, повесив трубку и взглянув на Тинк и Кэти, жавшихся друг к другу в дверном проеме спальни бабушки Полли, Кэй решила, что расскажет им всю правду, какой бы горькой та ни была.

Она прошла мимо них и по узкому коридору направилась в гостиную; дочери, все так же не размыкая рук, последовали за ней. Раньше они *никогда* не держались за руки, удивилась Кэй, и всегда если не враждовали, то соперничали между собой. Как же им должно быть страшно, что они забыли о своих распрях и искали друг у друга поддержки.

Кэти с Тинк молча сели на синий диван. Дедушка Арт выключил телевизор; из кухни, вытирая о фартук руки, вышла бабушка Полли. В гостиной уже сидели два брата Кэй; на их лицах читалось беспокойство. Все молча ждали новостей от Кэй, которая оперлась о спинку отцовского кресла и прочистила горло. Она смотрела на них широко распахнутыми глазами, как будто страх и неверие не давали ей их закрыть. Ее брат, Арт-младший, встал было со стула, намереваясь подойти к ней, но потом испугался, как бы она не расплакалась, – тогда она ничего не сможет им рассказать, – и нехотя сел обратно, готовый в любую минуту вскочить и поддержать сестру. Кэй еще раз прочистила горло, но ком не уходил. Наконец она решилась.

– Тома арестовали, – начала она.

Тинк и Кэти тут же побежали в ванную. Они не хотели это слушать. Им и не надо было это слушать. Им требовалось одно – срочно извергнуть из себя те крохи еды, которые они запихнули в себя за ужином.

– Мы наняли адвоката, Фрэнка Фаббри, – продолжила Кэй. – Он съездил в участок и прекратил допросы. Он сказал, что Том слишком измотан… слишком измотан, чтобы хоть чем-то помочь расследованию, поэтому допрашивать его больше нельзя. В результате они… Они арестовали его по обвинению в двойном тяжком убийстве первой степени и… – Кэй прижала ко рту ладонь, и дальнейших ее слов было уже не разобрать.

Арт-младший встал, приблизился к Кэй и своими могучими

ручищами крепко обнял зарыдавшую младшую сестру. Бабушка Полли и дедушка Арт молча взялись за руки, не сводя глаз с лица своей несчастной дочери. Скип тихонько выскользнул из гостиной и пошел искать племянниц.

Офис Фрэнка Фаббри располагался в изящном старинном доме в тихом спальном районе центра Сент-Луиса, неподалеку от полицейского участка. Широкое крыльцо вело к массивной входной двери вишневого дерева на толстых петлях. Джин вслед за Фаббри вырулил на маленькую пустующую парковку и криво, заняв сразу два места, припарковал свой фургон. Если бы Фаббри хоть немного знал Джина, он бы сразу понял, что с ним творится неладное. Но он не знал Джина, а потому решил, что тот просто неважно водит.

Джин так и не оправился от последних потрясений; его носовому платку срочно требовалась замена. В кабинете Фаббри любезно протянул ему пачку бумажных платков, и Джин с благодарностью ими воспользовался. Несмотря на старомодный вид дома, рабочее место Фаббри выглядело вполне современным. Кабинет был чисто убран и обставлен по-спартански; нигде ни пылинки, зато все поверхности заняты аккуратными стопками бумаг. О личных пристрастиях владельца говорили лишь висящий на стене флаг Кубы и настольный календарь с портретом Че Гевары. Фаббри сел за большой письменный стол, подключил к телефону микрофон и набрал номер дома на Фэйр-Эйкрес-Роуд, где жили родители Кэй.

Джин Камминс был человеком порядка и основательности. За долгие годы службы во флоте он снискал репутацию надежного товарища, который никогда не подведет. В его жизни почти не было эпизодов, когда он пасовал перед обстоятельствами, и домашние привыкли во всем на него полагаться. В детстве его сын и дочери верили, что папа может исправить что угодно. Кто-то забыл на заднем крыльце магнитофон, а тут началась гроза? Не беда – папа починит. Кукла лишилась волос в тот же день, когда Тинк водили к парикмахеру? Папа починит. Порвалось кресло-мешок, и по всей детской рассыпались шарики из пенополистирола? Папа соберет и починит. И он чинил. Вечерами, когда дети мирно посапывали в своих кроватках, он чинил все перечисленное и многое другое; жена улыбалась и в шутку называла его волшебником и мастером на все руки.

Но в тот вечер, сидя в кожаном кресле в кабинете Фаббри, Джин осознал, что столкнулся с проблемой, превосходящей его силы. Подобные трагедии часто сбивают с ног даже самых стойких бойцов. Его обычная решимость куда-то исчезла – он

терял контроль над ситуацией. Исправить эту поломку он был не в состоянии. Его охватило новое для него чувство беспомощности, и он понятия не имел, как себя вести. Чем больше он об этом думал, тем быстрее росли в нем страх и подавленность. В конце концов Джин отбросил эти мысли, набрал в грудь воздуха и сосредоточился на вопросах, которые задавал ему Фаббри.

Пока что картина, собранная из обрывков информации, представлялась ему следующей. Племянницы пропали без вести и наверняка погибли, хоть их тел до сих пор не нашли. Его дочери сидели в доме деда и ждали, когда папа вернет им брата. Его сына разлучили с ним и посадили за решетку по обвинению в двойном убийстве первой степени. Джин потряс головой – это было слишком. Лучше он будет глубоко дышать и отвечать на вопросы.

Из микрофона на столе послышался голос Кэй. Она хотела присутствовать при беседе с адвокатом, но боялась оставить Тинк и Кэти одних. Благодаря технике они решили эту проблему. Разговор длился больше часа, но ни Джин, ни Кэй не могли позже точно воспроизвести его содержание. Фаббри сказал, что Тома зарегистрируют и на ночь отправят в следственный изолятор.

– Следственный изолятор? – перебила его шокированная Кэй. – Ради Христа, это еще что такое? Вы хотите сказать, что его будут держать в одной камере с уголовниками?

– Всего одну ночь, миссис Камминс. После завтрашнего слушания…

– Целую ночь? Должен же быть способ вызволить его оттуда! Он не выдержит – он обычный мальчик, не очень-то и сильный. Он в жизни ни с кем не дрался. А что, если одного из тех парней, которые были прошлой ночью на мосту, задержат за наркотики или за что-нибудь еще и посадят с ним в одну камеру? Они же его там убьют! Вы должны его вытащить!

Кэй была на грани истерики.

– Хорошо, Кэй, – мягко сказал Фаббри. – Пожалуй, вы правы. Как только мы здесь закончим, я позвоню в участок и потребую обеспечить Тому особый надзор с целью предотвращения самоубийства. Тогда им придется выделить ему отдельную камеру.

Это немного успокоило Кэй. Джин тоже согласился, что так будет лучше всего. Фаббри рассказал, что, по его мнению, произойдет завтра. С момента ареста Тома у полиции было двадцать часов, чтобы получить ордер по всем пунктам выдвинутых обвинений. В противном случае они будут обязаны его отпустить. Но если им удастся получить ордер, что Фаббри находил более вероятным, то они не выпустят Тома под залог, а

это значит, что он останется за решеткой до суда, то есть от шести до восемнадцати месяцев. Кэй громко ахнула, и на сей раз Фаббри нечем было ее утешить.

– Мы сможем с ним увидеться? – спросила она. – Сестрам разрешат его навестить?

– Пока нет, – ответил адвокат. – С этим станет понятнее завтра, по истечении двадцатичасового лимита – тогда и будем разбираться.

Находившиеся на разных концах Сент-Луиса Кэй и Джин одновременно кивнули, явственно ощутив, как их прежняя жизнь в Гейтерсберге, такая реальная еще вчера, стремительно ускользает в небытие.

В камере следственного изолятора, куда поместили Тома, было не так уж плохо. Увидев ее своими глазами, Кэй, вероятно, чуть успокоилась бы. Выкрашенные в казенный зеленый цвет стены, металлические койки… Народу в камере хватало, но не сказать, что она была набита битком. Том видел сокамерников как в тумане, не различая лиц, не слыша имен и голосов, – они представлялись ему живыми подвижными пятнами в окружающем пространстве. Когда за ним пришли офицеры, производившие арест, он спал сидя.

– Вставай. Тебя переводят под надзор с целью предотвращения самоубийства, – сказал один из них. – Похоже, ночью ты решил себя прикончить. Вчера – двоюродных сестер, сегодня – себя. Прямо серийный маньяк, – хохотнул он.

Том сонно тащился за надзирателем к новой камере. Теперь, когда он понял, что может наконец поспать, ему было еще труднее держаться на ногах. Отвратительные шуточки офицера нисколько его не задевали. Веки у него слипались; он на автомате плелся за проводником, ориентируясь на звук его гулких шагов и бряцание висевших у того на поясе ключей.

Если общую камеру изолятора Том по своей сбитой чудовищным недосыпом шкале оценил как «неплохую», то новая явно попадала в категорию «шикарных». Меньше предыдущей, вместо коек она была оборудована двумя металлическими полками вдоль обеих стен, зато он был здесь один, в тишине и без яркого света. Том почувствовал себя чуть ли не в номере отеля «Ритц-Карлтон». В углу имелась раковина и унитаз без крышки и сиденья; со стен местами отслаивалась все та же зеленая краска. «Видать, в строительном супермаркете «Шервин-Вильямс» в тот день была распродажа», – подумал Том, падая на ближайшую полку. Он не слышал низкого жужжания и противного скрипа, с каким за ним закрылась дверь камеры. Он не чувствовал, как по

нему ползают, прокусывая кожу, вши. Он спал. Сквозь сон до него доносились глухие удары в стену: в соседней камере метался в ломке подсевший на «ангельскую пыль» наркоман. Том спал как убитый.

Несмотря на кипучую деятельность, в доме Джинны на Петит-Драйв царила могильная атмосфера. После отъезда Кэй с дочками новостей почти не поступало. Все молча слонялись по комнатам, пытаясь заниматься какими-то делами. Лишь звуки включенного телевизора да короткие реплики, которыми изредка обменивались обитатели дома, нарушали тишину, отчего она только густела, затягивая пространство липкой пленкой.

В сумерках Шейла и Лайза обняли и поцеловали Джинну, пообещали за нее молиться и вернулись к собственным детям, которые сидели голодные и недоумевали, куда делась мама. До дома обеим было ехать больше часа.

С Джинной остался ее брат Кевин, но он чувствовал себя не на месте. Дом сестры всегда представлялся ему женской территорией, что было не так уж далеко от истины, а в тот день проявилось с особенной силой. Комнаты Джулии и Робин на глазах превращались в своего рода святилища – каждый, кто в них заходил, тихо садился на кровать и благоговейно осматривался, стараясь ничего не трогать, но все запомнить. С ними была подруга Джинны, Марианна; женщины, ласково воркуя, собирались вокруг несчастной матери и утешали ее, как это умеют делать только женщины.

Что касается Кевина, то его реакция на случившееся была типично мужской – в нем бушевала ярость. Думая о том, что четыре мерзавца сотворили с его племянницами и какой муке прямо сейчас подвергают его племянника, он так задыхался от гнева, что ему хотелось немедленно добраться до всех четверых и зубами оторвать им головы. Он бесцельно бродил по дому, стараясь хоть как-то привести мысли в порядок. Завтра от него будет больше пользы. Завтра со всех концов страны съедутся и слетятся остальные их родственники, и Кевин будет их встречать, развозить, устраивать на ночь и таскать чемоданы. Эти практичные размышления немного его успокаивали и отвлекали от женских перешептываний.

Когда за окном стемнело, Кевин поцеловал на прощанье Джинну и поехал домой в свой Южный округ, пообещав, что на рассвете вернется и будет помогать чем сможет.

К сожалению, одиннадцатичасовой выпуск новостей оказался содержательнее предыдущего. Тинк и Кэти устроились на той же

дедушкиной органной скамье, сидя на которой прошлым вечером они всей компанией ужинали стир-фраем, – с нее был хорошо виден телевизионный экран. Взрослые заняли места на стульях рядом.

Выпуск открывала новость о происшествии на мосту Чейн-оф-Рокс, как успели окрестить трагедию. Ведущая, над правым плечом которой висели фотографии Джулии и Робин, с подчеркнуто печальным лицом принялась монотонно зачитывать с бумажки:

– Предполагаемый убийца Том Камминс уже задержан и в данный момент находится под арестом…

Девочкам хватило одной этой фразы. Тинк вскочила, толкнув сестру и опрокинув скамью. Не в состоянии вымолвить ни слова, она закрыла уши руками и принялась озираться по сторонам, переводя взгляд с двери на стены, со стен на лица родных и старательно избегая смотреть на экран телевизора. Как загнанный дикий зверь, ищущий выход из ловушки.

Скип встал и в два шага оказался перед ней. Он успокаивал племянницу, прижав ее голову к своей груди. Кэти сидела с широко раскрытыми глазами, словно оглушенная. Скип увел Тинк в коридор, подальше от сестры, чтобы та не заразилась ее истерикой. Он крепко обнимал ее, шепча ей на ухо:

– Тсс, тсс, тсс, мы все знаем, что это неправда, дорогая, все хорошо, все в порядке…

Истерика быстро кончилась, и Скип с Тинк вернулись в комнату. Тинк заняла прежнее место рядом с Кэти, у которой не сходило с лица выражение смятения, а по щекам катились и капали на сложенные на коленях ладони слезы.

– В жизни не слышал такой чуши, – со злостью пробормотал дедушка Арт, встал со стула и решительно выключил телевизор.

Тинк и Кэти продолжали молча таращиться в пустой черный экран. Дедушка Арт развернулся и уверенным шагом подошел ко все еще дрожащей Тинк. Склонившись над ней, он крепко взял ее за плечи и заглянул ей в глаза.

– Не верь ни единому слову! Ни единому, слышишь? – почти кричал он, едва не тряся ее. – Твой брат этого не делал. Он любил этих девочек. Он не убийца! Понимаешь?

Тинк слабо кивнула.

– Вот и молодчина, – вывел он, выпустил внучку и погладил по голове.

Дедушка Арт был сдержанным и тихим человеком. Он всегда стеснялся открыто выражать свои чувства. Тинк не помнила, чтобы хоть раз видела его раздраженным. Гнев деда на тех, кто оклеветал ее брата, согрел ей сердце, а его слова позволили ей не

впасть в отчаяние – как будто чьи-то сильные руки подхватили ее и помогли устоять. После того как он погладил ее по голове, она почувствовала себя лучше и почти улыбнулась.

Весь тот день вдруг показался ей кошмарным сном. Она знала, что Том невиновен, но произнесенное дикторшей в костюме цвета фуксии выражение «предполагаемый убийца» подействовало на нее намного сильнее, чем можно было предположить. В один ужасный момент она даже задумалась: а что же на самом деле произошло на мосту? Где правда? Слова деда вернули ее в реальность и укрепили ее пошатнувшуюся веру. Она глубоко вздохнула, вытерла слезы, упрямо выдвинула челюсть и приказала себе быть сильной.

– Спасибо, дедушка, – прошептала она.

Но не все в Сент-Луисе в тот пятничный вечер горевали. В Уэнтзвилле, недалеко от дома сестры Джина и Джинны, Лайзы, была в самом разгаре вечеринка, устроенная другом Дэнни Уинфри. На ней в числе трех десятков молодых людей присутствовали, разумеется, и Уинфри, и три его приятеля, побывавшие в прошлую ночь на мосту. В доме было шумно – все болтали, шутили и смеялись, играла музыка, работал телевизор.

Грей, как обычно, охотно развлекал толпу гостей. Когда в вечерних новостях мелькнуло лицо Тома Камминса, он не придал этому особого значения. На долю секунды его лицо омрачила паника, тут же, впрочем, сменившись ухмылкой. Он ткнул пальцем в экран и, смеясь, провозгласил:

– Брехня! Этот жирдяй бы так не смог. Это моих рук дело! Я устроил все это дерьмо!

– Куда тебе, псих, – возразил один из его друзей. – Это был я!

– Нет, я! – воскликнул кто-то еще.

К веселью подключились еще трое или четверо парней, утверждая, что это они убили пропавших без вести сестер Керри. Смерть Джулии и Робин превратили в шутку. С экрана на хохочущих парней угрюмо смотрел Том – ему было совершенно не смешно. Но тут в одном из гостей заговорил голос рассудка.

– Эй, кончайте пороть чушь, – тихо предостерег он. – Кто-нибудь и поверить может.

Дэнни Уинфри и так слушал эти выкрики со скрытой тревогой, а после этих слов вскочил на ноги, опрокинув бутылку с пивом. Его девушка, Аманда Маршалл, подняла почти пустую бутылку, поставила ее на место и вышла из комнаты вслед за парнем. Внезапный уход Уинфри не укрылся от внимания Грея, который с еще большим усердием продолжил свое шоу.

В ванной на втором этаже Уинфри присел на бортик

фарфоровой ванны и уставился себе под ноги. Аманда опустилась на закрытую крышку унитаза и, упершись локтями в колени, наклонилась к парню. На ее лице читалось беспокойство.

– Что с тобой, Дэнни? – спросила она.

Уинфри нервно кусал нижнюю губу и все так же неотрывно изучал свои кроссовки.

– Что бы ни случилось, ты же знаешь, что можешь все мне рассказать, – настаивала Аманда.

И тут Уинфри прорвало. Он рассказал ей все. Когда через пару минут в деревянную дверь ванной постучал Грей, Аманда все еще не могла осмыслить услышанное. Рассказ Дэнни не доходил до ее сознания. Он тем временем открыл дверь и впустил Грея.

– Нам надо поговорить, – рявкнул тот и, повернувшись к Аманде, добавил: – С глазу на глаз.

Аманда прошмыгнула мимо грозного высокого Грея и спустилась вниз, а Уинфри занял прежнее место на бортике ванны. Грей пинком закрыл дверь и резко развернулся к Уинфри.

– А ну собери яйца в кулак, – тихо произнес он в лицо пятнадцатилетнему подростку. – У тебя, сука, на морде все написано. Завязывай с нытьем – все будет хорошо. Этот жирный уже за решеткой. Они считают, что это сделал он. Нас они ни за что не найдут. А если кто-нибудь что-нибудь вякнет, я его урою.

Грей взял Уинфри за подбородок:

– Сечешь? Все путем. Держимся вместе, не очкуем, и все – нас не примут. Понял?

Уинфри глянул Грею в глаза, смутился и кивнул:

– Понял.

Оправившись после просмотра новостей, Кэти и Тинк устроились на своем любимом диване с колодой карт, чтобы хоть как-то отвлечься. Они играли в джин-рамми, но без азарта. Кэти первой заметила за оконной шторой свет фар. На Фэйр-Эйкрес-Роуд машин было немного. Фары приблизились к дому, затем чуть отдалились, но тут же включились огни заднего хода – это Джин парковал свой фургон.

– Папа приехал, – сообщила Кэти.

Прежде чем войти в дом, Джин несколько минут собирался с духом. Кэй уже хотела идти ему навстречу, когда наконец скрипнула дверь. Братья и родители Кэй деликатно разошлись кто куда, чтобы она могла побыть наедине с мужем. Бабушка Полли отправилась в подвал стирать несуществующую груду белья, а дедушка Арт внезапно вспомнил, что хотел показать сыновьям новую картину.

Только Кэти и Тинк видели, как медленно и нерешительно отец открывал дверь и как бросилась к нему мать. Кэй весь день ждала мужа и сейчас, упав в его распахнутые объятия, дала волю чувствам, которые с переменным успехом скрывала от дочерей, и забилась в беззвучных рыданиях.

Вид отца ужаснул Тинк и Кэти. Никогда еще они не видели на нем такой смеси отчаяния, страха и беспомощности. Они встали с дивана, но двигались медленно, как под водой или как при замедленной съемке в фильме ужасов. Ноги тонули в ковре, словно в зыбучих песках.

– Прости, – твердил Джин. – Прости меня. Прости.

Кэй молчала и лишь качала головой и сильнее прижималась к нему.

– Я пытался вернуть его домой. Прости, что не смог. Мне не дали его забрать.

Джин смотрел на жену и дочерей виноватым взглядом. Тинк с Кэти протиснулись между родителями и прижались к ним. Четверо остающихся на свободе Каммингсов замерли, обняв друг друга, в комнате, где только вчера вечером стоял складной детский стол и шесть тарелок куриного стир-фрая, и всхлипывали.

Джинна появилась неожиданно, словно ниоткуда. Джин не успел ни принять душ, ни почистить зубы, ни побриться, и дочки, несмотря на царящий в доме мрак, не удержались от шуток по поводу его превращения в ежика. Встреча в офисе Фаббри далась Джину нелегко, и он сел за стол, надеясь собраться с мыслями, когда кто-то позвонил в дверь. Братья Кэй только что ушли, и Джин решил, что один из них вернулся за забытым бумажником или чем-то еще. Он услышал крик Кэти: «Я открою!» – и мгновение спустя она снова возникла в дверном проеме, но тут же посторонилась, давая дорогу Джинне. За ней шла Джейми, потерянная, но еще не до конца утратившая надежду.

– Джини, – прошептала Джинна, протягивая руки брату.

Кэти спешно увела Джейми на кухню. Джин поднял глаза на сестру и разрыдался.

– Прости меня, Джинна, – услышала Кэти голос отца.

– Тсс, все хорошо. Успокойся, тебе не за что просить прощения. Я пришла сказать, что никто из нас не верит в эту ерунду. Мы все прекрасно знаем, что Томми ни в чем не виноват.

Джин и Джинна понизили голоса, как делали в тот день все взрослые.

– Колу будешь? – спросила Кэти у Джейми.

Та кивнула.

На самом деле кола была всего лишь предлогом нарушить тишину дома. Кэти и не вспомнила, что раньше ни за что не позволила бы себе взять колу, не спросив разрешения у родителей. Эта мелочь, хоть и важная, как и многие другие, означала, что с того утра их жизнь необратимо изменилась. Они с Тинк за один день повзрослели, приобретя не только право сквернословить и без спросу пить колу, но и обязанности, в том числе обязанность защищать свою младшую кузину от самых тяжелых испытаний, связанных с ужасной гибелью ее сестер. Кэти достала из бабушкиного шкафчика два стакана и позволила Джейми самой насыпать себе льда. Они уже пили свою колу, когда на кухню пришли Джин и Джинна и предложили провести что-то вроде семейного собрания.

– Почему бы вам не пойти вниз, в игровую? – сказала бабушка Полли. – Там всем места хватит, и никто вас не побеспокоит. Там и телефон есть, если что.

И они направились в подвал, позвав с собой Тинк, Кэти и Джейми. Несмотря на то, что время от времени каждому хотелось побыть в одиночестве, все уже признали, что нет смысла что-либо скрывать от детей. Им предстояло учиться как-то жить с этим горем, а утаивая информацию, взрослые внесли бы в их души еще больше сумятицы. К чести девочек, держались они отлично, не считая дружного отказа от еды. Они так заботились друг о друге, что родители не могли не испытать гордость за них. Тинк, Кэти и Джейми сели за обтянутый зеленым сукном стол, за которым прошлым вечером вшестером играли в джин-рамми, стараясь не смотреть на те места, что занимали Робин, Джулия и Том. По просьбе Джейми решили играть в рыбу, и Тинк раздала карты, но все три не столько следили за игрой, сколько слушали, о чем негромко говорят взрослые.

Джинна, Джин и Кэй устроились на двух стоящих один напротив другого кожаных диванах за спинами девочек. Они обсудили, кто что успел сделать и как встретить родителей Джина, утром прилетающих из Флориды. Сообщить им о случившемся было, пожалуй, самым трудным делом, которое сразу после ареста Тома взял на себя Джин. Он всегда верил в силу духа своего отца, и реакция того вызвала у него шок. Джин-старший воспринял новость очень тяжело. Он записал номер телефона полицейского участка, по которому мог связаться с сыном, и повесил трубку, сказав, что перезвонит, потому что его душат слезы. Он перезвонил через двадцать минут, и его голос звучал уже иначе.

– Так, – сказал он сыну. – Мы с матерью успеваем на вечерний рейс, но утром мне нужно зайти в банк. Я привезу с

собой документы на дом. Скажи Томми, чтобы ни о чем не волновался. Если потребуется залог – деньги будут, как и лучшие адвокаты, каких только можно нанять. Только матери – ни слова. Ты же знаешь, у меня в акциях достаточно сбережений, чтобы все оплатить. Ни к чему посвящать ее в подробности.

Дедушка Джин ни на миг не усомнился в невиновности Тома. Разумеется, про документы на дом Джин-младший матери не сказал. Он не сказал об этом никому – ни Тому, ни Кэй, ни Джинне. Он вообще выбросил эту мысль из головы. Щедрость отца и его непоколебимая вера в непричастность внука, особенно на фоне чудовищных событий того дня, превосходили понимание Джина.

Поэтому он не распространялся на эту тему, предпочитая обсудить более практичные вещи, например кто утром поедет в аэропорт встречать родителей. Пока он говорил, зазвонил телефон. Все уставились на аппарат – время было далеко за полночь. Девочки за столом замерли с картами в руках. Сверху послышались шаги, и раздался голос дедушки Арта:

– Джинна, это тебя!

Джинна поднялась и нетвердой походкой пошла к телефону – этот звонок ее явно встревожил. Она встала спиной к остальным и осторожно взяла трубку. Следующие несколько минут прошли в полном молчании, не считая периодически издаваемого ею «угу». Когда она положила трубку и повернулась к брату, ее лицо было искажено болью, а по щекам текли слезы.

– Мне надо… Нам надо идти… Джейми, пойдем, – выдавила она.

– Погоди, – не понял Джин. – Что случилось? Что…

– Это Рик, – ответила Джинна. – Он требует вернуть дочь домой. Говорит, что не хочет, чтобы Джейми оставалась в доме человека, убившего наших девочек.

Джинна разрыдалась. Девочки бросили карты и подошли к взрослым.

– Прости, Джини, – всхлипнула Джинна. – Он это сгоряча, просто… Просто ему сейчас очень плохо.

Джейми прижалась к плачущей матери, та в ответ обняла ее и прижала к себе. Этот жест заставил Тинк и Кэти вздрогнуть: они и забыли, какая Джейми еще маленькая. Такая смышленая и умненькая для своих лет, а ведь ей едва исполнилось девять. Несчастные мать и дочь медленно пошли по лестнице. У дверей Джинна замешкалась.

– Прости, – снова сказала она.

Джин вместо ответа просто крепко ее обнял. Кэй поцеловала Джинну в щеку и обняла Джейми. Тинк и Кэти, терпеливо

дождавшись своей очереди, обняли тетку с таким пылом, словно боялись никогда больше ее не увидеть. Джинна прижимала их к себе и гладила по голове и плечам.

– Хорошие девочки… Ничего, мы справимся, правда ведь? – произнесла она.

Они кивнули в ответ, заставив ее улыбнуться сквозь слезы. Джинна взяла Джейми за руку и вышла за порог. Шагая с матерью к машине, Джейми обернулась и помахала на прощанье двоюродным сестрам, провожавшим ее взглядами.

Том спал на зеленой металлической лавке – без подушки, без одеяла и без сновидений. Его не разбудили ни приближающееся звяканье связки ключей, ни скрип открывающейся двери камеры, ни даже окрик тюремщика, которому пришлось войти в камеру и растолкать парня. В действительность Том вернулся мгновенно, вспомнив, где и почему он находится, как будто и не было этих часов забвения.

Правда, поднимаясь с лавки и следуя за надзирателем, Том отчаянно зевал. Ему показалось, что они целую вечность петляли по бесконечным длинным коридорам, пока не добрались наконец до небольшого кабинета, похожего на приемную. В дальней стене за плексигласовым окошком сидел сотрудник полиции. Тому указали на скамью, уже занятую двумя молодыми парнями. Немного пошелестев бумагами, полицейский назвал имя одного из парней; тот встал и подошел к окошку. Сотрудник за окошком уточнил полное имя, возраст и адрес парня и сказал, в чем его обвиняют.

– Угон автотранспорта, – громко объявил он, глядя поверх очков, после чего приступил к разъяснению юридических тонкостей обвинения.

– Счастливчик, блин, – едва слышно пробормотал Том.

Сидевший рядом с ним паренек опасливо покосился на Тома. Тот попытался ободряюще улыбнуться, но паренек отодвинулся от него на самый край узкой скамьи. Тома не мог не поразить абсурд ситуации: он, девятнадцатилетний пожарный, бойскаут, в жизни не имевший проблем с законом, завидует хулигану, обвиняемому в угоне. Том хмыкнул, заставив соседа по скамейке отсесть еще дальше, хотя дальше было некуда, прислонился затылком к холодной кирпичной стене и прикрыл глаза.

Примерно полчаса спустя он услышал свое имя, открыл глаза и обнаружил, что они с сотрудником в окошке остались в помещении одни. Снаружи наверняка дежурили охранники, но его товарищей-правонарушителей уже и след простыл. У Тома шевельнулась вялая мысль относительно их дальнейшей судьбы:

интересно, они вернулись за решетку или их выпустили под залог? Он тяжело опустился на стул напротив явно недоброжелательно настроенного полицейского. Коп прочистил горло и начал задавать Тому вопросы. Парень отвечал, не особо задумываясь над тем, что говорит, а обвинение в двойном тяжком убийстве первой степени, в связи с которым ему, скорее всего, будет отказано в выпуске под залог, выслушал вполуха.

За Томом вернулся тот же тюремщик, что разбудил его и вывел из камеры, и при виде его Том едва ли не обрадовался. Он хотел спать, и ему не терпелось вновь очутиться в своей относительно тихой камере с соседом-наркоманом. Когда они проходили мимо пункта охраны в центре здания, Том удивился, что несмотря на поздний час там полно народу. Он не помнил, чтобы они шли тем же путем по дороге в кабинет, но его так одолевал сон, что он ничего не заметил бы, даже если бы они шагали через минное поле. Надзиратель задержался возле поста, где за двумя круглыми столами сидели четверо или пятеро его коллег. На одном столе лежали колода карт, несколько журналов и газета, но ночные дежурные все равно выглядели умирающими от скуки.

– Встань к той стене, – приказал Тому тюремщик.

Том развернулся и, чувствуя на себе взгляды охранников, сонно поплелся к густо закрашенной кирпичной стене, прислонился к ней спиной, для равновесия уперся в нее ногой, скрестил на груди руки и уставился на свою обувь. Он не хотел смотреть на копов, опасаясь разжечь их ненависть, но и закрыть глаза тоже не мог, иначе заснул бы стоя и упал. Поэтому он изучал свои ботинки, а когда это ему наскучило, начал считать плитки, которыми был выложен пол.

– Это не ты, часом, тот столичный хмырь, который почти задурил нам, деревенщине, головы своей брехней? И еще ночью помирать собрался? – с деланным акцентом глумливо поинтересовался один из офицеров.

Том лишь зевнул и продолжил считать плитки.

– Что такое, соня? – подключился другой полицейский. – Страшный сон приснился?

Том помимо воли усмехнулся. «*Страшный*, – подумал он. – *Ты, сука, даже не представляешь себе, до чего страшный*».

Том еще несколько минут подпирал собой стену, снося оскорбления, которые, впрочем, мало его задевали. Он помнил о наказе Фаббри не говорить ни слова, даже в свою защиту, и эта мысль наполняла его силой и достоинством. Молчать было легко, особенно когда он заметил, что в этом случае полицейские быстро теряли к нему интерес. Том успел пересчитать все плитки

на полу и все кирпичи в стене напротив, а заодно вычистил всю скопившуюся под ногтями грязь. Наконец, «его» тюремщик направился к коридору, через плечо окликнув Тома и похлопав себя по бедру.

– Ко мне, – бросил он, будто подзывая собаку. – Пошли. Молодец, хороший мальчик.

Сидевшие за столами офицеры от души посмеялись над шуткой, а кто-то даже пожелал Тому «удачно самоубиться или что ты там решил».

Том едва не поблагодарил его, но благоразумно сдержался. Он прошел между двумя столами, не удостоив полицейских взглядом, словно их не существовало. И только вновь оказавшись взаперти в своей одиночной камере, дал волю слезам.

Пока Тома донимали тюремщики, Джейми по-турецки сидела на диване в гостиной, держа в руках моток розовой пряжи. С наступлением темноты тишина, весь день царившая в доме, стала особенно давящей. Рядом с Джейми с другим мотком розовых ниток сидела Джеки и слушала ее терпеливые объяснения – племянница учила тетку премудрости вязания на пальцах.

– Есть хоть что-нибудь, чего ты не умеешь? – с восхищением спросила Джеки.

Джейми улыбнулась и пожала плечами.

Джинна и ее подруга Марианна разговаривали за кухонным столом; они не вставали из-за него с той минуты, когда мать с дочерью вернулись из дома Джина. Джинна покачала головой – все случившееся казалось настолько нереальным, что до сих пор не укладывалось у нее в голове. В паре кварталов от нее в так же скудно освещенном доме сидел ее брат Джин, единственный сын которого был в тюрьме. Джинна, не покидавшая кухню, где горела всего лишь лампочка над плитой, думала только о том, что Джулии и Робин все еще нет дома.

Она мысленно строила все новые и новые версии происшедшего. «Может быть, они добрались до острова Мозентайн, посреди реки, но у них нет сил доплыть до берега? Или они стесняются средь бела дня показаться голышом и позвать на помощь? Хорошо, что уже стемнело – теперь они смогут добраться до телефона».

Но с каждым скачком секундной стрелки эти сценарии казались все менее правдоподобными. «Что, если они лежат где-нибудь на берегу без сознания или у них отшибло память? А может, упав с такой высоты, они переломали себе ноги и не в состоянии пойти за помощью…»

Любой из этих вариантов, даже самый невероятный и

ужасный, был лучше печальной правды: Джулия и Робин погибли. Их изнасиловали и убили, и они никогда не вернутся домой.

– По крайней мере, они были вместе, – повторяла Джинна. – С ними все хорошо – они ведь были вместе.

В ту ночь никто в доме на Петит-Драйв не спал. Джейми в конце концов уснула на диване. Несколько раз она просыпалась и пыталась занять себя рукоделием или играми, но вскоре проваливалась в забытье. Джинна и Марианна так и не встали из-за кухонного стола. Посреди ночи Джеки ушла в подвал и попробовала прикорнуть на матрасе, где нередко ночевали гостившие в доме друзья Робин. Покрутившись час или два, Джеки бросила эту затею и поплелась наверх, даже не удивившись, увидев на кухне Джинну.

– И тебе не спится? – спросила та.

Джеки покачала головой. Джинна была старшей, а Джеки – младшей из детей Каммингсов. Разница в возрасте между ними составляла почти двадцать лет, и Джинна была для Джеки скорее второй матерью, чем сестрой. Именно в этих взаимоотношениях они сейчас больше всего нуждались: Джинне хотелось кого-то опекать, а Джеки, измученная морально и физически, с готовностью принимала ее заботу.

– Печенье с молоком, – заявила Джинна. – Молоко плюс что-то сладкое – на меня эта комбинация всегда действует как снотворное. Как раз то, что тебе сейчас надо, – побольше молока и печенья.

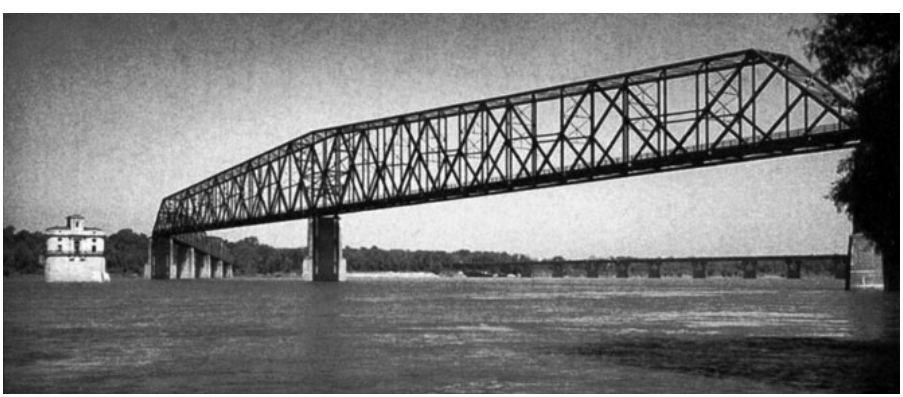
Она встала, достала из шкафчика блюдце, насыпала в него печенья, поставила перед сестрой и налила ей в высокий стакан холодного молока.

– Спасибо, – сказала Джеки, постаравшись изобразить улыбку.

Обитатели дома на Фэйр-Эйкрес-Роуд спали или, по крайней мере, лежали в горизонтальном положении и ворочались, пытаясь уснуть. Задняя спальня, в которой Тинк и Кэти ночевали всю прошлую неделю, обернулась для них источником кошмаров. Ужасные события того дня начались именно с этой комнаты, и девочки категорически отказались там спать. Пришлось родителям постелить им на раскладном диване, и они легли валетом, а Джин и Кэй устроились на матрасах на полу. Бларни долго бродила по комнате, обнюхивая всех лежащих, а затем свернулась клубочком рядом с Джином. Но заснуть никто не мог. Время от времени каждый проваливался в тяжелый сон, но тут же просыпался в холодном поту, чтобы понять, что остальные тоже не спят.

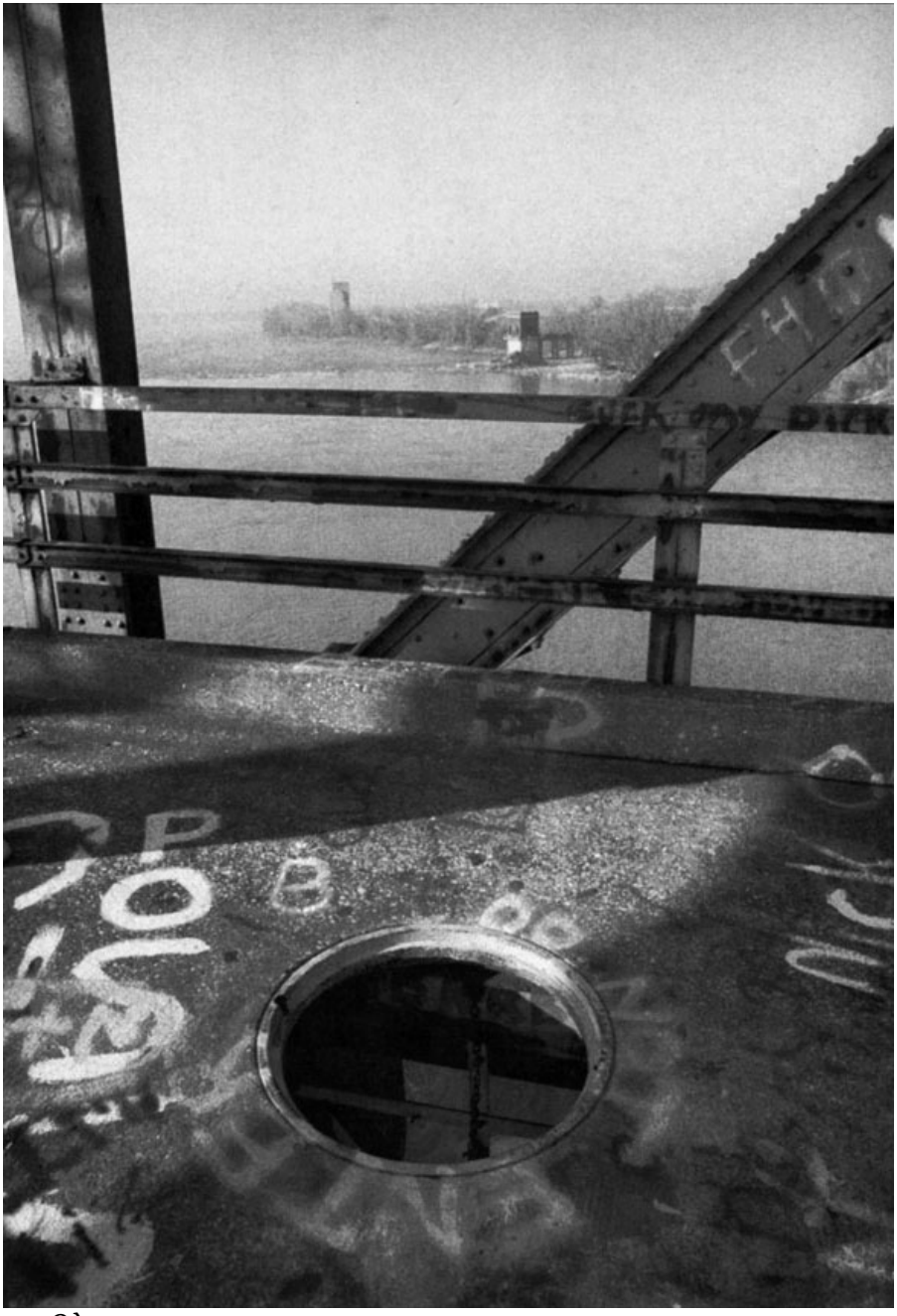
Ближе к рассвету Тинк и Кэти в очередной раз пробудились и увидели, что мать сидит по-турецки на матрасе в своей шелковой ночной рубашке, закрыв лицо руками, и медленно раскачивается взад-вперед. Она плакала, но на такой высокой ноте, что ее рыданий почти не было слышно, и только воздух вокруг был наэлектризован ее придушенными всхлипами. Отец стоял рядом с ней на коленях и беспомощно обнимал жену за плечи, пытаясь ее успокоить. В окна комнаты, пропитанной горем, несмело заглядывал розоватый рассвет. Кончалась первая ночь их новой жизни.

Вид сверху на мосты Чейн-оф-Рокс через реку Миссисипи и на станцию водоснабжения Сент-Луиса к юго-западу от них (снимки получены от Геологической службы США, дата-центр ЭРОС, Су-Фолс, Южная Дакота)



Вид на Старый мост Чейн-оф-Рокс. Фотография сделана с берега Иллинойса. На заднем плане виден Новый мост Чейн-оф-Рокс

(© 1997 Dr. Frank P. Maloney)



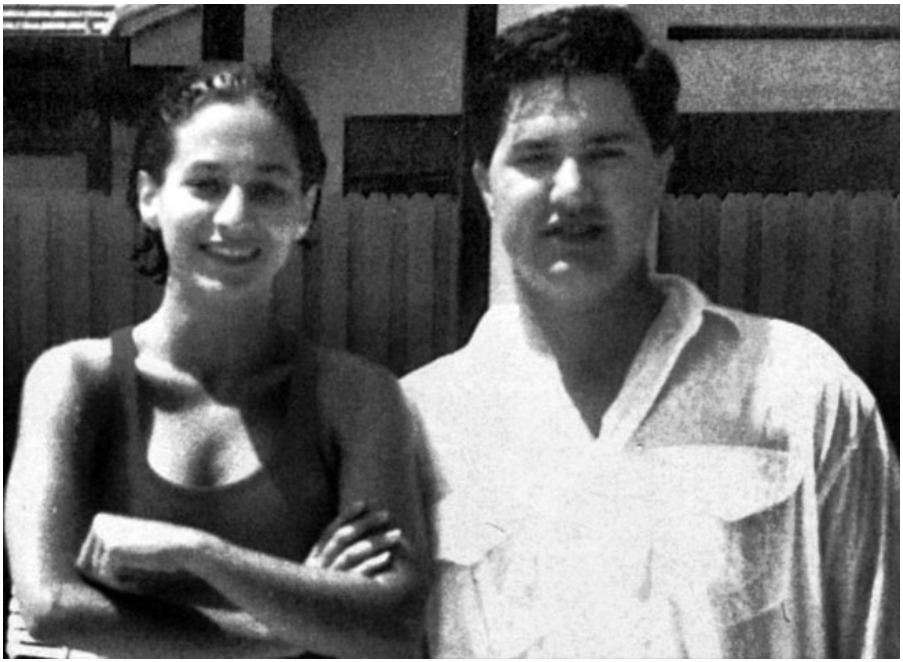
Один из открытых люков на настиле старого моста, апрель 1991 (из газеты St. Louis Post-Dispatch)

Младшие Каммингсы, осень 1983 года.

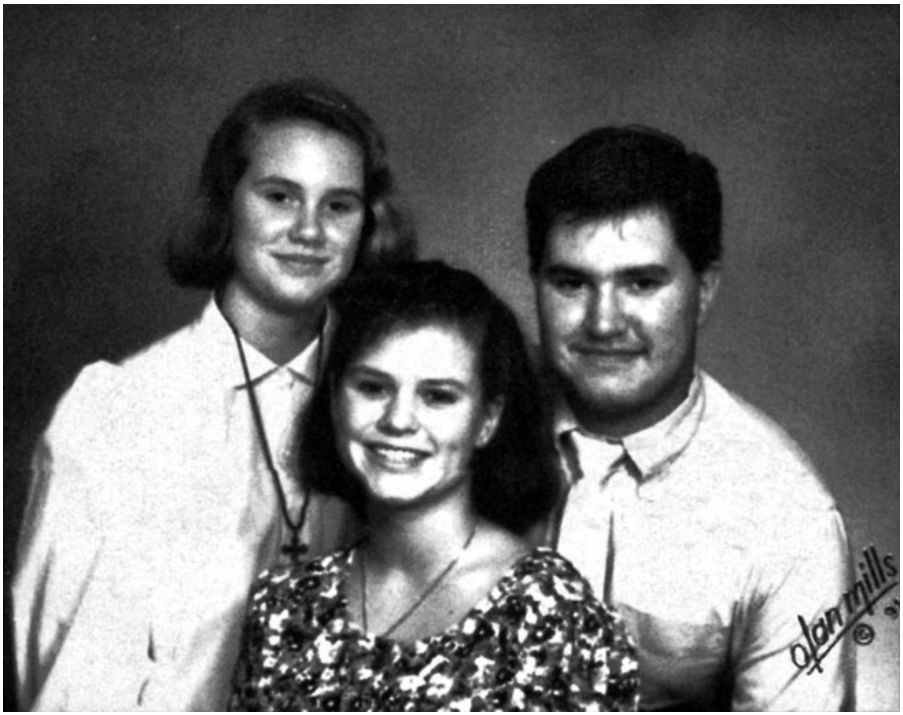
Верхний ряд, слева направо: Келли Тэсс, Том Камминс.

Средний ряд, слева направо (все стоящие): Дэнни Тэсс, Бадди Тэсс, Кэти Камминс, Робин Керри, Тинк Камминс, Кристи Саузерленд. Второй ряд, слева направо (все сидящие): Кэти Керри, Джейкоб Саузерленд, Джулия Керри.

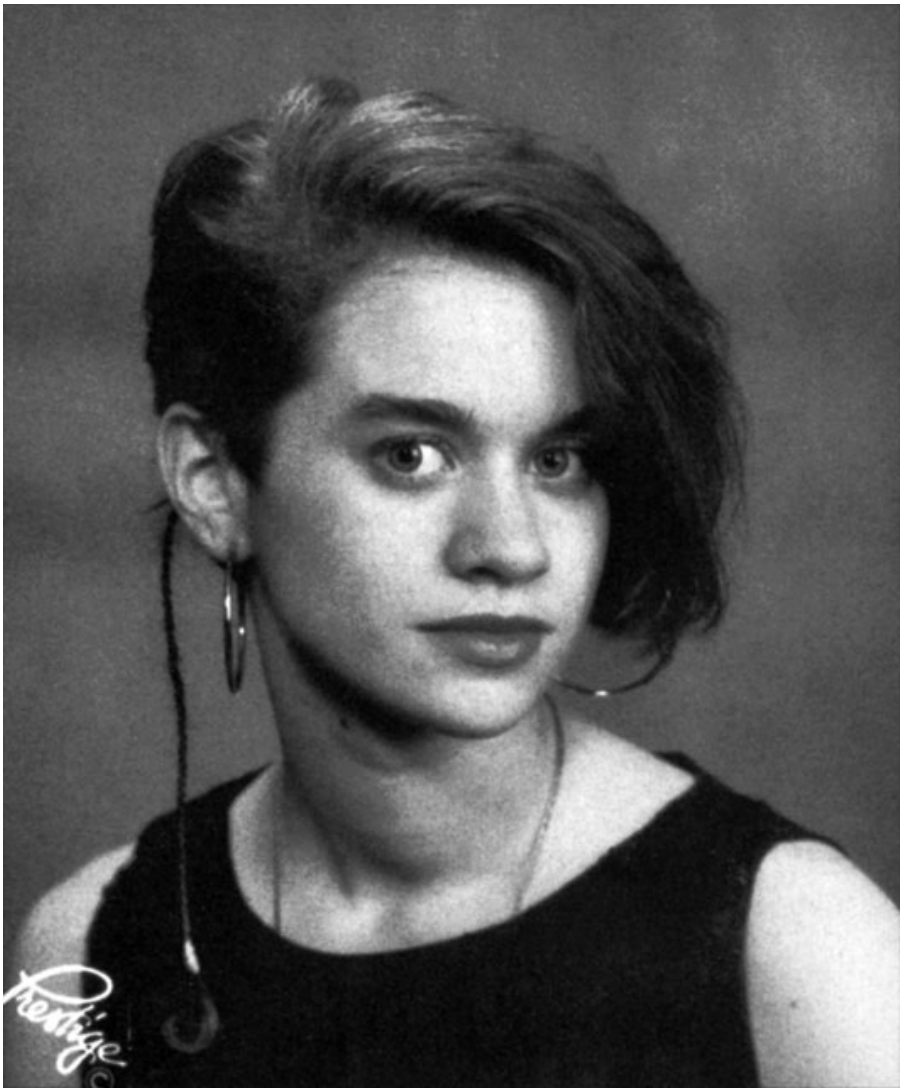
Передний ряд, слева направо (все сидящие): Керри Саузерленд, Дэниел Саузерленд, Джейми Керри (Olan Mills Portrait Studios)



Джулия и Том в Клируотере, штат Флорида. Лето 1990 года (Brandon Justice)



Кэти, Тинк и Том Каммингсы, 1991 год (Olan Mills Portrait Studios)



Робин Керри, 1989 год (Prestige)

Джулия Керри, 1989 год (Prestige)

Робин и Джейми Керри, 2 апреля 1991 года (Ginna Kerry)

Тинк и Том Каммингсы (Kathleen E. Lopez)

Дедушка Арт Мэттьюс осматривает то, что осталось от стихотворения Джулии на мосту после его реставрации (Kay Cummins)

Полотна, которые Кэй и Кэти сделали для коллажа на лоскутном одеяле, сшитом в память о Джулии и Робин (Kay Cummins)`

Глава одиннадцатая

Том проснулся от жажды. Над ним, низко склонившись, стоял незнакомый человек и держал в руках бумажный стаканчик с водой.

– Завтрак, – почти улыбаясь, объявил он.

Это был пожилой мужчина, внешне похожий на уборщика. Тому он показался добрым дедушкой с приветливым лицом. Он сел, опершись локтями о металлическую койку, и попытался оценить масштаб ущерба, причиненного его ноющим суставам этим ложем.

Мужчина отступил на шаг, давая Тому потянуться, а затем вручил ему бумажный стаканчик и обернутую в целлофан булочку в сахарной глазури и в ответ на «спасибо» Тома улыбнулся уже по-настоящему, кивнул ему, молча вышел из камеры и запер дверь.

Том понятия не имел, как долго он спал и который час, но чувствовал себя ощутимо лучше. Единственное в камере окошко располагалось под самым потолком, что не позволяло определить время суток, а наручных часов он лишился – их забрали те четверо негодяев, что должны были сейчас сидеть вместо него в камере и жевать клейкую булочку, запивая ее чуть теплой водой из-под крана. Впрочем, не отними они у него часы, вместо них это сделали бы полицейские, еще вечером отобрав у него ремень и шнурки, так что разница была невелика.

Прикончив булочку, Том оглядел камеру в поисках урны, не нашел и оставил смятую упаковку на койке. Риска, что ее сдует сквозняком, не существовало: упаковка прилипла к койке, как будто пустила в ней корни. Том скатал ее в шарик и кинул на пол.

Проглотив остатки теплой водички, он понял, что все еще хочет пить. Он позвал охранников, но никто не откликнулся. Он несколько раз повторил попытку с тем же нулевым результатом.

Том встал с зеленой металлической койки и подошел к такой же зеленой металлической раковине, прикрученной к задней стене камеры. Он повернул один из скрипучих вентилей, и из крана тонкой струйкой потекла мутная тепловатая вода. Том поставил стаканчик на край раковины и закрыл кран. «*Такой водой даже руки мыть страшно*», – подумал он.

Он справил нужду в зеленый металлический унитаз без крышки и направился было к своей койке, но вдруг решил пересесть на другую. Он как раз размышлял, как бы прожить еще несколько секунд, не потеряв рассудок от скуки, когда за стеной

послышались шаги.

– К тебе адвокат, – гремя ключами, объявил надзиратель.

Не то чтобы он вел себя дружелюбно, но хотя бы не выказывал к нему той животной ненависти, с какой Том столкнулся накануне, поэтому на встречу с Фаббри он шел за ним по освещенному лампами дневного света коридору в слегка приподнятом настроении. «*Как все может измениться всего за полтора дня*, – думал он. – *Господи, за какую мелочь я сейчас готов возблагодарить судьбу*».

* * *

Атмосфера в доме на Фэйр-Эйкрес-Роуд была хуже некуда. Родные ничем не могли помочь Тому, и им оставалось лишь ждать. Тинк и Кэти давно пора было в душ, но их так пугала перспектива провести даже несколько минут наедине с собственными мыслями, что соображения гигиены отступили на второй план. Обе девочки, прихватив колоду карт, предпочли занять свое излюбленное место на диване. Джин и Кэй метались по комнатам, словно дикие звери в клетке; бабушка Полли звенела на кухне посудой в надежде, что хоть кто-то захочет поесть. Дедушка Арт то и дело переводил взгляд с наручных часов на настенные и обратно, но около половины девятого не выдержал.

– Я уехал, – уведомил он жену, кинул в карман куртки ключи и, шаркая, направился к выходу.

– Ты куда, Арт? – спросила та, выглянув из кухни со сковородкой в руке.

Но дед уже ушел и закрыл за собой дверь. Он вернулся примерно через час и привез с собой документ о передаче права собственности на дом. Как и Джин-старший, он не счел нужным об этом распространяться, но был готов оказать внуку необходимую финансовую помощь.

Передовица субботнего выпуска «Сент-Луис Пост-Диспэтч» за шестое апреля 1991 года вышла с заголовком: «В Северном округе пропали без вести две сестры: полиция задержала их двоюродного брата, рассказавшего о нападении». На первой странице были напечатаны красивые фотографии Джулии и Робин, но они терялись рядом с огромным снимком зияющего ржавого люка на мосту. Автор статьи ссылался на представителей полиции, утверждавших, что Том пытался склонить свою кузину Джулию к сексу и в результате последовавшей за этим борьбы та упала с моста. Ее сестра Робин, по их словам, прыгнула следом,

пытаясь ее спасти.

Продолжение статьи, опубликованное на восьмой странице, сопровождалось большой живописной фотографией моста и моментальным снимком отряда спасателей на катере. В тексте говорилось, что девушек ищут береговая охрана США, отделение полиции Сент-Луиса и добровольцы с обоих берегов Миссисипи. Том, по словам автора, «дал уличающие показания», а Джулия с Робин были представлены «прекрасными девушками, которые отлично учились». Внизу страницы помещался еще один снимок: полицейский держит в руке найденный на мосту фонарик. Подпись гласила: «Полиция считает владельца фонарика потенциальным свидетелем преступления. На фонарике есть гравировка «Хорн 1».

Полицейские нашли фонарик Антонио Ричардсона.

На другом конце города, на Эджвуд-авеню, неподалеку от дома Ричардсона, газету с изумлением читал истинный владелец фонарика. Рон Уайтхорн, водитель автобуса и бывший полицейский, узнал в ключевой для следствия улике свой потерянный фонарик.

Как-то раз в марте, когда родителей не было дома, дочь Рона, Стефани, и ее брат пригласили гостей. Среди них был Антонио Ричардсон, который украл фонарик.

Рон Уайтхорн немедленно позвонил в полицию и сообщил имя и фамилию «свидетеля», которого они искали с пятницы.

Немытый Том сидел на привинченном к полу крутящемся стуле, какие встречаются в старых дешевых забегаловках, в крохотной комнатушке полицейского участка и, почесываясь, смотрел сквозь грязное и заляпанное стекло на своего одетого с иголочки адвоката. Никаких навороченных телефонов для переговоров через стекло, как в сериале «Полиция Майами», здесь не было, но Тома это даже обрадовало. Он и без того уже чувствовал себя преступником, чтобы, видя перед собой живого человека, вести с ним беседу через переговорное устройство.

– Доброе утро, – улыбнулся Фаббри.

– Доброе утро, – улыбнулся в ответ Том чуть вымученной улыбкой.

Фаббри благоразумно воздержался от вопроса о том, как у Тома дела, – это прозвучало бы издевательски. Адвокат прекрасно владел всеми тонкостями тюремного этикета, и поскольку он принес Тому не самые приятные новости, то решил не тратить время на бесполезные расшаркивания.

– Сейчас я расскажу, что с тобой сегодня будут делать, – начал Фаббри. – Вчера вечером я не вдавался в подробности,

потому что ты был слишком измучен и нуждался в отдыхе. Теперь ты немного поспал, и тебе пора узнать, что вообще происходит.

Сидевший по другую сторону заплеванного стекла Том кивнул:

– Кстати, они действительно дергали меня ночью, как вы и говорили.

– В смысле, опять задавали вопросы, как и перед тем?

– Да. Издевались, хамили… Вели себя как козлы.

– Но ты ничего им не сказал? – Фаббри вскинул брови. В его широко раскрытых голубых глазах мелькнуло беспокойство.

– Ни слова, – с горделивой ноткой в голосе ответил Том.

– Отлично, – улыбнулся успокоенный Фаббри. – Молодчина.

Это небольшое отступление понадобилось Тому, чтобы выразить Фаббри благодарность. Все произошло именно так, как предсказывал адвокат, и Том в точности последовал его мудрому совету, за что был ему признателен. До того как они начнут обсуждать юридические аспекты дела и печальное будущее Тома, ему хотелось сказать Фаббри намного больше, но он не находил слов. Он за многое был благодарен адвокату: за то, что тот ему поверил и спас от вчерашнего кошмара. Ему хотелось убедить Фаббри, что он будет делать все, как тот ему скажет, потому что накануне адвокат буквально спас ему жизнь и теперь Том готов вручить ему свою судьбу. Но в ярком утреннем свете Фаббри в своем костюме от Армани напоминал адвоката из голливудского фильма, а Том в грязной одежде ерзал на неудобном стуле и ковырял уголок металлической рамы.

Фаббри тепло улыбнулся ему и покачал головой. «Бедный парень», – подумал он.

– Ну, начнем, пожалуй, – произнес Фаббри, вопросительно взглянув на Тома.

Тот кивнул, и Фаббри принялся излагать подробности предстоящей юридической процедуры. Он объяснил, что, согласно законодательству штата Миссури, с момента ареста у полиции было двадцать часов на получение ордера по обвинению Тома в двойном тяжком убийстве первой степени. Полиция должна была представить свои доказательства окружному прокурору Сент-Луиса, Нельсу Моссу, за которым оставалось право оценить, достаточно ли они веские. Мосс слыл в городе одним из лучших прокуроров и брался за самые громкие уголовные дела. Скорее всего, он захочет лично выступать на процессе, что, по мнению Фаббри, не сулило Тому ничего хорошего, – тот сумеет представить сторону обвинения в наиболее убедительном виде.

– Я понятия не имею, какие доказательства намерена

представить ему полиция, но, если у них найдется хоть что-то существенное, мистер Мосс наверняка выпишет ордер, – сказал Фаббри.

– Ясно, – кивнул Том. – А что будет потом?

– Если полиция получит ордер, то тебя продержат здесь до понедельника. В понедельник ты предстанешь перед окружным младшим судьей – он зачитает тебе пункты обвинения и примет решение о возможности выпустить тебя под залог. Убийство первой степени – это тяжкое преступление, поэтому под залог тебя, вероятнее всего, не выпустят. Том, я хочу, чтобы ты понемногу привыкал к мысли, что тебе придется провести здесь некоторое время. Суд может состояться через год или даже позже, и до тех пор тебя вполне могут продержать в тюрьме. Понимаю, как трудно с этим смириться, но ты должен постараться. Только так мы сможем работать слаженно и двигаться вперед. Знаю – это нелегко.

Том положил руки на стол перед собой; спокойствие, подобие которого ему вернул сон, стремительно его покидало. От голоса Фаббри, доносившегося с той стороны стекла, вдруг пахнуло холодом. Ощущение спокойствия как будто вытекло из мозга и поползло по телу куда-то вниз, образовав под подошвами лужу и явно вознамерившись сбежать из тюрьмы, бросив его здесь. У него вдруг замерзли и затряслись руки; пальцев ног он вообще не чувствовал, словно они заледенели; одновременно его охватил жар.

– Как идут поиски? – отрывисто спросил он.

– Прошу прощения?

– Мои сестры – их нашли? Нашли хоть какие-то следы Джулии и Робин? – В голосе Тома сквозило отчаяние.

– Мне очень жаль, Том, – покачал головой Фаббри.

– Просто… – выдавил Том, заранее краснея от того, что будет выглядеть законченным эгоистом. – Просто если бы их нашли… Если бы хоть одна из них выжила, она бы им рассказала, и мне… – Он закрыл лицо руками. – О господи… – пробормотал он, чувствуя, как по щекам катятся первые за тот день слезы.

Тинк и Кэти хотели пойти к Джинне и отказывались понимать, почему их туда не пускают. Они не понимали также, почему так накалилась обстановка в семье, после того как против Тома выдвинули обвинение в убийстве Джулии и Робин. Джин и Кэй были единодушны в том, что их дочерям нечего делать в доме Джинны: из-за Рика и других родственников, которые недостаточно хорошо знали Тома, чтобы с недоверием отнестись к заявлениям полиции. В этой сложной ситуации Джин и Кэй

решили не навязываться Джинне – ради ее же спокойствия. Зато в дом на Фэйр-Эйкрес-Роуд зачастили, сменяя друг друга, многочисленные дядюшки, тетушки и двоюродные братья и сестры.

Тинк и Кэти их регулярные, но краткие визиты мало утешали. Им хотелось быть рядом с Джейми и Джинной, особенно, когда девушек все же найдут. Надежда на это еще оставалась, тем более что дни стояли теплые и солнечные. На один из местных телеканалов позвонил неизвестный и сообщил, что видел посреди реки, чуть южнее моста Чейн-оф-Рокс, на острове Мозентайн, двух девушек. Полицейские сразу сказали родным, что радоваться рано: будь эти сведения надежными, они получили бы их раньше прессы. Но вся семья жила одной надеждой, и этот слух взволновал каждого. В то утро многие обитатели обоих домов разошлись по углам, встали на колени и, сложив руки, истово молились, чтобы слух оказался правдой.

Время тянулось медленно, словно липкий густой сироп. Родственники курсировали из дома в дом, обменивались какими-то репликами, но, по сути, не видели и не слышали друг друга. Все просто ждали. С Петит-Драйв – на Фэйр-Эйкрес-Роуд и обратно. От колоды карт на журнальном столике – до ванной, чтобы в очередной раз расстаться с содержимым желудка, и обратно. От Нинтендо – к часовым выпускам новостей и обратно.

И каждый старался не замечать отсутствия двух громких живых голосов – тех, что раньше смеялись, шутили, убеждали и порицали, отчего мир вокруг становился чище и правильнее.

На другом конце города, в главном управлении полиции, Нельс Мосс сидел, закинув ногу на ногу, и просматривал лежавшую перед ним папку с документами. Несмотря на седые волосы и зажатую в углу рта трубку, Мосс выглядел моложе своих сорока восьми лет. Хорошая физическая форма, аккуратно подстриженные борода и усы – он больше напоминал академика, чем прокурора, и пользовался безупречной репутацией. Ассоциация адвокатов Миссури считала Мосса талантливым юристом, придерживающимся строгих моральных принципов. В полицейском отделении Сент-Луиса его безмерно уважали и наградили прозвищем Босс Мосс. Сержант Николс и детектив Ричард Тревор молча сидели по другую сторону стола и ждали, что он скажет. Они не сомневались, что ордер он выпишет, но знали, что торопить этого человека не стоит.

– Ну хорошо, что конкретно у вас на него есть? – спросил наконец Мосс, глядя в глаза Николсу.

– Э-э… – начал тот. – Строго говоря, улик у нас пока нет, но

есть признание.

– Что ж, этого вполне достаточно, – произнес Мосс. – Письменное или видеозапись?

– Э-э, вообще-то нет. Ни того, ни другого.

– Значит, есть аудиозапись, – подсказал Мосс.

Николс покачал головой и посмотрел на насупленного Тревора:

– Э-э-э… Не совсем так.

– Это значит, что признания у вас нет, – резко сказал Мосс. – Что точно он сказал?

– Ну… – Вспоминая разговор с Томом, в результате которого тот «признался», Николс понурил голову, как провинившийся школьник. – Он сказал: «Если вы считаете, что это сделал я, то на здоровье – это был я».

Мосс сидел, крепко сцепив на столе руки. Дослушав Николса, он захлопнул папку, оттолкнул ее от себя и встал, собираясь уходить.

– У вас нет улик, – сказал он. – Нет признательных показаний, нет тел, нет свидетелей… У вас нет ничего. Отпускайте парня. И бросьте все силы на поиск пропавших девушек. Вернетесь, когда у вас будет хоть что-то, с чем можно работать.

* * *

Красная бандана Джулии все еще была повязана на правом запястье Тинк. Она полулежала в глубоком дедушкином кресле и слушала на плеере Саймона и Гарфанкела, стараясь избавиться от чувства зияющей пустоты. В наушниках заиграла *Bridge over Troubled Water*[3] – что за злая ирония судьбы! – и Тинк потянулась ее выключить, но тут зазвонил телефон. Весь дом замер, и стало ясно, что до этого в нем бурлила жизнь. Казалось, даже птицы на деревьях за окном захлопнули клювы и затаили дыхание; остановились на ходу колеса детских велосипедов; зависли в воздухе капли воды из автоматической поливалки по соседству. Весь мир замер.

Тинк перевалилась через подлокотник кресла и помчалась к телефону, но обнаружила, что отец ее опередил – он уже держал возле уха трубку. Стояла оглушительная тишина. Губы отца шевелились, но Тинк не слышала ни звука. Кэти и Кэй тоже прибежали на звонок и остановились рядом, вцепившись друг в друга. Молитвы, возносимые в тот момент на кухне, были, наверное, самыми торопливыми, самыми искренними и самыми

пламенными из всех, что когда-либо достигали небес.

Первым звуком, нарушившим сгустившуюся тишину, стал стук опущенной на аппарат трубки. Лицо Джина приобрело не поддающееся пониманию выражение. Он побледнел и выглядел испуганным и ошеломленным.

– Его выпускают! – наконец крикнул он, давая волю слезам радости и облегчения. Он потряс головой, словно не веря собственным словам. – Его отпускают. Прокурор рассмотрел запрос на ордер и сказал, что у них нет доказательств.

Джин сжал в ладонях лицо жены. Кэй не могла произнести ни звука – у нее дрожали губы. Тинк схватилась за голову и разрыдалась; подняв глаза к потолку, она всхлипывала: «Спасибо, спасибо!» Кэти бросилась к ней, и сестры от счастья упали на пол.

Том узнал о своем освобождении последним. Первый из многих, как он думал, дней в тюрьме казался ему вечностью. Он никогда не страдал клаустрофобией, но в зеленой камере со скудной металлической мебелью чувствовал себя сардиной в жестяной консервной банке. Он мерил ее ногами, тщетно пытаясь вообразить, что выберется отсюда не скоро. Он старался глубоко дышать и вытягивал руки и ноги, словно желал удостовериться, что места хватает хотя бы для этого. Помогало плохо.

К обеду он почти смирился с мыслью о том, что, как предупреждал утром Фаббри, застрянет в тюрьме надолго. Когда угрюмый тюремщик принес ему поднос, на котором стояли тарелка с сосисками и фасолью и неизменный бумажный стаканчик чуть теплой воды, Том остро пожалел, что вместо него не явился давешний уборщик. Тот хотя бы производил впечатление человека, с которым можно поболтать. Том с отвращением смотрел, как надзиратель неловко просовывает бумажный стаканчик через прутья решетки и ставит его на каменный пол камеры.

– Колы мне, конечно, не положено? Может, хоть стакан льда дадите?

Том привык начинать день хотя бы с чашки кофе, и дефицит в организме кофеина уже давал о себе знать звоном в голове.

– Никакого стекла в надзорной зоне, – буркнул тюремщик.

Судя по всему, логичных ответов, почему нельзя дать арестанту колы или льда, неважно, в какой таре, у него не было. Впрочем, Том и сам уже расхотел продолжать с ним разговор. Подняв с пола хлипкую пластиковую тарелку, он молча принялся за сосиски с фасолью. Тюремщик молча удалился. Том прикончил свою порцию за несколько минут, мгновенно пожалев о том, что не растянул трапезу, – процесс еды позволял убить время. Теперь

ему вновь было нечем заняться.

Периодически он ложился на зеленую металлическую койку и проваливался в сон. Просыпался он с ощущением, будто проспал целую ночь. Резко садился и свешивал с койки ноги, в глубине души надеясь увидеть добродушное лицо уборщика.

Но какой-то частью сознания, еще не утратившей связи с реальностью, он понимал, что спал совсем немного и сейчас, должно быть, только час или два пополудни, – ужин ведь пока не приносили. Родители Тома придерживались правила садиться за стол в строго определенные часы, что ужасно злило Тома и его сестер. Странно было думать, что это их пристрастие к рутине сейчас помогало ему не потерять рассудок. Впрочем, Том ждал не только ужина, но и кое-чего поважнее – новостей об ордере. Ужас, в то утро поселившийся у него в груди, успел проникнуть в самое его естество. Ему было страшно до дрожи, но тем не менее не терпелось узнать, что с ним будет. Он хотел определенности. Стоило ему подумать об этом, как у него скрутило желудок, и он заставил себя переключиться на другие мысли.

Вскоре он в очередной раз уснул. Ему снилось, что они с Джулией едут в «шершне», только у машины откидной верх, и с потолка не свисают лохмотья обивки. Пола в автомобиле тоже не было, и им с Джулией приходилось нести его на себе, как в мультике про семейку Флинтстоунов. Не было и приемника, но это никого не печалило – на заднем сиденье звонко пела Робин. Они смеялись и подставляли лица ласковому ветру, а машина несла их по пустому, залитому солнцем Старому мосту Чейн-оф-Рокс…

На сей раз Тома разбудило громкое звяканье ключей и звук приближающихся шагов. Вернувшись в реальность, он встал с койки и потянулся. Тюремщик, открывший дверь камеры, мотнул головой, молча призывая Тома следовать за ним; тот подчинился. Счастливый сон таял на глазах, вытесняемый ужасом происходящего наяву. Том около минуты шагал за охранником, прежде чем рискнул осторожно поинтересоваться:

– Ко мне пришел адвокат?

– Нет, – коротко ответил тюремщик.

– Тогда в чем дело? Что-то с ордером?

– В общем, да. Окружной прокурор перенес рассмотрение запроса на ордер.

Том не понял, что это означает на практике, и ждал дальнейших объяснений.

– Тебя выпускают, – выдавил наконец тюремщик, не пытаясь скрыть отвращения.

Том замер.

– Выпускают? – недоверчиво переспросил он.

– Ну, – подтвердил тюремщик. – Давай, двигай.

Лицо Тома перечертила кривая улыбка; он хотел сделать вдох, но не мог. Он покраснел, хватая открытым ртом воздух. У него закружилась голова, а тело стало легче перышка. Ему показалось, что оно неудержимо растет и вот-вот заполнит собой все пространство освещенного холодным светом коридора, а если Том упадет на колени, то пробьет покрытый линолеумом пол. Он даже хотел опереться на надзирателя, но вовремя опомнился и прислонился к кирпичной стене. Он одновременно плакал и смеялся, закрывая лицо руками.

– О господи! – сквозь слезы простонал он. – Спасибо, спасибо, спасибо!

– Я-то тут при чем? – не принял его благодарности тюремщик.

Собрав волю в кулак, Том заставил себя успокоиться и выпрямиться.

– Это я уж точно не тебе, – ответил он, вложив в свой голос всю скопившуюся в душе ненависть. Он задрал подбородок как можно выше, но был не в силах помешать слезам стекать по щекам. Он не стыдился этих слез. Он их заслужил.

– Ну так веди меня из этой чертовой дыры, – лишь сказал он.

Тома выпустили из тюрьмы без грохота фанфар. Бесчисленными одинаковыми коридорами тюремщик вывел его в очередную комнату с плексигласовым окошком, где ему выдали несколько анкет. Когда он их заполнил, ему вернули шнурки и ремень и открыли перед ним зарешеченную дверь, отделяющую тюремный блок от остальной части здания. Том вышел; тюремщик молча закрыл ее за ним и по длинному коридору направился в обратную сторону.

Примерно минуту Том стоял на месте, размышляя, что ему теперь делать. Он предполагал, что его будут встречать – либо Фаббри, либо родители, либо целая семейная делегация. Но в небольшом помещении, похожем на зал ожидания, никого из них не было, и он понятия не имел, как ему выбраться из здания. Почти все стулья пустовали, и лишь на одном сидел пожилой чернокожий мужчина, который, возможно, кого-то ждал. Его лицо было изборождено морщинами, напоминающими линии улыбки; в руках он крутил пачку ментоловых сигарет.

– Простите, не угостите сигареткой? – спросил Том, подходя ближе.

Мужчина посмотрел на Тома.

– У-у, сынок, – широко улыбнулся он. – Да одной тебе

маловато будет, как я погляжу.

Он засмеялся глубоким хрипловатым смехом курильщика, вручил Тому наполовину полную пачку сигарет и протянул для пожатия руку.

– Спасибо, сэр, – пробормотал Том.

Он пожал протянутую руку и быстро отвернулся, чтобы не смущать мужчину своими благодарными слезами. Тот так никогда и не узнает, как много он своей щедростью сделал для Тома, почти потерявшего веру в человечество. «После всего этого кошмара меня должна удивлять доброта незнакомых людей», – подумал он. Наверное, что-нибудь в этом роде сказала бы Джулия с ее утешительной наивностью…

Том вышел из комнаты. В душе у него росла тревога. Здание кишело полицейскими, настроенными к нему откровенно враждебно; вряд ли они сильно обрадуются, узнав, что его отпустили на свободу. Том не желал ни секунды лишней оставаться здесь, давая им возможность вымещать на нем свою ненависть. Он вспомнил, что вчера сюда приводили двоих из четверки нападавших, чтобы они посмотрели на него через особое прозрачное зеркало. Том до сих пор не догадывался, что полицейские его попросту обманывали: никого из нападавших в участке и в помине не было. Зато его страх случайно столкнуться с ними в коридоре был вполне реальным.

Он понял, что должен отсюда уходить, и как можно скорее. Том петлял по бесконечным коридорам, пока наконец не увидел застекленные двери, сквозь которые пробивался дневной свет. Он почти бегом направился к ним, то и дело оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что никто за ним не гонится. Но люди вокруг занимались своими делами и разговорами и не обращали на него никакого внимания. Это его немного успокоило, но скорости он не сбавил. Добравшись до дверей, он распахнул их, выскочил наружу и побежал, несмотря на боль – острую в бедре и ноющую во всем теле. Сидя в заточении, он почти не двигался и не замечал этих болезненных симптомов.

Скатившись вниз по ступенькам, он бегом, даже не глядя по сторонам, перелетел через улицу; к счастью, был выходной, и машин на дороге в этот дневной час было мало. На тротуаре он наконец остановился. Огляделся, еще раз удостоверился, что никто его не преследует, и присел на бордюр, немного передохнуть и подумать. Когда он опускался на тротуар, правое бедро пронзила жгучая боль, заставив его поморщиться. Постепенно боль утихла, и Том попытался оценить свое положение.

Он находился где-то в центре Сент-Луиса, в деловом

квартале. Народу вокруг было немного. По солнцу он определил, что сейчас между тремя и четырьмя часами дня. У него не было при себе ни пенни, а на выходе из участка никто его не встретил. Фаббри, помнится, утверждал, что семья стоит за него горой и готова поддерживать его во всем, а отец вчера вечером обнял его у лифта с такой нежностью… После этого он не разговаривал ни с тем, ни с другим. Но не могли же они его просто бросить? За последние два дня жизнь Тома сделала столько крутых поворотов, что он уже ни в чем не был уверен. Неужели они и впрямь считают его убийцей? Может, родители решили обрубить с ним всякую связь и предоставить ему в одиночку выпутываться из ужасной истории, в которую он их втянул? Том видел единственный способ это выяснить – позвонить по телефону.

Оглядевшись, он понял, что сидит на парковке; неподалеку стояла телефонная будка. Он заковылял к ней, стараясь аккуратнее передвигать поврежденную ногу. Только подойдя к телефону, он сообразил, что у него нет четвертака, но вспомнил, что есть такая вещь, как звонок за счет абонента. Но по какому номеру звонить? Адрес бабушки с дедушкой он знал наизусть, а вот номер телефона… Обычно он звонил не им, а от них. К тому же их номер знала Джулия, и если надо было предупредить родителей, что он задерживается, он просил позвонить ее. Том прижал к уху трубку и дрожащей рукой набрал 411.

Через минуту оператор соединила его с телефоном по указанному адресу. Бабушка Полли сняла трубку на втором гудке.

– Бабушка? – спросил он, но его заглушил голос оператора.

– Звонок за счет абонента от Тома, принимаете? – гнусаво осведомилась она.

– Конечно! – ответила бабушка Полли, заставив сердце Тома скакнуть от радости.

– Бабушка? – повторил он. – Я на свободе. Меня выпустили, и я не знаю, куда идти. Никто меня не встретил, а денег на такси у меня нет, и неизвестно, где его здесь ловить. Назад в участок я не пойду – вдруг они опять посадят меня за решетку или…

Том говорил быстро, без пауз. Не будь он так взволнован, ему наверняка сделалось бы совестно за свой детский лепет.

– Послушай меня, деточка, все хорошо, – успокоила его бабушка Полли. – Папа с мамой за тобой уже едут. Нам позвонили всего пятнадцать минут назад, и они сразу помчались, так что совсем скоро будут на месте. Сиди там и никуда не уходи, слышишь? Насчет участка не волнуйся. Боишься идти туда – не ходи, верь своей интуиции. Без причины ты бы не испугался. Оставайся на месте – они тебя обязательно найдут.

Том слушал, нервно поддевая пальцем наклейку в уголке телефонного аппарата; слезы безудержно катились по его щекам. Слова бабушки проливались на его душу бальзамом. Любовь и нежность, сквозившие в них, глушили все его страхи. Он знал, что пора вешать трубку, потому что звонок за счет абонента стоил астрономических денег.

– Хорошо, бабушка, я буду ждать здесь. Тогда, наверное, пока – звонок-то за счет абонента, – сказал он. Несмотря на все его усилия, его голос предательски дрожал.

– Что, вот так сразу? – шутливо осведомилась бабушка Полли. – То есть ты сбегаешь из дому, попадаешь в такую передрягу, а теперь не хочешь даже поболтать со мной по телефону? У тебя там что, важная встреча? Настолько важная, что тебе некогда рассказать бабушке, что с тобой случилось?

Том облегченно засмеялся. Она чувствовала его беспокойство и не собиралась вешать трубку, даже если бы этот звонок обошелся ей в половину всех ее сбережений.

– Не помню, Томми, говорила я тебе или нет, но я начала учиться танцевать электрик слайд. И у меня уже получается! Показывала вчера дедушке в гостиной. Он сидел в своем любимом кресле, а я заставила его отложить газету, включила кантри и станцевала. Обожаю танцевать! А ты знаешь такой танец?

– Э-э-э, нет, бабуль, не слышал, – ответил Том.

Он прекрасно понимал, что она старается его отвлечь, но образ бабушки, отжигающей под песню Гарта Брукса, настолько его поразил, что он засмеялся. Бабушкина тактика сработала – вместо того чтобы думать о том, что он стоит в одиночестве на полузаброшенной парковке со сломанным бедром, порушенной жизнью и мыслями о двух погибших двоюродных сестрах, он смеялся.

– Значит, решено – как доберешься до дома, я тебя научу танцевать электрик слайд. А когда один из моих внуков надумает жениться, ему устроят пышную свадьбу, а мы с тобой спляшем! Что скажешь?

– Скажу, что звучит классно, бабуль, – искренне ответил Том.

Родители Джина и Джинны, дедушка Джин и бабушка Мария, как раз в то утро благополучно добрались из Флориды в Сент-Луис. Дедушка Джин обладал непререкаемым авторитетом. В молодости он семь лет проучился в католической духовной семинарии, а затем встретил Марию и влюбился в нее. Ухаживал он за ней недолго, но настойчиво, и вскоре они поженились. Джин не стал священником, занявшись вместо этого торговлей в

компании по производству сельскохозяйственной техники, но его пламенная вера в Господа нисколько не пошатнулась, и хотя он отказался от духовной карьеры ради семейного счастья, детей он воспитал в строгом соответствии с традицией Римской католической церкви. Даже сейчас, несмотря на преклонный возраст и артрит, для каждого из своих восьми детей он оставался образцом силы, целеустремленности и ума. Это мнение разделяли также его друзья и коллеги. Дети ждали его в Сент-Луисе, надеясь, что с его приездом вся эта трагедия закончится. В каком-то смысле они тоже верили в детское заклинание: «Волноваться не о чем – папа все починит».

Безупречная честность, неукоснительное следование деловой этике и предпринимательский успех создали дедушке Джину отличную репутацию в бизнес-кругах Сент-Луиса. Его знали, уважали и даже восхищались им. Дедушка Джин обожал рассказывать забавные истории, иллюстрируя их с помощью подручных средств. Например, сидя за обеденным столом, он брал нож – это была «улица» – и ставил рядом «дома» – солонку и перечницу. Иногда он так увлекался этими построениями, что забывал, о чем собирался рассказать, зато, когда вспоминал историю и доводил ее до конца, наградой ему был дружный смех слушателей. За долгие годы жизни он не потерял способность улыбаться, взгляд его пронзительных голубых глаз ничуть не помутнел, и он все так же пользовался этим «инструментарием», чтобы очаровывать свою Марию.

Ранним утром Кевин забрал дедушку Джина и бабушку Марию из аэропорта, отвез их в местный отель «Марриотт», а оттуда – к Джинне. Первым делом Джин-старший отвел Джинну в сторонку, чтобы поговорить с ней с глазу на глаз и дать ей выплакаться, после чего засел за телефон. Весь следующий час он обзванивал знакомых по Сент-Луису, список которых выглядел весьма внушительно. У дедушки Джина были друзья в береговой охране, в полицейском отделении и в правительстве. У него имелось также несколько знакомых в руководстве бейсбольного клуба *Cardinals*, хотя он пока не понимал, чем они в данный момент могут помочь. За какой-то час он запустил гигантскую машину по сбору информации, спасательным работам и прочим полезным вещам. Он хотел убедиться, что для розыска его пропавших внучек делается все возможное.

* * *

Зарулив на полупустую парковку и еще не успев затормозить

фургон, Джин и Кэй с удивлением увидели, что сын, прихрамывая, уже направляется к ним. Они предполагали, что его продержат в участке, пока за ним не приедут. После кратких, но бурных приветствий со слезами и объятиями все трое сели в фургон и поехали прямиком в офис Фрэнка Фаббри. Том засыпал отца вопросами – он переживал за родственников и хотел знать, как они справляются с трагедией, и Джин на ходу ему отвечал.

– Я должен как можно скорее увидеться с Джинной, – произнес Том, когда фургон завернул в проезд, служивший Фаббри парковкой.

Джин ненадолго задумался, но понял, что решать в любом случае не ему.

– Хорошо, – просто сказал он в ответ.

Фаббри провел Кэй и Джина в комнату напротив своего кабинета, обставленную похожей мебелью, выдал обоим по большому желтому блокноту и по несколько ручек и попросил описать все, с чем они столкнулись за последние сорок восемь часов. Ему нужен, сказал он, максимально подробный рассказ об их взаимодействии с полицией с прошлого утра и до этой самой минуты. При необходимости, добавил он, они могут воспользоваться телефоном. Затем он вместе с Томом вернулся в свой кабинет и закрыл дверь – им предстоял долгий и детальный разговор. Кэй принялась строчить в блокноте, а Джин первым делом подошел к телефону и набрал номер Джинны. Трубку взял его отец.

В свои сорок шесть лет Джин, обращаясь к отцу, по-прежнему говорил «сэр». Дедушка Джин внимательно выслушал сына, который объяснил, что Фаббри настоял на встрече с Томом, прежде чем тот попадет домой, что Том хочет видеть Джинну и что на обратном пути они забросят его к ним.

– А я вызову сюда Тинк и Кэти, – сказал дедушка Джин.

Джин открыл было рот, чтобы возразить, сославшись на Рика, но осекся – спорить с Джином-старшим было бесполезно. Тот почти всегда оказывался прав, и Джин-младший резонно полагал, что так будет и на этот раз. Так или иначе, отец принял решение и не собирался его менять. Они еще не закончили разговор, а кто-то из родственников уже выехал за сестрами на Фэйр-Эйкрес-Роуд.

Солнце клонилось к закату. На домик Джинны на Петит-Драйв, битком набитый народом, наползали сумерки. Тинк сидела на диване в гостиной со своей кузиной Дэнни Тэсс и ждала Тома. Вчера вечером им сказали, что он едет домой, а потом выяснилось, что его арестовали. Облегчение, которое все

почувствовали, узнав, что Тома освободили, постепенно сменялось беспокойством – за окном смеркалось, а Тома все еще не было.

Когда из-за угла наконец показался и покатил под кронами росших вдоль дороги деревьев синий фургон, Тинк пихнула в ногу сестру. Обе вскочили и прижались лицами к оконному стеклу. Это не ускользнуло от внимания дедушки Джина, который велел им идти встречать брата, а остальных членов семьи попросил собраться на кухне, чтобы им не мешать.

Тинк схватила сестру за руку; от напряжения у обеих свело судорогой внутренности. Фургон тем временем повернул к дому; за рулем сидел отец, на сиденье рядом с ним – мать. Задние окна были задернуты синими занавесками. Кэти крепче сжала руку Тинк. Обе взмолились, чтобы, когда откроется задняя дверь фургона, из нее вышел их брат.

Наконец фургон остановился. Родители отстегнули ремни безопасности. Губы у них не шевелились – очевидно, в фургоне царило молчание. Но уже в следующий миг задняя дверь фургона со скрипом отворилась, и они увидели Тома – тот, еще даже не ступив на землю, нашел глазами сестер, послал им ободряющую улыбку и осторожно шагнул с высокой подножки. Он двигался, как старик, – спустил на асфальт сначала одну дрожащую ногу, затем другую и лишь потом, прихрамывая, направился к сестрам, забыв закрыть за собой дверцу фургона. Когда он подошел ближе, они смогли его рассмотреть: потрескавшиеся от обезвоживания губы; грязные спутанные волосы, склеенные речным илом; ползущие по плечам вши – память о ночи, проведенной в тюрьме. Он силился улыбнуться, но от усталости лицо плохо его слушалось, и тогда он просто протянул к ним руки. Тинк и Кэти прильнули к нему, и все трое дали наконец волю слезам. Сестры и брат стояли обнявшись и всхлипывали.

– Как я люблю тебя, Том! – наперебой повторяли Тинк и Кэти. – Слава богу, ты дома.

– Я тоже люблю вас, девчонки, – отвечал Том, зарываясь лицом им в плечи.

Глава двенадцатая

Встреча Тома с Джинной была короткой, но душераздирающей. Они просидели на диване в гостиной не больше пятнадцати минут, сплетя руки и не сдерживая слез. Джину и Кэй хотелось поскорее отмыть сына и уложить спать, но они покинули гостиную, давая Тому и Джинне побыть наедине. Джинна утешала его, и, видит бог, Том в этом нуждался.

– Я знаю, что ты не сделал ничего плохого, – сказала она. – Бедный… Но ничего, мы справимся.

Краем сознания, преисполненного облегчения и благодарности, он дивился тому, что она его утешает. Встав с дивана, он склонился над дрожащей Джинной, которая гладила ему лицо, и шепнул ей что-то на ухо – эти слова предназначались ей одной, – поцеловал ее в лоб, вышел из дома и, прихрамывая, направился к фургону.

Начиналась еще одна длинная ночь, вторая ночь без Джулии и Робин. Несмотря на тающую с каждым часом надежду, что они живы, никто не мог решиться окончательно признать их гибель, пока не увидел тел. Время тянулось бесконечно, словно увязая в густом тумане. В ту ночь тоже никто, кроме Тома, не мог уснуть. Зато он спал так крепко, что все остальные, глядя на него, словно набирались сил.

* * *

Воскресное утро седьмого апреля 1991 года началось для Каммингсов с очередного газетного заголовка, внушавшего лишь отчаяние и тоску. Первая полоса «Сент-Луис Пост-Диспэтч» сообщала: «Подозреваемый в убийстве двух девушек отпущен на свободу; поиски продолжаются». Имя Тома продолжали чернить.

Он сидел за столом на бабушкиной кухне, заново открывая для себя наслаждение от первой утренней чашки кофе, и осторожно листал газету. Заголовок заставил его скривиться, а каждая новая страница, каждый абзац текста и каждый снимок причиняли ему физическую боль. В конце концов это ему надоело, и он не стал дочитывать статью, в которой его называли «подозреваемым», а потому пропустил следующий пассаж: «С вечера пятницы полиция разыскивает владельца обнаруженного на мосту большого ручного фонарика с гравировкой «Хорн 1». Сержант Дэн Николс из отдела уголовных расследований заявил в субботу, что личность владельца фонарика установлена. На

вопрос о том, удалось ли полиции с ним связаться, сержант отвечать отказался».

Внимание Тома привлекла небольшая колонка, посвященная стихам Джулии. Двоюродная сестра улыбалась ему с фотографии, размещенной под заголовком «Пропавшую девушку вспоминают как талантливую поэтессу». Том вздрогнул: перед глазами снова встала картина падения Джулии с моста. Автор колонки цитировал университетского преподавателя, у которого Джулия занималась английским: по его словам, она была «самой многообещающей из его студентов». «Это и я мог бы вам сказать», – подумал Том. Ниже напечатали отрывок из ее стихотворения:

Живя истертыми рукописями
И зачитанными любовными письмами
Мы знали что будет
Мы его дожидались
Писали о нем пророчества
На салфетках в уютных кафе
Раскрашивали мелками
На тротуарах

Том перечитывал эти строчки раз за разом, пока не опустела его чашка кофе. Он знал эти стихи – Джулия прислала их ему в одном из писем. Разумеется, в газете они были напечатаны типографским шрифтом, а не выведены каллиграфическим почерком Джулии, но чувства будили те же самые. Лишь когда стоящие у него в глазах слезы начали грозить стихотворению Джулии полным уничтожением, Том закрыл и отложил газету. Пару минут он просто тихо плакал, но к его горю примешивался страх: он все еще числился подозреваемым.

Искать Ричардсона детективам Тревору и Брауэру практически не пришлось. Они прибыли в квартал, где жил парень, рано утром, когда одни его обитатели выползали из дому в халатах, чтобы взять газету, а другие, облачившись в лучшие костюмы, вели семьи в церковь. Патрульная машина без опознавательных знаков тихо катила по Нортвудсу, стараясь, впрочем безуспешно, не вызвать у прохожих подозрений. Баркен и Эджвуд припарковались у перекрестка, проверили адрес свидетеля и вылезли из машины.

Они не меньше двух минут стучали в дверь, прежде чем она приоткрылась и над цепочкой появилось заспанное лицо Ричардсона.

– Антонио Ричардсон? – спросил детектив Тревор.

– Ага, – ответил тот.

Тревор достал бляху и сунул ее под нос прищурившемуся парню.

– Полиция Сент-Луиса. Мы хотим с вами поговорить. У нас есть основания полагать, что вы являетесь ключевым свидетелем по делу, которое мы расследуем. Откройте дверь, пожалуйста.

Ричардсон громко зевнул и захлопнул дверь. Тревор и Брауэр обменялись встревоженными взглядами, но тут же услышали звяканье откидываемой цепочки. Через секунду Ричардсон открыл дверь. Не потрудившись пригласить детективов войти, он развернулся и поплелся к дивану, на котором, судя по всему, спал. Из одежды на нем были лишь помятые трусы и футболка. Он сел, откинувшись на спинку дивана, и прикрыл голые ноги вязаным шерстяным пледом. Ричардсон потянулся и снова зевнул; он вел себя как типичный шестнадцатилетний подросток, которого меньше всего обрадовало вторжение полицейских, разбудивших его в воскресное утро. Детективы вошли в комнату вслед за парнем и закрыли за собой дверь. Они держались официально, но позволили Ричардсону слушать их вопросы, сидя вразвалку на диване.

– Антонио, тебе известно что-либо о фонарике с гравировкой «Хорн 1»?

На секунду Ричардсона охватила паника, заставившая его проснуться гораздо быстрее, чем неожиданный стук в дверь. Он едва заметно выпрямился, лихорадочно соображая. «Они что-то знают, иначе бы их тут не было», – думал он. И понимал, что хоть в чем-то придется сознаться.

– Ну да, – промямлил он. – Это мой фонарик. Пару дней назад я потерял его на мосту.

– Потому-то мы и здесь, Антонио. Мы не собираемся обвинять тебя в том, что ты украл фонарик у мистера Уайтхорна. Но мы знаем, что в четверг вечером ты был свидетелем происшествия на мосту Чейн-оф-Рокс, и хотим, чтобы ты нам немного помог.

Антонио поерзал на диване и, опираясь на руку, наконец сел прямо. Прикусив губу, он ненадолго задумался, теребя пальцами выбившуюся из пестрого пледа нитку. Детективы молча ждали.

– Ладно, хорошо, – решился Ричардсон. Посмотрел на детективов и продолжил: – Вообще-то я могу кое-что рассказать. Я знаю, что там случилось. Могу вам помочь.

– Ты готов дать показания? – уточнил Брауэр.

Ричардсон кивнул. Он переоделся в чуть менее мятую футболку и синие джинсы и сказал, что готов ехать с Тревором и Брауэром в полицию. Из дома он вышел молча, а когда Брауэр открыл для него заднюю дверь патрульной машины, низко

опустил голову. Он быстро забрался внутрь и съехал вниз, сколько позволяло сиденье. Тревор с Брауэром недоумевали, то ли у парня с осанкой было так же плохо, как с воспитанием, то ли он пытался спрятаться от глаз соседей. Учитывая, что он ехал давать показания по делу о возможном убийстве, это тоже не исключалось.

Ричардсон угрюмо смотрел в окно. Он уже знал, что скажет на допросе, оставалось обдумать детали. Он собирался выложить в полиции правду, но не всю. Он сдаст им Марлина Грея и его двоюродного брата Регги Клемонса. Свалит вину за преступление на них. Наврет, что испугался, потому что они пригрозили его убить, если он кому-нибудь проболтается. Скажет, что молча стоял в стороне, боясь вмешаться, – их было двое, и они старше. А вот имени Дэнни он не упомянет, потому что тот сломается сразу. Ричардсон понимал, что, если копы заметут Дэнни Уинфри, они с легкостью выбьют из него всю правду, и тогда пиши пропало.

«Все будет путем, – твердил он себе. – Как-нибудь выкручусь».

Впервые в жизни Тинк и Кэти не набросились на Тома за то, что он надолго занял ванную. Том провел под душем больше часа, тер мочалкой тело, вымыл шампунем голову, побрился. Купленный Кэй в супермаркете шампунь от вшей успешно справился со зловредными тюремными насекомыми, поселившимися у него в шевелюре, но Том, уже одетый в воскресный костюм, все равно чувствовал себя не слишком чистым – из зеркала на него по-прежнему смотрел слегка облагороженный бродяга. После всего, чему подверглись, хоть и не по его воле, волосы Тома, они не желали ложиться ровно и торчали в разные стороны. Краснота вокруг глаз никуда не пропала, как и ощущение щетины на щеках и грязи на теле, несмотря на то, что кожа у него скрипела от чистоты. Покачав головой, Том выключил свет и вышел из ванной.

Наверху его терпеливо ждала вся семья: сестры, родители, бабушка и дед.

– Готов, сын? – спросил Джин.

Тот собрался с духом и кивнул.

Первыми в церковь вошли бабушка Полли и дедушка Арт. Том не мог не думать о них. Сколько такта, смелости и милосердия они проявили! Он, хромая, двинулся за ними; по бокам от него шагали Тинк и Кэти, обе с высоко поднятой головой. И все-таки, пока они вели его к скамье и помогали сесть, он заметил в их глазах следы слез. За ними шли Кэй и Джин. Все семеро встали и опустились на колени для молитвы. Кэй достала из сумочки пачку бумажных носовых платков – в них нуждались

все члены семьи. Наконец Том, перекрестившись, сел обратно; сестры присоединились к нему.

Никогда еще Тинк и Кэти не окружали его такой трогательной заботой, но Том чувствовал себя не в своей тарелке. На самом деле его смущала необходимость присутствия в многолюдном месте. После того как его отпустили, он слишком часто видел на экране телевизора свое лицо, обычно сопровождаемое такими эпитетами, как «предполагаемый убийца» и «подозреваемый». Том был уверен, что прихожане церкви тоже видели эти кадры и смотрят на него с опаской и отвращением. Впрочем, если эти люди ходят в церковь, может быть, они не будут торопиться его осудить? Может быть, у него приступ паранойи? Может быть, не все из них считают его убийцей? Но он заметил, что некоторые, встречаясь с ним взглядом, спешат отвести глаза… Он глубоко вздохнул и постарался сосредоточиться на службе.

Священник говорил с мягким среднезападным акцентом, и его голос убаюкивал Тома. Все-таки он еще не полностью восстановился. Как продержаться целый час, не заснув и не опозорив всю семью? Надо было придумать какой-то трюк, который поможет ему не отключиться. И тут Тинк пихнула его в бок, показала свои ладони и принялась загибать пальцы, как в детской считалке. Обычно в конце она вносила в традиционную версию некоторые изменения, например поднимала средний палец и наносила им апперкот себе в челюсть. Том взглянул на сестру, на лицо которой падали розово-сине-зеленые отсветы витража, – она показала ему язык и улыбнулась. Том хихикнул. Если священник, стоявший от них футах в четырех, и заметил что-то, то не подал виду. С другого конца скамьи им подмигнула бабушка Полли. Том немного приободрился.

После нескольких часов допроса Ричардсона, записанного на две пленки, расследование приняло новое направление. До офицеров убойного отдела полиции Сент-Луиса начало доходить, что Том Камминс говорил им правду. Ричардсон подтвердил его казавшийся невероятным рассказ, но главное – назвал имена и адреса. Он был знаком с двумя из нападавших, Марлином Греем из Уэнтзвилла и Реджиналдом Клемонсом из Нортвудса. Про третьего парня, описание которого дал Том, Ричардсон ничего не знал. Он признал, что тот присутствовал на месте преступления, но настаивал, что он ничего не делал. Зачинщиками были Клемонс и Грей, именно они изнасиловали и убили девушек.

– Ты же не мог не видеть ни одного выпуска новостей за последние два дня. Ты знал, что девушки пропали без вести и

вероятно погибли. Знал, через что пришлось пройти тому парню, Каммингсу. Если ты знал все это и знал, кто все это сотворил, почему не обратился в полицию? – надавил на него Брауэр, выключив диктофон.

– Боялся, – пожал плечами Ричардсон.

«Не больно-то ты пугливый, как я погляжу», – подумал, качая головой, Брауэр.

– Антонио, мы хотим, чтобы сегодня днем ты поехал с нами на мост. Мы будем снимать видео, а ты подробно изложишь последовательность событий. Что скажешь?

– Ладно, – ответил Ричардсон.

Оставшись в одиночестве, Ричардсон потянулся и заложил руки за голову. Он даже рискнул едва заметно улыбнуться. Он был уверен в том, что сыграл безукоризненно. Он дал полицейским именно то, что они хотели получить, и отвел от себя все подозрения. Почему бы не отправиться с ними на мост и не повторить под видеозапись выдуманную версию преступления? На самом деле он уже и сам начинал верить в собственное вранье и постепенно вживался в роль напуганного зрителя. Все шло как по маслу.

Когда полиция прибыла в Нортвудс арестовать Реджиналда Клемонса, Ричардсон сидел дома, закинув ноги на журнальный столик, и лениво переключал телевизионные каналы. На часах было шесть вечера, и по всем передавали новости. В одной из программ показали фотографию мрачного Тома Каммингса. Пресса не поспевала за развитием событий, и его все еще называли «предполагаемым убийцей». Ричардсону это было неинтересно – он продолжил прыгать по каналам, надеясь поймать телешоу или что-нибудь в этом роде.

Для всех Каммингсов и Керри тот день выдался не менее напряженным, чем предшествующие, и тянулся так же долго. Они ходили в церковь, и в каждой церкви Сент-Луиса священники призывали прихожан помолиться за Джулию и Робин Керри. Когда накануне вечером Том с родителями покидали офис Фаббри, тот их предупредил:

– Я знаю, какое огромное облегчение вы сейчас испытываете, и это очень хорошо. Но имейте в виду, что дело еще не закрыто. Формально ты, Том, все еще являешься основным подозреваемым, и полиция по-прежнему ищет доказательства твоей вины. Как только они найдут хотя бы одно тело или какие-нибудь улики, тебя снова арестуют.

Том кивнул, но слова адвоката заставили его похолодеть. Подумать только, всего неделю назад он больше всего боялся

высоты, а теперь его приводила в ужас перспектива оказаться за решеткой по обвинению в убийстве собственных кузин. Вот почему, если остальные члены семьи проводили то воскресенье в молитвах, надеясь на успех поисков, Тома раздирали противоречивые чувства. Обе семьи понимали, что на данном этапе вероятность найти хотя бы одну из девушек живой стремится к нулю и с каждым часом тают шансы обнаружить хотя бы тела. Джинне нужна была определенность, а Тому оставалось надеяться на невозможное. Он искренне желал Джинне добра, но не сомневался: как только найдут тела, его снова арестуют. Он не понимал, о чем ему молиться, – просто старался держать себя в руках и верить в чудо.

Ранним вечером у Каммин сов зазвонил телефон, и все вздрогнули. За последние два дня это уже вошло у них в привычку. Позднее в психиатрии этот феномен получит название «обостренной стартовой реакции». Но в тот момент Каммин сы знали одно: телефонный звонок означает новости, то есть новую боль, надежду и ужас.

– Джин! – позвала с кухни бабушка Полли. – Звонят из полиции, хотят с тобой поговорить!

Все замерли. Полицейские что-то нашли, подумал Том. Побледневший Джин поднялся с дивана и, пошатываясь, направился на кухню к телефону. Проходя мимо Тома, он не смотрел сыну в глаза. Тинк и Кэти вцепились друг в друга, сдерживаясь, чтобы не разреветься. Том с видом загнанного зверя переводил взгляд с сестер на мать и обратно. Его била крупная дрожь. Кэй, единственная из всех, не отвела от него глаз.

– Я туда не вернусь, – тихо сказал Том. – Не вернусь. Я убегу. Я не вернусь туда ни за что. Даже не просите. Я не могу. Мне туда нельзя! Я этого не делал!

С каждым словом он повышал голос; когда Кэй подошла к сыну и положила руки ему на плечи, он был на грани истерики. Она села рядом.

– Мы не собираемся ни о чем таком тебя просить, милый, – спокойно сказала она. – Давай пока просто подождем. Узнаем, что они скажут, хорошо? Постарайся успокоиться.

Том потряс головой, вскочил с дивана и принялся мерить комнату шагами, стараясь по возможности не напрягать больное бедро. После падения с моста Том так и не был у врача и не знал, что бедро болит потому, что оно сломано. Физический дискомфорт волновал его меньше всего.

Джин говорил по телефону не дольше двух минут. Вернувшись в комнату, он почти улыбался и открыл было рот, но замешкался. Еще пара секунд понадобилась ему, чтобы облечь

мысль в слова. Том пребывал в состоянии, близком к агонии.

– Они арестовали одного из парней, – начал Джин. – Не знаю, как они его нашли, но сегодня они взяли одного из тех четверых… Видимо, он признался. И почти дословно повторил все, что рассказал Том.

Том отвел взгляд от лица Джина и плюхнулся рядом с матерью на синий диван. Сложив руки на коленях, он уставился куда-то в пространство, пытаясь осмыслить услышанное. Он понятия не имел о том, что полиция подозревала еще кого-то, кроме него. Теперь он сможет смыть грязь со своего имени. До этого он и надеяться не смел, что полиция отыщет хоть одного из четверых негодяев. Кэй обняла его за плечи; сестры вскочили со своих мест и бросились к нему; он стоял, словно оглушенный. В ушах у него звенело; мир вокруг казался искривленным, а время будто замедлило свой ход. Наконец радостные крики родных прорвались сквозь эти странные пробки, и он разрыдался в объятиях матери и сестер.

Джин вышел из комнаты, а затем вернулся с двумя бутылками холодного пива. Он оторвал Тома от смеющихся и одновременно плачущих Тинк и Кэти и протянул сыну одну бутылку. Сестры обменялись ошарашенными взглядами, но Кэй вовремя окинула их строгим взглядом: никаких комментариев. Да, отец только что лично дал их брату настоящее, а не безалкогольное пиво. Это было невероятно. Джин снова открыл рот и снова не нашел нужных слов – слишком многое ему хотелось сказать. Девятнадцатилетний Том поднялся с дивана и обнял отца.

– Я знаю, пап, – сказал он.

Однако всеобщая эйфория вскоре утихла, сменившись чувством вины за минутную радость – вестей о Джулии и Робин все еще не было. И все же следующий час на телефоне дался Джину намного легче, чем все его разговоры за минувшие два дня. Вначале он позвонил Джинне, затем отцу и остальным братьям и сестрам, каждый раз слыша в ответ одно и то же:

– Ох, слава богу.

Из шестичасовых новостей стало ясно, что пресса явно не в курсе того, что полиция сняла с Тома подозрения. Сюжет этой трагедии открывал все до единого местные новостные выпуски. По четвертому каналу показали интервью с Джейкобсмейером.

– Полиция утверждает, что Камминс пытался изнасиловать одну из своих двоюродных сестер. Она упала с моста, а другая бросилась ее спасать. Полиция по-прежнему настаивает на этой версии происшедшего? – спросил журналист.

– Да, именно так, – ответил Джейкобсмейер.

– Завтра утром поиски пропавших девушек продолжатся, – подытожил репортер. – Тем временем Каммингсу, по словам полиции, разрешили вернуться в Мэриленд.

Каммингсы смотрели интервью с каменными лицами. Они знали, что совсем скоро, вероятнее всего уже в одиннадцатичасовых новостях, правда всплывет наружу, но им от этого было не легче.

Помириться с Евой оказалось труднее, чем рассчитывал Грей, но его природное обаяние, как всегда, восторжествовало. Грей был не из тех, кто, совершив ошибку, рассыпается в извинениях и пытается загладить свою вину. Он рассудил так: Ева либо простит его, либо нет, и все. Разумеется, вскоре конфликт сам собой забылся, и в тот воскресный вечер они уже ехали в гости к Майку и Крисси – развеяться, в точности как два дня назад, когда Грей с приятелями убили Джулию и Робин.

Стук в дверь в начале десятого никого особенно не удивил. Двери дома Майка и Крисси были открыты для многочисленных друзей и знакомых, которые чаще всего приходили запросто, без приглашения. Майк отдал свой бокал жене и пошел открывать. Первым, что он увидел, были значки детективов Уолша и Тревора.

– Полиция Сент-Луиса, – представился Тревор. – Мы ищем Марлина Грея.

Сбитый с толку, Майк машинально отступил на пару шагов назад, позволив детективам в штатском и нескольким полицейским в форме и с оружием в руках войти в дом, не дожидаясь приглашения.

– Э-э… – проблеял Майк. – Он, это… Он в ванной.

Майк осторожным кивком указал в сторону ванной. Не слишком искушенный в общении с представителями полиции, он все же сообразил, что в присутствии такого количества вооруженных офицеров разумнее не делать никаких резких движений.

Ева и остальные стояли в гостиной, разинув рты и наблюдая, как около полудюжины полицейских идут по коридору в сторону ванной. Грей действительно был там и не имел ни малейшего представления о том, что происходит. Кто-то выключил телевизор. В воцарившейся в доме почти гробовой тишине один из полицейских постучал в дверь ванной. Грей пробормотал нечто невразумительное, но выходить не спешил.

– Полиция! – крикнул Уолш. – У вас есть пять секунд на то, чтобы выйти с поднятыми руками!

Грей молчал. Уолш кивнул стоящему ближе всего офицеру,

тот дернул ручку, и дверь открылась. Трое полицейских быстро вошли в маленькую ванную, схватили ошарашенного Грея, быстро обыскали и надели на него наручники.

– Какого хрена?! – возмутился тот. – Что происходит?

– Вы арестованы по обвинению в двойном тяжком убийстве первой степени, – ответил Тревор.

Офицеры повели Грея к распахнутой входной двери; Ева шла за ними. Грей обернулся к ней, изогнув шею:

– Ева, детка, я не знаю, что случилось, но ты должна позвонить моей маме. Скажи ей, что мне нужен адвокат.

Ева, похоже, лишившаяся дара речи, молча кивнула. Вслед за процессией она вышла из дома и остановилась на лужайке, остолбенело глядя, как полицейские заталкивают ее парня на заднее сиденье патрульной машины. С ее и без того бледного лица схлынул последний румянец, даже губы побелели. Грей не обернулся к окну, чтобы помахать ей.

Тому категорически не нравилась идея ужинать в ресторане, но дедушка Джин умел настоять на своем. Шестичасовые новости свели на нет радость, вызванную сообщением об аресте одного из нападавших. Никто уже не понимал, кому верить. Пресса говорила одно, полиция – другое, при том что за последние сорок восемь часов оба источника полностью себя дискредитировали.

Том не находил себе места. Ему отчаянно не хотелось идти в «Красный лобстер». Ему вообще не хотелось выходить из дома. Ему не хотелось думать о полиции, о перспективе вновь оказаться за решеткой и об окружающих, считающих его убийцей-психопатом. Он бы предпочел остаться один и оплакать Джулию и Робин. Он бы лег на пол, завернулся в вязаный бабушкин плед и плакал, пока не уснет. Когда попытки Джина уломать сына ничего не дали, в ход пошел дипломатический талант дедушки Арта.

– Том, ты пойми, – сказал он. – Твои дед и бабка прилетели сюда из Флориды, чтобы побыть рядом и поддержать тебя. Мы провели с тобой целую неделю, а они тебя почти не видели. Мне кажется, они имеют полное право украсть тебя на пару часов. Я знаю, что тебе этого совсем не хочется. Кстати, не уверен, что этого так уж хочется им самим. В том-то и проблема – сейчас никому ничего не хочется. Но есть все равно надо, а ужин в ресторане – ну… Он нужен твоему деду, чтобы показать, что он любит тебя и верит в тебя. Так что соглашайся.

И Том, преодолев свое беспокойство, согласился. Он не очень надеялся, что ему удастся спрятаться от любопытных глаз – стол на семь человек в укромный уголок не приткнешь. Но он точно не ожидал, что сидеть вместе с родственниками придется за

огромным столом посреди зала. Неловко прихрамывая, он шел за официанткой, изо всех сил стараясь не обращать внимания на остальных посетителей, которые при виде его замирали на полуслове или роняли от неожиданности вилки. Он опустился на свое место за столом и малодушно прикрылся от чужих взглядов большим меню.

Дедушка Джин повесил трость на спинку стула и сел рядом с внуком. Положил свою крупную, искривленную артритом руку Тому на локоть и посмотрел на него своими пронзительными голубыми глазами. Том на пару дюймов опустил меню. Они не обменялись ни словом, но каким-то образом взгляд деда придал Тому сил.

Тинк по-прежнему дома ничего не ела, а потому поход в ресторан не вызвал у нее возражений. Единственная из Камминсов, она терпеть не могла морепродукты. Остальные члены семьи заказывали крабовые клешни, креветочный коктейль, устрицы и рыбу, а Тинк, сдерживая рвотный рефлекс, взяла себе бургер. В ожидании заказа все тихо переговаривались, хотя настроения болтать ни у кого не было и беседа не клеилась. Им принесли две корзинки с горячими сырными булочками, которые опустели чуть ли не за минуту – Тинк досталась одна благодаря Кэй, которая успела схватить ее для дочери и положить перед ней на тарелку.

– Попробуй-ка, – сказала она. – Думаю, тебе понравится.

Тинк с подозрением оглядела лежащую на тарелке булочку с золотистой корочкой. С вечера четверга она почти ничего не ела и пугала Кэй своими ввалившимися щеками. Правда, сейчас она впервые за все эти ужасные дни почувствовала что-то вроде аппетита. Отломив от булочки кусочек, она осторожно отправила его в рот. Как вкусно. Она мгновенно расправилась с булочкой. Кэй ошарашенно смотрела на опустевшую тарелку:

– Хочешь еще?

Тинк кивнула. Кэй потянулась к корзинкам, обнаружила, что они пусты, но это ее не обескуражило. Дочь снова начала есть! Она хочет сырного хлеба? Значит, будет ей сырный хлеб! Кэй оглядела зал, высматривая их официантку. Той нигде не было видно, зато к соседнему столику подошла другая официантка с целым подносом свежих сырных булочек. Кэй улучила момент, когда та отвернулась, стащила одну булочку и с триумфальным видом положила на тарелку дочери.

– Спасибо, мам, – рассмеялась Тинк.

– Эй, а мне? – возмутилась Кэти, с завистью глядя на булочку сестры.

– Тоже хочешь? – спросила Кэй.

Кэти кивнула, и тут подал голос Том.

– Мам, я тоже хочу, – попросил он.

Кэй ухмыльнулась и снова обратила взгляд на официантку с булочками. Посетители за ее столиком собирались сделать заказ; чтобы его принять, рассудила Кэй, она поставит поднос на стол. Так и вышло. Официантка подошла принять заказ и опустила поднос на подставку в паре футов от Кэй. Та не стала терять время даром: встала, гордо подошла к подносу, взяла его, раздала булочки всем желающим за своим столом и водворила поднос на место. Младшие Каммингсы прыснули от смеха при виде официантки, обернувшейся к пустому подносу. У всех сидящих за столом поднялось настроение.

– Мама, ну ты и хулиганка! – засмеялась Кэти, когда сбитая с толку официантка отошла от них подальше.

– Точно, – поддержала сестру уплетавшая третью булочку Тинк. – Теперь семейство Каммингсов можно считать организованной преступной группировкой.

– Берегись, мам, скоро за тобой придут. Мать крадет хлеб! – притворно ужаснулся Том. – Ничего удивительно, что у нее вырос такой сын.

Всеми сидящими за столом в «Красном лобстере» владело странное чувство: они ели, шутили и смеялись, тогда как Джулия и Робин все еще числились пропавшими без вести. Общее веселье длилось недолго. Вскоре за него наступила расплата: тяжкое сознание вины, характерное для каждого, кто выжил в катастрофе. Улыбки сменились скорбью. Хлебные крошки на тарелке Тинк постепенно намокали от слез; у нее снова пропал аппетит.

Глава тринадцатая

Грей сидел в допросной номер два на том же стуле, на котором недавно сидел Том, и с пустым выражением лица смотрел на стоящий на столе тот же пленочный диктофон. Ночка выдалась долгой. Первым на записи слышен голос детектива Паппаса, объявляющего время и дату: пять с минутами восьмого апреля 1991 года. Затем Паппас зачитал Грею его права и задал вопрос о его причастности к ограблению, изнасилованию и убийству сестер Керри, а также к нападению на Тома Камминса. Грей отвечал усталым, глубоким, монотонным голосом, лишенным эмоций.

Брауэр едва сдерживал отвращение к Грею, который холодно и равнодушно рассказывал, что делал с сестрами Керри в последние часы их жизни. Сознаваться в убийстве он упорно отказывался. Он признал вину в изнасиловании, однако клялся и божился, что понятия не имеет, каким образом девушки оказались в реке. Разумеется, никто ему не поверил, но получить признание в изнасиловании было лучше, чем не иметь ничего, и детективы решили записать его на пленку. Дача признательных показаний длилась около сорока минут и завершилась без десяти шесть утра в понедельник.

После провального дебюта, когда полиция Сент-Луиса располагала лишь парой сомнительных улик и единственным психологически травмированным свидетелем, убойный отдел наконец-то напал на след преступников. Теперь у них было два записанных на пленку признания – Клемонса и Грея, – и они намеревались арестовать еще двух подозреваемых. Узнав, что их сдал Ричардсон, Грей и Клемонс отплатили ему той же монетой, и тот из свидетеля превратился в подозреваемого.

Пока Паппас и Брауэр допрашивали Грея, Джин Камминс уже второй раз за неделю паковал вещи. Вдруг его пронзила мысль о том, что на сей раз не будет никаких шутливо-слезливых прощаний в исполнении Джулии и Робин, и он резко прервал работу. В руках он держал чемодан Кэти, который собирался втиснуть между остальными, когда из-за слез перестал видеть багажный отсек. Джин развернулся и присел на задний бампер, чтобы немного успокоиться.

Стояло свежее утро; первые лучи рассвета окрашивали Фэйр-Эйкрес-Роуд в сиреневый цвет. На лужайке показался Том со своим чемоданом. Шагая к фургону, он кивнул полицейским, сидевшим в патрульной машине на той стороне улицы, – их из

соображений безопасности приставили к семье Камминс, пока те не покинут Сент-Луис. Полиция еще не до конца разобралась в этом странном деле, но одно было ясно: пресса так постаралась очернить имя Тома, что копы опасались за его жизнь.

Том молча помогал отцу укладывать вещи в фургон; Бларни обнюхивала траву, подыскивая местечко, чтобы справить нужду. Закончив с багажом, Джин и Том вернулись в дом. Джин сел за кухонный столик бабушки Полли, где его ждала чашка крепкого черного кофе. Он знал, что пора увозить семью домой. Девочкам надо было возвращаться в школу, а ему не терпелось вывести Тома из-под юрисдикции местной полиции. Тот все еще горел желанием сотрудничать с полицией и помогать следствию, но Джин видел, что сыну необходимы эмоциональная разрядка и время, чтобы смириться с гибелью двоюродных сестер. Прошедший Вьетнам Джин хорошо усвоил, что человека нельзя лишать возможности оплакать потерянных близких. Зная это, он надеялся, что его детям не придется столкнуться с этим, но последняя неделя все изменила. Он понимал, что их жизнь никогда уже не будет прежней; по лицу Тома он видел, что тот за несколько дней из мальчика превратился в мужчину. И все-таки никому из Каммин сов не хотелось покидать Сент-Луис, словно они предчувствовали, что больше никогда не смогут сюда вернуться.

Мысли Джина прервал звонок в дверь. Его электронные часы показывали начало седьмого – рановато для гостей, подумал он, поднимаясь из-за стола. Остальные члены семьи, уже готовые отправиться в путь, все, как один, замерли на месте. Пока отец открывал дверь, Тинк и Кэти выглянули в окно и узнали остановившуюся перед домом машину Джинны. Ее владелица стояла у порога, укрытая густыми предрассветными тенями. В руках она нервно комкала бумажный носовой платок; губы ее дрожали. Джин отступил на шаг и впустил ее внутрь, под теплый свет лампы.

– Я зашла попрощаться, – начала она и не сумела сдержать слез.

Младшее поколение Каммин сов сгрудилось вокруг нее, чтобы обнять и поцеловать. Она по очереди взяла руки каждого в свои и каждому посмотрела в глаза.

– Будут похороны, – сказала она. – Не сейчас, конечно, а когда найдем девочек. Я знаю, что вы вряд ли сможете приехать, но хочу вас спросить. Вы знали их лучше всех, а на похоронах будет музыка. Мы хотим поставить записи их любимых групп. Поможете выбрать?

Трое младших Каммин сов торжественно кивнули; их лица

блестели от слез. Они чувствовали себя удостоенными великой чести и в который раз поражались Джинне. Даже в таком невообразимом горе у нее хватало сил поддерживать других.

– Робин как-то описывала мне свои идеальные похороны, – продолжила Джинна. – Я тогда неприятно удивилась: откуда у ребенка такие мрачные мысли? Но теперь… Теперь я думаю: как хорошо, что я знаю, чего ей хотелось бы…

Робин было девять лет, когда в школе они обсуждали тему смерти. В отличие от большинства детей Робин нисколько не боялась говорить об этом. Несмотря на юный возраст, она примирилась с мыслью о том, что однажды ее не станет. В тот день, придя домой, она спокойно и серьезно заявила:

– Мама, я умру молодой. Хочу, чтобы ты знала, что делать, когда это случится.

Джинна была потрясена до глубины души.

– Робин, что ты такое говоришь? – воскликнула она, схватила дочь и крепко прижала к себе, пытаясь сдержать слезы ужаса, на которые способна лишь мать.

– Не плачь, мамочка, – сказала Робин. – Я больше не буду так говорить.

И несколько лет держала обещание. Но когда ей исполнилось четырнадцать, она снова подняла эту тему.

– Слушай, мам, я правда не хочу тебя расстраивать, – начала она. – Но нам с тобой надо обсудить кое-что важное. Пожалуйста, просто выслушай. Будет трудно, но ты постарайся дослушать до конца, и я обещаю, что больше никогда об этом не заикнусь.

То, что дальше сказала Робин, напугало Джинну до дрожи, но ради дочери она выдержала все. Тогда она и не догадывалась, что всего через несколько лет будет благословлять судьбу за то, что этот разговор с дочерью состоялся.

Джинна поняла, что у Робин есть чувство, вернее предчувствие, что она умрет молодой, и это ее не пугает. Она примирилась с этой мыслью и не боялась смерти. Ей лишь хотелось оставить в этом мире, прежде чем она его покинет, свой след. Она надеялась, что ее будут вспоминать, желательно с улыбкой на лице. Остальное ее не заботило.

Она просила Джинну строго-настрого запретить близким приходить на ее похороны в черном – она хотела, чтобы там было много ярких красок и воздушных шаров. Чтобы играла веселая музыка и люди пели о том, что было ей дорого при жизни. Чтобы ее друзья рассказывали смешные истории и пускали мыльные пузыри. Чтобы никто не плакал.

Робин обняла и поцеловала мать, поблагодарив за то, что та ее выслушала. Теперь, пять лет спустя, Джинна стояла рядом с

братом и его детьми, сознавая, что ее любимых дочерей больше нет. Они уже трое суток числились пропавшими без вести, но Джинна все никак не могла примириться с мыслью о том, что они уже никогда не вернутся. Ей казалось, что тот разговор с Робин был чуть ли не вчера. Она слишком явственно помнила, как дочь обнимала ее и с каким облегчением посмотрела на нее, убедившись, что мать ее поняла.

Тинк и Кэти старались не плакать, но, стоило Джинне заговорить о похоронах, обе разревелись. Джинна сгребла племянниц в охапку, и все три дали волю слезам. Немного успокоившись, она попрощалась с Кэй и Джином. Напоследок она повернулась к Тому и крепко его обняла.

Она одарила всех слабой, но храброй улыбкой, и Джин проводил ее до дверей. Пять минут спустя семейство уже сидело в синем фургоне. На прощанье все помахали бабушке Полли и дедушке Арту, которые, держась за руки, стояли на крыльце опустевшего дома. Джин посигналил патрульной машине; полицейские завели двигатель и покатили перед фургоном, намеренные выполнить свое задание и обеспечить безопасный проезд покидавшей Сент-Луис семьи Камминс через Новый мост Чейн-оф-Рокс.

Младшее поколение расположилось в задней части фургона – Тинк и Кэти сидели рядом в одноместных креслах, а Том занял длинное заднее сиденье. Шторы на окнах были отдернуты, пропуская в салон яркие лучи утреннего солнца. Через пятнадцать минут они уже ехали по Новому мосту Чейн-оф-Рокс, мимо гигантского старого стального монстра, даже при свете дня казавшегося темным и зловещим.

Тинк прислонилась к стеклу, запотевшему от ее дыхания.

Один из друзей Грея, Роберт Тронкалли, работал ночным грузчиком в местном «Уолмарте» и, пока вся округа мирно спала, усердно разгружал фуры. Он привык вставать поздно, так что открывать дверь, в которую кто-то позвонил около половины одиннадцатого утра понедельника, поплелся, недовольно зевая.

Детектив Уолш назвал Тронкалли себя и своего напарника, Стюарта, и сообщил, что Марлин Грей арестован по подозрению в убийстве. Они должны произвести в доме обыск на предмет наличия улик. Мгновенно проснувшийся Тронкалли без лишних вопросов дал согласие на обыск. Голова у него шла кругом; ему не верилось, что Марлин Грей и впрямь совершил те убийства, которыми так беззаботно и вроде бы в шутку хвастался у него на вечеринке пару дней назад. Тронкалли буквально остолбенел.

Детектив Стюарт раскрыл блокнот и начал задавать Тронкалли вопросы о его взаимоотношениях с подозреваемым;

Уолш тем временем приступил к поискам зеленых швейцарских часов, которые Грей спрятал в кресле. Тронкалли в немом изумлении наблюдал, как Уолш стаскивает и перетряхивает подушки мягкой мебели в гостиной. Встав на колени, детектив по локти запустил руки в нутро дивана, но ничего не нашел. Покончив с диваном, он аккуратно вернул на место подушки и перешел к другим предметам мебели, приподнимая и осматривая каждый.

Тронкалли честно пытался сосредоточиться на вопросах, которые задавал ему Стюарт, но его отвлекал двигавший мебель Уолш. Обыск ничего не дал, и детективы покинули дом так же быстро и неожиданно, как пришли. Плюхнувшись в свое любимое кресло, Тронкалли рассеянно вертел в руках оставленную детективами визитку – те просили позвонить, если он обнаружит дома что-то необычное. Несколько минут он сидел в тишине, обводя взглядом комнату, словно прикидывал, где могут скрываться улики. На другом конце гостиной, где-то в глубине кресла, по-прежнему лежали зеленые швейцарские часы Тома Камминса, которые Уолш едва не задел при обыске рукой.

Когда домой вернулась его жена, Кендра, Тронкалли рассказал ей о визите детективов. Он все еще не отошел от шока. Кендру новость об аресте Грея потрясла не меньше его.

– А здесь-то они что забыли? – спросила она. – Что им от нас нужно?

– Искали какие-то улики, – объяснил Тронкалли. – Вроде бы Марлин в ту ночь на мосту забрал у того паренька, Камминса, часы. Если они их найдут, приобщат к делу в качестве вещественного доказательства. Понятия не имею, с чего они вдруг решили, что эти часы здесь. В голове не укладывается…

Кендра встала из-за стола и поцеловала мужа в щеку. Она тоже не понимала, что происходит, но позволить себе сидеть и раздумывать об этом не могла – ее ждало много дел. Она начала разбирать принесенные из магазина пакеты. Тронкалли по-прежнему сидел за кухонным столом, тупо глядя на оставленную детективами визитку.

Кендра рассортировала продукты и собралась заняться другими домашними делами. Тронкалли уже вышел с кухни и задумчиво расхаживал по лужайке перед домом. Кендра, все еще пытаясь переварить услышанное от мужа, вытащила на середину гостиной пылесос. Рассеянно кусая губу, она потянулась к розетке за спинкой кресла. Пылесос загудел, заглушая бродившие у нее в голове неприятные мысли. Она навалилась на тяжелое кресло, чтобы сдвинуть его в сторону и пропылесосить под ним, когда ее взгляд упал на какой-то предмет, выглядывавший из-под мягкого

сиденья.

Она выключила пылесос и повернулась к креслу. Запустила руку под сиденье и вытащила странный предмет, который выпал у нее из рук и приземлился на ковре. Несколько секунд Кендра стояла, неприязненно глядя на лежащие у ее ног зеленые швейцарские часы Тома Камминса. Она смотрела на них с ненавистью – своим присутствием в ее гостиной часы доказывали, что Марлин Грей повинен в убийстве. Но она твердо знала, что должна сделать.

Кендра и Тронкалли сели рядом, и муж набрал номер с визитки.

– Детектив Стюарт? – начал Тронкалли и сделал глубокий вдох. – Кажется, мы с женой нашли улику, которую вы у нас искали.

В понедельник утренний выпуск «Сент-Луис Пост-Диспэтч» с заголовком «Арестованы двое подозреваемых по делу об убийстве двух девушек; полиция сняла обвинение с их двоюродного брата; дело принимает новый оборот». В статье кратко сообщалось об аресте двух новых подозреваемых, но имена Реджиналда Клемонса и Марлина Грея не упоминались.

Автор статьи задал Джейкобсмейеру вопрос о том, почему ранее Том Камминс якобы дал признательные показания. Джейкобсмейер ответил, что тот «очевидно находился после инцидента в состоянии аффекта». На момент выхода выпуска Марлин Грей провел под стражей меньше трех часов, и, несмотря на снятые с Тома обвинения, информация о его непричастности к преступлению поступала скудно и выглядела неубедительно. Общественное мнение Сент-Луиса не спешило встать на защиту Тома Камминса.

Дэнни Тэсс, как и ее двоюродной сестре Тинк, было шестнадцать, и она училась в средней школе Уэнтзвилла. Обладательница длинных светлых волос и ярко-голубых глаз, член сборной школы по футболу, среди сверстников она пользовалась популярностью. Ее мать Лайза, сестра Джина и Джинны, безумно гордилась своими тремя детьми – умными, спортивными, хорошо воспитанными. Дэнни хотела было уговорить мать разрешить ей в понедельник пропустить школу, но знала, что это бесполезно. Большую часть выходных она попеременно то загоралась надеждой, то впадала в отчаяние, и почти не спала. Как и все остальные родственники, она испытала огромное облегчение, узнав в субботу, что Тома освободили, а на следующий день два новых ареста обрадовали ее еще больше. Но

на душе у нее все равно скребли кошки, и ей меньше всего хотелось возвращаться к учебе. В то утро она пришла в школу усталой, взвинченной и глубоко несчастной.

Зато Дэнни Уинфри был счастлив, что наступил понедельник. Выходные выдались у него напряженными, и в школу Уэнтзвилла он шел с удовольствием. Его подруга, Аманда, еще не до конца осмыслила то, о чем он рассказал ей тогда в ванной, но видела, что ему явно плохо. Она старалась вести себя как обычно, используя классический прием: не буду об этом думать, и все само как-нибудь рассосется.

Уэнтзвилл был тихим районом, и новость об аресте Марлина Грея всполошила всю школу. Дэнни Тэсс чувствовала себя неуютно – она видела, что ее друзья стараются вести себя деликатно, но шепоткам у себя за спиной предпочла бы прямой открытый разговор о трагедии. Она твердо настроилась с достоинством выдержать учебный день и не позволить сомнительной славе, внезапно свалившейся на ее семью, отравить ей жизнь; все эти пересуды начали ее раздражать. Неужели люди не понимают, что их семейное горе важнее любых сенсаций? Она угрюмо захлопнула свой шкафчик, сдула с глаз челку и решительной походкой направилась на четвертый урок.

Детектив Уолш заслонил глаза рукой от слишком яркого полуденного солнца; они со Стюартом как раз остановили машину на парковке школы Уэнтзвилла. Сразу за ними затормозила еще одна машина, выпустив двух инспекторов по делам несовершеннолетних по округу Сент-Чарльз, и все четверо двинулись к зданию.

Несколько минут спустя Дэнни Тэсс, прижавшись вместе с одноклассниками к окну, наблюдала, как полицейские выводят из школы белокурого новенького в наручниках. Тот шагал между офицерами в форме, стыдливо опустив лицо. Тогда Дэнни еще не знала, что паренька зовут Дэниел Уинфри, и даже не догадывалась, что его арестовали за изнасилование и убийство ее двоюродных сестер.

Позднее в тот же день представителям прессы назвали имена Грея и Клемонса. К вечеру понедельника в кварталы, где проживали подозреваемые, буквально ринулись репортеры. Джеки и Шейла смотрели выпуск новостей на канале *NBC* в гостиной Джинны, испытывая сдержанное удовлетворение: наконец-то журналисты обратили свои камеры в нужную сторону. Репортеры опросили нескольких соседей Клемонса, и те единодушно изумлялись тому, что тихоня Клемонс, сын священника, арестован по подозрению в столь жестоком преступлении.

Особенно удивлялся сосед Клемонса Баффи Гарнетт:

– Он вроде казался неплохим парнем, знаете, таким спокойным. Не затворник, конечно, – любил компании, но и не буян. Я с ним буквально вчера виделся, и он сказал, что как раз нашел работу… Я и подумать не мог, что он способен на такое. Он всегда был таким милым и вежливым – в жизни бы не поверил, что он может вытворить такое.

Соседка Патриция Галли знала Клемонса с четырех лет и характеризовала его как «сдержанного и дружелюбного ребенка». На ее памяти он никогда не вступал в перепалки с другими детьми, не матерился, был учтив со взрослыми. По ее словам, он с малых лет вел себя по-джентльменски.

Другая соседка, Марделль Мекфессэл, рассказала, что Клемонс частенько помогал ей подстригать газон и выносил за нее мешки с палой листвой. «И ни разу ни гроша не взял за труды», – добавила она.

Соседи сокрушенно качали головами и делились своими мнениями о подозреваемых; их дети беззаботно гоняли по улице на велосипедах.

На своем крыльце сидела уставшая Ева в джинсах и мешковатом свитере. Улыбка на ее лице, очевидно, была проявлением защитной реакции. Рядом с ней пристроилась журналистка, Сандра Хьюс, одетая в серый костюм от дорогого портного. Женщинам явно было неуютно в компании друг друга, но необходимость удовлетворить любопытство публики не давала журналистке уйти.

– Я не одобряю того, что он сделал, – говорила Ева в поднесенный Хьюс микрофон. – Но я люблю его. Видимо, ему в последнее время приходилось труднее, чем мне казалось.

Реакция Евы удивила Хьюс, – обычно близкие подозреваемого утверждают, что не верят в его виновность – и она перебила девушку:

– Так как, по-вашему, – Грей виновен или нет?

Ева, нервно наматывавшая на палец прядь волос, запнулась и с той же вымученной улыбкой ответила:

– Честно говоря, зная Марлина, я бы сказала, что нет. Это не в его… Это совсем на него не похоже. Но факты… То есть говорят… Говорят, что, судя по всему, это правда был он.

Завершив интервью, Хьюс вернулась в студию. Ведущий новостной программы покачал головой:

– Знаешь, Сандра, в полиции говорят, что это самое запутанное и странное дело из всех, что они помнят. Чтобы направление расследования всего за пару дней так резко поменялось…

– Это да, – ответила Хьюс. – Просто невероятно.

Каммингсы уже покинули Сент-Луис и не имели возможности наблюдать за восстановлением доброго имени Тома. К четвергу, когда в очередном номере «Сент-Луис Пост-Диспэтч» капитан городского отделения полиции объяснял, что может заставить невиновного человека дать признательные показания, они уже вернулись в Гейтерсберг.

– К этому чаще всего склонны впечатлительные и слабохарактерные люди. Некоторые из них тушуются при взаимодействии с полицией, – вещал капитан, выгораживая своих подчиненных, хотя бы и за счет Тома.

Каммингсов от этих уколов надежно отделяли 850 миль. Их скорбь была слишком велика, чтобы обращать на них внимание, и они пытались хоть как-то склеить свой рассыпавшийся за несколько дней мир. Их поддерживали все знакомые. Соседи приносили еду и выпечку, друзья Кэй не разрешали ей готовить, а однажды трое из них заявились с щетками, тряпками и чистящими средствами и отмыли дом едва ли не до блеска. Не то чтобы он нуждался в генеральной уборке, но людям хотелось хоть чем-нибудь помочь несчастной семье.

– Мы всегда знали, что это не он, ни минуты в нем не сомневались, – в один голос говорили Джину знакомые в церкви. – Мы с самого начала были абсолютно уверены, что это чудовищная ошибка.

Коллеги Тома по пожарной части встретили его своим фирменным черным юмором и дружескими подколками, на какие способны лишь пожарные.

– Охренеть, ты вернулся! – с улыбкой поддел Тома лейтенант второго спасательного отряда. – А мы-то надеялись, что отделались от тебя!

Тинк и Кэти пришлось чуть труднее. Несмотря на теплые слова и поддержку близких друзей, в школе сестры не могли не замечать, как шушукаются у них за спиной одноклассники. В лицо им сочувственно улыбались, высказывали соболезнования, но, стоило им отвернуться, они слышали мерзкий шепоток. «Представляешь, их брат изнасиловал и убил двух двоюродных сестер», – ахали те, кто читал самые первые репортажи, а последних, в которых Тома оправдали, уже не видел. Пресса Гейтерсберга проявила себя с самой отвратительной стороны: новость о том, что местный пожарный убил своих двоюродных сестер, моментально появилась на первых полосах всех газет, а менее захватывающие сообщения о том, что преступление совершили четыре мерзавца, напечатали мелким шрифтом.

Тинк и Кэти носили в рюкзаках заранее составленные Джином заявления – на тот случай, если вездесущие репортеры накинутся на них в школе или на футбольной тренировке. Кэти очень помогла поддержка двух лучших подруг, с которыми она была знакома с детства, а Тинк, наоборот, замкнулась в себе и общалась по преимуществу со своим дневником. Сестры в значительной мере растеряли былой интерес к школе и вместо того, чтобы после тренировок болтать с друзьями и развлекаться, каждый день торопились домой, надеясь узнать хоть какие-то новости о двоюродных сестрах. Увлечения и проблемы друзей казались им мелкими и несущественными. Однажды Тинк не выдержала. Подруга пожаловалась ей, что «сегодня – худший день в ее жизни», потому что она получила плохую оценку за контрольную, сломала ноготь и поцарапала родительскую машину. Тинк зло глянула на нее и ответила: «Если это – худший день в твоей изнеженной короткой жизни, то считай, что тебе повезло».

Дни тянулись удручающе медленно, потихоньку сливаясь в недели; 850 миль, отделяющие Камминсов от Сент-Луиса, вместо ощущения комфорта и защищенности внушали чувство изоляции. Бабушка Полли собирала все связанные с делом газетные вырезки и каждую неделю отправляла их Кэй по почте. Дикое количество откровенного вранья о ее семье, публиковавшегося в те несколько недель, научили Кэй предельно критически относиться ко всему, что она читала. Правда, одна статья в «Пост-Диспэтч» ее обрадовала: в ней Джулию и Робин назвали «молодыми девушками, боровшимися против насилия и расизма». Зато статья от двенадцатого апреля, вышедшая под заголовком «Двое подозреваемых в изнасиловании заявили о жестоком обращении со стороны полиции», ее не в меньшей степени разозлила. «Кто бы говорил о жестоком обращении», – с горечью подумала она.

«Пост-Диспэтч» регулярно печатала статьи о жестоком обращении с подозреваемыми по этому делу, что все больше раздражало Кэй. Заголовок на первой полосе субботнего выпуска кричал: «Адвокат и мать заявляют об избиении подозреваемых: двое молодых людей обвиняют полицию в жестоком обращении». В воскресенье газета писала: «Друзья и родные защищают подозреваемых по делу об убийстве сестер. «Что-то здесь не сходится», – говорит отчим одного из задержанных». Обе статьи подробно рассказывали о личных качествах и увлечениях Грея и Клемонса, посвятив Джулии и Робин лишь по небольшому абзацу.

«В ночной прохладе над рекой Миссисипи плыли звуки музыки – это на Старом мосту Чейн-оф-Рокс пел Марлин Грей, –

так начиналась статья в воскресном выпуске. – По словам друзей, он любил ходить туда, чтобы петь и танцевать. Ему нравилось слушать эхо, а танцы были его страстью. Несколько лет назад он стал победителем проходившего в Сент-Луисе конкурса на лучшее исполнение танцев Майкла Джексона».

Друг Клемонса, Гарольд Уайтнер, отзывался о нем как «о хорошем парне, пытающемся найти свое место в нашем сумасшедшем мире».

«Хороший парень?» – недоумевала Кэй. Две ее племянницы погибли, ее собственный сын перенес тяжелую травму, одна из ее дочерей до сих пор чуть ли не до потолка подпрыгивает от телефонного или дверного звонка, а другая почти ни с кем не разговаривает и почти ничего не ест. Ее саму постоянно преследуют кошмарные видения, и не только во сне, но и наяву. И они еще имеют наглость заикаться о жестоком обращении! «Оставили бы меня с ними наедине на пять минут, – думала она. – Я бы им показала по-настоящему жестокое обращение».

Но самой тревожной была статья под заголовком «Поиск пропавших сестер может затянуться на несколько недель». Сунув эту вырезку под остальные, Кэй убрала свою «коллекцию» в уже довольно толстую папку. Со дня исчезновения племянниц прошло почти две недели, и надежда на то, что их когда-нибудь отыщут, таяла на глазах. Каждый день она ждала возвращения из школы Тинк и Кэти, зная, что первым их вопросом будет: «Новостей нет, мам?» Нет, новостей не было и могло не быть еще долго. Их могло не быть никогда.

К следующей партии вырезок Кэй подготовилась чуть лучше, да и содержание статей оказалось не таким удручающим. Первую страницу номера «Пост-Диспэтч» за понедельник пятнадцатого апреля украшала огромная цветная фотография, изображающая друзей Джулии и Робин, в обнимку стоящих на Старом мосту Чейн-оф-Рокс. Заголовок гласил: «Сестры считали мост особым местом: их тянуло к поэзии и к людям». Статья представляла собой панегирик в честь девушек; в ней даже цитировались стихи Джулии. Автор рассказывал об их общественной деятельности и альтруизме. Ниже шло интервью с Джинной, в котором та делилась своими любимыми историями из жизни дочерей, подчеркивая, какими активными и энергичными они были. Она вспомнила мантру Джулии: «Кто сказал, что мир нельзя изменить?»

«Робин обожала винтажную одежду, – писал, вполне справедливо, автор статьи, – она могла бы стать отличной моделью для «Коко Шанель». В самом деле, из Робин с ее высокими скулами, стройной фигурой и загадочным взглядом

получилась бы идеальная модель для «Коко Шанель». Правда, если бы ей об этом сказали, она, вероятно, закатила бы глаза в своем фирменном притворном ужасе.

Пока Кэй в Гейтерсберге листала газетные вырезки, Джинна сидела в своем опустевшем доме в Сент-Луисе, перебирая стихотворения Джулии. Она всегда была самой преданной поклонницей таланта дочери, но теперь испытала настоящее потрясение. Написанные Джулией строки словно накрывали ее теплым одеялом и казались до боли пророческими:

мы уже почти святые
но река только шире
мы не одолели и половины,
ей дела нет до наших забот,
реке – холодной, грозящей, безразличной, опасной,
эта вода – жизнь, крещение/возрождение, движущая
сила, изменчивое присутствие, растворитель
остальных растворов, – поглощает нас, она – это мы:
мы из нее состоим
так что если встать в воде и посмотреть на нее,
то закружится голова

но река еще и граница
за которой ждут неведомый край чужеземные народы
темный лес
и в то же время убежище
физическое и психологическое
от страха, вины, стыда, которые меня тут изводят.
получается, мосты – полезная штука? А если так,
почему мы не пользуемся мостами?
переход по мосту означает новую жизнь, и внутри,
и вовне, означает разрешение проблем
по дороге навстречу зрелости
а вброд переходят те, кто бежит от погони
или настолько оторван от мира, что не нашел
мост, или просто не знает
во что ввязался

Новость об обнаружении одного из тел вызвала у всех родственников смешанные чувства. Через три недели после происшествия рыбак из Карутерсвилла, штат Миссури, вытащил почти в двухстах милях от Сент-Луиса вниз по Миссисипи тело молодой женщины с золотыми часами *Seiko* на руке. На следующий день доктор Майкл Грэхэм, патологоанатом и

начальник бюро судебно-медицинской экспертизы Сент-Луиса, по записи зубной формулы установил личность Джулии.

Особого утешения семье эта новость не принесла. Общее настроение выразила Джинна. «Не знаю, почему, но я была уверена, что их найдут вместе, – сказала она. – Я почему-то не думала, что могут найти только одну».

Вопрос репортера о подготовке к похоронам вывел ее из равновесия:

– Я потеряла двух дочерей. Мы будем ждать, когда найдут Робин.

И они ждали. Так прошло еще три недели. Поиски Робин ничего не дали, и Джинна скрепя сердце согласилась похоронить Джулию.

Заупокойную мессу назначили на понедельник двадцатого мая в католической церкви святого Иеронима.

Джинна твердо решила исполнить волю Робин, и похороны были организованы как праздник, прославляющий их жизнь. Девочки точно были бы довольны. Народу собралось много, и в церкви все стояли; большинство, как их и просили, пришли не в черной траурной, а в яркой одежде. Всем выдали мыльные пузыри и пригласили не стесняться пускать их прямо во время службы. Надгробную речь произнес преподобный Джин Робертсон, у которого Джулия училась в школе.

– Возможно, этот мир просто не смог справиться с девочками Керри, – сказал он. – Возможно, мир просто оказался к ним не готов.

Свою речь он завершил призывом ко всем присутствующим проявить социальную активность и «подхватить знамя справедливости, которое несли Джулия и Робин, бороться с войной и насилием и помогать бездомным».

Перед окончанием мессы многие из собравшихся развернули выданные им на память о погибших девушках небольшие свитки пастельного цвета и увидели вот это.

ДЖУЛИЯ И РОБИН КЕРРИ

20 мая 1991

Эти строки взяты из плакатов и надписей на стенах их комнат.

В эти слова они верили.

По этим заветам они жили.

Дари миру лучшее от себя, и лучшее от мира придет к тебе.

ДАЙТЕ МНЕ ТОЧКУ ОПОРЫ, И Я ПЕРЕВЕРНУ ЗЕМЛЮ!

Лишь те, кто рискует зайти слишком далеко, способны узнать, какой путь они в силах пройти.

Скромное предложение по установлению мира во всем мире:

Пусть все христиане мира решат, что не станут больше убивать друг друга.

День, когда наши школы получат достаточно денег, а военному министерству придется устраивать ярмарки, чтобы собрать на новый бомбардировщик, будет поистине великим днем.

Если любовь идет от сердца, то откуда идет ненависть? Младенцы не умеют ненавидеть – их этому учат. Мораль проста: давайте перестанем учить наших детей ненависти и предрассудкам, поскольку то, чего они не узнают, не сможет навредить ни им самим, ни окружающим.

МИР ЕСТЬ ПАТРИОТИЗМ

Мир без понимания мира есть лишь молчаливая ненависть, а молчаливой войне нет конца, ибо она убивает изнутри.

Молчание = Смерть

ДАЙТЕ МИРУ ШАНС!

Мы не входим в будущее, мы создаем будущее

КТО СКАЗАЛ, ЧТО МИР НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ?

Джулию похоронили в тот же день в белоснежном гробу на кладбище Распятия в северном округе Сент-Луиса. В траурной автомобильной процессии участвовало более сотни машин; из окон многих автомобилей вылетали мыльные пузыри. На кладбище Джинна и Рик бросили на опущенный в землю гроб красные розы. На установленном чуть позднее надгробном камне выбито: «Керри Джулия, 16 декабря 1970 – 5 апреля 1991. Робин,

27 января 1972 – 5 апреля 1991. Любимые дочери, сестры и верные друзья. Мы безмерно вас любим».

Тело Робин так и не нашли.

Заголовок выпуска «Сент-Луис Пост-Диспэтч» за вторник 21 мая гласил: «Сестер Керри запомнят как неутомимых борцов за справедливость: люди скорбят по безвременно ушедшим девушкам». После этой публикации шквал статей об убийстве Джулии и Робин или «убийстве на мосту Чейн-оф-Рокс» стал постепенно стихать. Родных это одновременно радовало и печалило. Их горе, в отличие от внимания прессы к происшествию, не ослабевало. С одной стороны, Джинна чувствовала облегчение – наконец-то настырные журналисты от них отстали, но, с другой, опасалась, что о ее дочерях вскоре забудут.

23 июня 1991 года, почти двенадцать недель спустя после гибели Джулии и Робин, «Пост-Диспэтч» напечатала короткую заметку о том, что Грею, Клемонсу, Ричардсону и Уинфри предъявлено официальное обвинение. Все четверо должны будут предстать перед судом по обвинению в ограблении, изнасиловании и убийстве; обоих несовершеннолетних обвиняемых будут судить как взрослых. Автор заметки писал, что четверку подозреваемых будут судить «за изнасилование и убийство Джулии и Робин Керри, которых сбросили в Миссисипи со Старого моста Чейн-оф-Рокс». Впервые за все время перед словами «изнасилование и убийство» не стояло определение «предполагаемое». Сент-Луис наконец признал, что Том говорил чистую правду.

Глава четырнадцатая

Больше года спустя, в сентябре 1992 года, в Гейтерсберге, штат Мэриленд, Нельс Мосс сидел в номере гостиницы на диване с цветастой обивкой, закинув ноги в теннисных туфлях на заваленный бумагами журнальный столик. На всех горизонтальных поверхностях в комнате лежали папки и скоросшиватели с документами, относящимися к запутанному делу, ради которого он приехал в Гейтерсберг. Одну из папок он держал на коленях, рассматривая снимки Старого моста Чейн-оф-Рокс и качая головой.

– Что-то не сходится, – пробормотал он, захлопнул папку и пошел открывать дверь – в номер стучали.

В узком коридоре стояли Том Камминс и его отец Джин. Мосс пожал им руки и одарил обоих профессиональной улыбкой. За последний год отношение Джина к сыну разительно изменилось: он воспринимал его как равного, хотя по-прежнему был готов встать на его защиту. Тома нисколько не пугала встреча с Моссом, которому он искренне хотел оказать любую помощь, но Джин все же опасался оставлять сына наедине с человеком, получающим зарплату в том же ведомстве, что и полиция Сент-Луиса. Лишь после нескольких достаточно прозрачных намеков со стороны Тома Джин покинул номер, предупредив сына, что будет ждать его звонка, чтобы отвезти домой.

После ухода Джина Мосс какое-то время молча перебирал свои папки. Официально беседа с Томом именовалась «подготовкой свидетеля». Мосс прибыл в Гейтерсберг обсудить с ним подробности случившегося год назад и объяснить, с чем ему придется столкнуться на суде. Впервые они с Томом увиделись в последних числах апреля 1991 года, когда с момента гибели сестер Керри не прошло еще и месяца. Том тогда прилетал в Сент-Луис для участия в четырех отдельных опознаниях, в ходе которых без малейших колебаний указал на каждого из подозреваемых. Мосс и сам не понимал, почему не до конца верит парню.

После ареста Уинфри Клемонс, Ричардсон и Грей дали исчерпывающие показания, уличавшие каждого из четверки. Более того, было найдено множество вещественных доказательств, подтверждающих версию Тома. Но оставались некоторые мелкие детали, которые не вписывались в общую картину. Мосс намеревался с ними разобраться.

Он записывал едва ли не каждое слово Тома и часто просил его остановиться на той или иной подробности. Том перешел к

описанию люка, в который его заставили спуститься, и железного прута, использованного в качестве ступеньки, когда Мосс в очередной раз прервал его.

– Погодите секунду, – сказал он, положил блокнот и ручку на диван и открыл папку с фотографиями моста. – Опишите еще раз, пожалуйста.

– Ну, там была такая железяка, типа арматуры, в паре футов под люком, на которую можно было встать, чтобы удобнее спускаться. Она под углом торчала, как бы по диагонали относительно самого люка, – пояснил Том, недоумевая, зачем юристу такие несущественные подробности. – Я спрыгнул вниз, увидел своих сестер и на несколько секунд замер, а потом один из парней приказал мне лечь рядом с ними.

– Вы говорите, что стояли там. Вы стояли пригнувшись или в полный рост?

– В полный рост.

Мосс покачал головой и принялся что-то яростно черкать в блокноте.

– А в чем дело? – спросил Том.

– Сколько в вас росту? – вопросом на вопрос ответил Мосс.

– Ну, точно не знаю, пять футов девять дюймов, может, пять футов десять дюймов, около того. А что?

Мосс вновь отложил ручку.

– Я был там всего пару недель назад и сам залезал в этот люк. Арматура там торчит под совсем другим углом, и встать в полный рост под люком я не мог – настил нависает слишком низко, мне пришлось стоять согнувшись. Вы уверены, что точно все описали? Может, вы уже забыли?

Том энергично потряс головой.

– Нет. Некоторые вещи я действительно помню не очень отчетливо, но только не это. Арматура торчала под углом – если наложить на циферблат, то примерно на восемь или соответственно на два часа. Вот так. – Том изобразил рукой диагональ. – И я точно стоял во весь рост. Двое парней тоже стояли прямо, когда спустились, чтобы согнать нас с мостков на выступ. Точно вам говорю: там было достаточно высоко.

Мосс вновь покачал головой и устало потер лицо.

– Вот, взгляните, – сказал он, протягивая Тому одну из фотографий. – Это я на мостках под тем самым люком.

Том недоумевающе уставился на фото: Нельс, сгорбившись, стоял под настилом моста.

– Вы физически не могли стоять там в полный рост. Может быть, вы чего-то недоговариваете? Или вас подводит память?

Том снова покачал головой и вгляделся в снимок. Он не

понимал, как такое могло быть.

– Хм. Странно, – пробормотал он.

– А вот, посмотрите, это снимок люка сверху. Видите? Арматура торчит совсем под другим углом. Если смотреть отсюда, она расположена горизонтально.

Приняв у юриста второе фото, Том внимательно изучил его, включая угол арматуры, и вновь покачал головой. Мосс протянул ему следующую фотографию – на ней люк был снят с большего расстояния, и в кадр попала часть настила. Том мгновенно все понял.

– Люк не тот, – уверенно заявил он.

– Что? – Мосс поднял глаза от своих бумаг.

– Люк не тот. Вы не в тот люк залезли. Рядом с тем, в который я тогда спустился, были нарисованные на настиле классики.

Мосс недоверчиво глянул на Тома, но взял ручку и принялся записывать.

– Не понимаю, как такое может быть. Это тот самый люк, вокруг которого с самого начала строилось все расследование. Именно на него указал Ричардсон, когда еще проходил по делу свидетелем. И разве вы сами в то первое утро не на него показали детективам? Когда были с ними на мосту утром пятого апреля?

– Нет, – твердо ответил Том. – Люк абсолютно точно не тот.

До суда над Марлином Греем оставалось меньше месяца. Основным свидетелем Мосса был молодой парень, вначале проходивший по делу как подозреваемый и, по словам полиции, успевший дать признательные показания. И вдруг этот ключевой свидетель утверждает, что следствие изначально отталкивалось от неверных посылок. Мосс уже не знал, чему верить. Единственным неоспоримым фактом в этом деле было случившееся пятого апреля 1991 года зверское убийство сестер Керри, по общему мнению прекрасных молодых девушек. И Мосс считал своим долгом наказать их убийц.

Под конец он спросил Тома, как тот относится к идее предложить одному из подозреваемых сделку. Том замялся.

– Ну смотрите, – начал объяснять Мосс. – У нас есть факты, хорошие, надежные. Но мне хотелось бы, чтобы доводы обвинения выглядели безукоризненно. Например, судья вполне может взять ваши показания под сомнение, поскольку вы были первым подозреваемым по делу. А мне еще предстоит разбираться с тем, о чем вы сегодня рассказали. Если мы не сможем подкрепить ваши показания вещественными доказательствами, у нас возникнут проблемы. Я бы упрочил нашу позицию, предложив одному из этих парней сделку. По всему

выходит, что Дэниел Уинфри – младший из ответчиков – не принимал непосредственного участия в изнасилованиях. Я бы предложил ему пожизненное заключение взамен на изобличающие показания на его приятелей. По-моему, это беспроигрышный вариант. Я понимаю – он не ангелочек. Но ему было всего пятнадцать, и двоих из этих парней он в тот день вообще встретил впервые. Может быть, он не такой мерзавец, как остальные.

Кроме лиц и имен убийц Джулии и Робин, Том не знал о них ровным счетом ничего. Его не интересовали их личности и биографии, и он меньше всего мечтал заключать с кем-то из них сделку. Но после разговора с Моссом Том согласился, чтобы в крайнем случае такая сделка была предложена Уинфри. На следующий день Мосс покинул Гейтерсберг – в Сент-Луисе его ждало много дел, а дата суда приближалась.

Через несколько дней Мосс позвонил Тому и сообщил, что нашел нужный люк. Это Тома не удивило – зато удивила внезапная откровенность юриста.

– Признаюсь честно, Том, – сказал Мосс, – я в вас сомневался. Когда мы разговаривали на прошлой неделе и факты не сходились, я подозревал, что вы чего-то недоговариваете. Все это дело такое странное, что я не понимал, чему верить. Но я хочу, чтобы вы знали: теперь я доверяю вам на сто процентов. Простите, что сомневался в вас. Прижмем этих ублюдков к ногтю.

Суд над Марлином Греем был назначен на понедельник пятого октября 1992 года. Благодаря широкому освещению в прессе и всеобщей симпатии к Джулии и Робин обвинению и защите понадобилось всего четыре дня на формирование коллегии присяжных. В четверг Кэй, Джин и Том – он страшно нервничал – вылетели в Сент-Луис. Кэй на время процесса остановилась у родителей, а Джин и Том, получившие официальную повестку, забронировали номер в отеле в центре Сент-Луиса, неподалеку от здания суда. Они ехали не развлекаться, и Том сознательно отказался поселиться в Сент-Луисе у родственников. Он боялся, что общение с ними будет отвлекать его от процесса. Но, как выяснилось, сделав выбор в пользу отеля, он оказался совсем не готов к одиночеству и скуке, слабым спасением от которых служило лишь присутствие отца.

Тома пустили в зал суда только для дачи показаний, и ни он, ни Джин не слышали обвинительной речи, с которой утром в пятницу девятого октября выступил Мосс. Зато ее подробно записали Кэй, Джеки, Джинна и Шейла. Кэй поразила внешность Марлина Грея – она не ожидала увидеть такого красавца. Шести

футов четырех дюймов ростом, с тщательно уложенными волосами, в дорогом костюме, тот выглядел неотразимым и приветливо улыбнулся каждому из занимающих свои места присяжных. Кэй от одного взгляда на него затошнило. Примерно те же чувства вызвала у нее адвокат Грея, Дороти Хирзи, которую Кэй охарактеризовала как «точную копию Стервеллы Де Виль» – злодейки из диснеевского мультфильма про далматинцев.

Первой для дачи свидетельских показаний вызвали Джинну. Она держалась достойно, говорила негромко и избегала смотреть в глаза убийце ее дочерей. Она рассказала, что накануне их гибели провела вечер с ними; описала, что на них было надето, описала машину Джулии. О зияющей дыре, которая ширилась у нее в сердце на протяжении последних полутора лет, она не сказала ни слова. Она не говорила ни о том, какой одинокой чувствует себя ее младшая дочь, Джейми, ни о том, что все эти полтора года плачет каждую ночь, ни о том, что ее рана с каждым днем саднит все сильнее, тогда как мир вокруг продолжает жить своей жизнью, ожидая, видимо, того же от нее.

Затем давала показания лучшая подруга Джулии, Холли Макклейн. Она рассказала о своей дружбе с Джулией и Робин. Ее голос чуть дрогнул, лишь когда она с гордостью зачитала стихотворение, которое они написали на мосту, – «Поступи правильно». Те из публики, кто не слышал его раньше, поразились его пророческому пафосу.

ДЕЛАЙ ЧТО ДОЛЖНО
Вместе мы выстоим
Врозь мы рухнем
Речь уже не о белых и черных
Мы новое поколение
Мы должны встать вместе
Все как один
Мы должны
ПРЕКРАТИТЬ
Убивать один другого
Черные и белые одинаково
Судят друг друга
Влюбляются
Ощущают боль
Дарят жизнь
Убивают
Умирают
Надо быть просто человеком
И делать что должно

Пока Холли читала стихотворение, сидящие в зале рылись в сумках или карманах в поисках носовых платков. Слушая эхо слов Джулии, звеневшее в затихшем зале, родные девушек взялись за руки и высоко подняли головы. Они сейчас мысленно вернулись в то время, когда Джулия с Робин были живы, в тот вечер, когда они вместе с Холли написали это стихотворение на мосту. В памяти Джинны ее дочери оставались живыми – юными, талантливыми, полными идеалов. Она явственно видела, как они стоят над рекой, вдыхая ночную речную прохладу, и смотрят на ярко мерцающие звезды. Они олицетворяли собой молодость, а их жизнь казалась бесконечной, как небо, под которым они писали на мосту стихи.

Затем свидетельское место занял Сэм Брукс – один из двух патрульных, которые в ту ночь нашли Тома, прятавшегося в траве под стоп-знаком у водоочистной станции Сент-Луиса. Суд также выслушал доктора Майкла Грэхэма, начальника бюро судебно-медицинской экспертизы, проводившего опознание тела Джулии, и работавших над делом художника-криминалиста и эксперта по анализу улик. Джинна ловила каждое их слово, хотя многие из них причиняли ей боль.

На следующий день, в субботу десятого октября, утренний выпуск «Пост-Диспэтч» вышел под заголовком на первой полосе: «Убийцам девушек грозит смертная казнь».

«Несмотря на то что в первые дни Камминс проходил по делу в качестве подозреваемого, – говорилось в статье, – в суде он выступит как один из двух ключевых свидетелей со стороны обвинения. Он даст показания сегодня. Вторым свидетелем обвинения является Дэниел Уинфри – самый молодой из подсудимых. В рамках сделки со следствием семнадцатилетний Уинфри из Сент-Чарльза тридцатого сентября признал себя виновным в двойном убийстве второй степени. Напомним, что изначально его, как и остальных подсудимых, обвиняли в убийстве первой степени. Уинфри также признал себя виновным в изнасиловании, ограблении, нападении и незаконном ограничении свободы».

В результате сделки Уинфри не предстал перед судом – признание вины обеспечило ему тюремное заключение сроком на тридцать лет. Родные Уинфри, естественно, ужаснулись, узнав о том, что их сын проведет тридцать лет за решеткой, но еще больше их потрясла его причастность к убийствам. Но они приняли это наказание как заслуженное и неизбежное и призвали

его согласиться на сделку.

Родители Уинфри развелись, когда он был еще ребенком, но заботиться о нем продолжали оба, и в детстве Дэниел жил поочередно то с отцом, то с матерью. Алкоголь и марихуану он впервые попробовал в пятом классе. Но в действительности он сбился с пути после несчастного случая, произошедшего 22 апреля 1988 года. В тот день Уинфри в составе группы бойскаутов, а именно 392-го отряда Сент-Чарльза, был на военном полигоне в форте Леонард-Вуд. Он и еще два мальчика забавлялись с алюминиевой оросительной трубой, пока один из друзей Уинфри не поставил ее стоймя, задев другим концом провод под напряжением. 7200 вольт убили мальчика на месте; второй получил тяжелые ожоги.

Уинфри сочли счастливчиком, потому что он единственный из троих отделался легкой травмой. Но трагедия оставила неизгладимый след на детской психике. Неизвестно, то ли у него развился острый синдром вины выжившего, то ли появилось чувство собственной неуязвимости, но с тех пор он потерял психологическую устойчивость, что немедленно сказалось на поведении. Он завел себе новых друзей, с которыми вытворял всякие опасные глупости. Возможно, его тянуло ко всему, что связано со смертью. Он начал прогуливать школу, а его эксперименты с наркотиками быстро переросли в зависимость.

Несмотря на психическую нестабильность, внешне Уинфри продолжал вести себя все так же вежливо и дружелюбно, как раньше. Его родители были работящими людьми, разделявшими правильные ценности. Сына они считали хорошим умным мальчиком с небольшими эмоциональными проблемами. Нельзя сказать, что они за ним не смотрели, но в целом ему доверяли. Другие взрослые замечали, что с ним что-то не так, но не придавали этому значения. Никто и не догадывался, насколько глубока была пропасть, в которую скатывался Уинфри. Школьный воспитатель утверждал, что, несмотря на прогулы и плохие оценки, Уинфри – умный парень с большим потенциалом. Когда выяснилось, что он так и не сдал экзамены за восьмой класс, школьный совет позволил ему перейти в следующий. В начале 1991 года, за несколько месяцев до убийства Джулии и Робин, мать Уинфри, Сьюзан Крамп, намеревалась устроить сына в программу реабилитации наркоманов, но тянула, надеясь, что он справится с проблемой самостоятельно. Откуда ей было знать, что через каких-нибудь два года она будет радоваться тому, что сын просидит в тюрьме тридцать лет, а не до конца жизни.

Том знал, что Уинфри без раздумий ухватился за предложение Мосса, и, как у всех Каммисов и Керри, это

вызывало у него смешанные чувства. Он понимал: показания Уинфри помогут осудить преступников, но мысль о том, что ему за это простят часть вины, была Тому отвратительна. Он также понимал: чтобы убедить присяжных в добросовестности свидетеля, Моссу придется представить Уинфри в наиболее выгодном свете, показать, что он раскаивается в содеянном, следовательно, его доля вины меньше, чем у остальных, – неважно, насколько это соответствовало действительности. Так или иначе, чувства Тома в данном случае не играли роли – он не мог ничего изменить и сознавал это. Утром второго дня суда он встал до звонка будильника, быстро принял душ и побрился. Когда за ним приехал следователь из офиса окружного прокурора, чтобы отвезти в суд, Том уже ждал его, одетый в свой лучший костюм с дорогим галстуком.

По просьбе Тома на то время, пока он давал показания, всех его родственников удалили из зала. Он и без того нервничал и не хотел видеть боль на лицах Рика, Джинны и остальных. Полтора года психотерапии так и не смогли до конца убедить его в том, что на нем нет вины за гибель двоюродных сестер. Его до сих пор мучили вопросы: «Почему я решил тогда, что они оставят нас в живых, если мы не будем сопротивляться? Почему я даже не попытался дать им отпор? Что, если бы?.. Что, если бы?..» Том был не готов прочитать эти вопросы – реальные или воображаемые – на негодующих лицах родных и близких Джулии и Робин.

Поэтому в зале суда в тот день было не так людно и шумно, как накануне. Утро выдалось серым и унылым, погода стояла пасмурная. Том шагал за следователем по длинному гулкому коридору в комнату для свидетелей, где ему предстояло ждать вызова для дачи показаний. Следователь предложил Тому располагаться поудобнее и оставил его в одиночестве. Том сразу подошел к круглому столу, застеленному клеенкой, с зеленой пластмассовой пепельницей в центре. Ему не терпелось выкурить первую за день сигарету; прикуривая от зажигалки, он заметил, что у него дрожат руки, и совсем пал духом. Час в той комнате тянулся, как год. Когда раздался стук в дверь и за ним пришел судебный пристав, Том докуривал одиннадцатую сигарету. Пора.

Он трясущимися пальцами затушил окурок. Сердце у него билось где-то в районе кадыка. Ступая за приставом, он смотрел на его черные сапоги; шаги мужчины эхом отдавались в пустом коридоре. Через минуту они подошли к тяжелым деревянным дверям, и пристав, отворив правую створку, пригласил Тома в зал суда. У того тряслись колени.

На пути к свидетельской трибуне он не поднимал глаз от

собственных начищенных до блеска туфель. Едва ворочая потяжелевшим липким языком, он поклялся говорить правду, всю правду и ничего кроме правды, да поможет ему Господь. «Да поможет мне Господь», – повторил он про себя и встал за кафедру из полированного дуба, уже жалея, что выкурил столько сигарет подряд. Подняв наконец глаза на присутствующих в зале, он узнал только Нельса Мосса и Марлина Грея.

Грей выглядел точно таким, каким Том его запомнил. Единственное отличие заключалось в том, что теперь на нем был явно дорогой костюм. От него все так же веяло самоуверенностью человека, привыкшего быть в центре внимания и завоевывать симпатии публики милой улыбкой или интересной историей. Грей окинул Тома быстрым пустым взглядом, словно никогда не встречал его прежде, и вновь уставился на лежащие перед ним на столе бумаги. Он выглядел чуть ли не скучающим, словно этот судебный процесс был бесполезной тратой его драгоценного времени. Внезапно страх и нерешительность, терзавшие Тома все утро, бесследно исчезли, сменившись жгучей ненавистью к этому человеку. Он сжал зубы и кулаки, борясь с желанием броситься к Марлину Грею и кулаками стереть ухмылку с его лица. Зал суда поплыл у него перед глазами, но в следующую секунду прямо перед ним встал Нельс Мосс, пронизывая его взглядом своих голубых глаз и без слов удерживая на месте. Том ухватился за этот взгляд, как за спасательный круг.

– Назовите, пожалуйста, суду ваше имя, – начал Мосс.

– Томас Патрик Камминс.

Он давал показания четыре с половиной часа. Как Том и ожидал, неприятнее всего были вопросы, касающиеся его пребывания в воде.

– Оказывались ли вы вблизи Джулии? – спросил Мосс.

Том долго молчал – мешали ком в горле и подступившие к глазам слезы. Но он их сдержал – он не мог позволить себе расплакаться на виду у этого монстра.

– Да, – наконец надтреснутым голосом произнес он. – Это было после того, как меня в первый раз захлестнуло. Я всплыл на поверхность и увидел Джулию. Она ухватилась за меня, и я запаниковал. Я… Я оторвал ее с себя. Оттолкнул ее.

Его ноздри раздулись; он благодарил небо за то, что родных, в особенности Джинны и Рика, нет в зале суда и они не слышат его слов. Он не хотел пускаться в подробные объяснения и описывать, как они оба начали тонуть, как он в последний момент опомнился – еще секунда, и он наглотался бы воды и погиб вместе с Джулией. Он не нашел в себе сил вспоминать о собственной слабости, о том, как он вытолкнул Джулию к

поверхности реки и выплыл вслед за ней. Высвобождаясь из ее объятий, он напрасно надеялся, что она справится сама, что они вместе переживут этот кошмар. Он не желал объяснять все это суду. Джулия погибла, он выжил, и с этим ничего нельзя было поделать.

Рассказывать об остальном было уже легче. Несмотря на все усилия, Хирзи так и не сумела сбить Тома с толку. «Знала бы ты, через что я прошел, – думал он. – Думаешь, после этого я тебя испугаюсь?» Вопросы Хирзи, нацеленные на то, чтобы вывести Тома из равновесия, не произвели ожидаемого эффекта – он отвечал спокойно и сухо.

– После того как вы впервые встретились с Джулией во Флориде в 1990 году, вы проводили с ней много времени, не так ли? – спросила она.

– Да, так.

– Вы были сильно к ней привязаны, верно?

– Мы стали близкими друзьями.

– Вы хотели заняться с ней сексом, правда?

– Нет, неправда.

Те же вопросы, заданные детективами убойного отдела Сент-Луиса, обрушились на него подобно мощному удару в челюсть. Полтора года спустя в забитом публикой зале суда они звучали попросту нелепо.

Тем не менее, покидая здание суда, Том чувствовал себя выжатым как лимон. На следующий день в утреннем выпуске «Пост-Диспэтч» он увидел заголовок: «Ночная прогулка обернулась кошмаром наяву: свидетель описал гибель сестер Керри».

Судебная присяга вынудила Тома еще три недели мерить шагами коридоры отеля «Друри». Он успел наизусть выучить меню и часы работы ресторана при отеле. Обеды и ужины стали для Тома единственным развлечением и позволяли убить время. Каждый день он с нетерпением ждал дружелюбных приветствий барменов и официанток.

В среду четырнадцатого октября, пока Том курил энную по счету сигарету и, чтобы хоть как-то себя занять, смотрел дурацкое ток-шоу, в здание суда Сент-Луиса вошел Уинфри в наручниках. Присяжным он не понравился, но они поверили его рассказу. Они внимательно выслушали его до дрожи подробный рассказ о событиях той ночи и о его собственном в них участии. Грей выглядел все таким же беззаботным и больше смотрел на лежащий перед ним блокнот, чем на Уинфри.

Из всей четверки негодяев Уинфри единственный публично принес извинения жертвам и их семьям; к его чести, эти слова

прозвучали искренне. Но, стоило ему начать отвечать на вопросы Мосса о нападении на девушек, снисхождение, зародившееся было в сердцах друзей и близких Джулии и Робин, испарилось без следа.

– Я повалил ее на спину и задрал куртку ей на лицо, – говорил Уинфри, не уточняя, кого именно он «повалил» – Джулию или Робин. Для него обе девушки были лишь безымянными и безликими жертвами. – У нее еще волосы такие короткие были. Я сел на нее сверху и закрыл ей лицо ее же курткой. Тони и Реджи сказали им обеим заткнуться, иначе убьют. А я сказал им расслабиться.

Сидевшая в первом ряду Джинна содрогнулась.

Пять дней спустя показания давал Грей. Поначалу все шло для него гладко – Грей хорошо держался. Присяжные видели в нем красивого, вежливого и воспитанного молодого человека, наотрез отрицавшего свою причастность к изнасилованию и убийству сестер Керри. Когда Хирзи попросила его рассказать о своем аресте, Грей расплакался, жалуясь на жестокость и грубое обращение полиции.

Но затем Мосс приступил к перекрестному допросу, и для Грея запахло бедой. Даже сидя на скамье подсудимых, он так любовался своими умом и хитростью, что перемудрил самого себя. На каждое слово Мосса у него находилось возражение; он утверждал, что все, от Тома до Евы и Уинфри, лгут, а его похвальба на вечеринке, когда он во всеуслышание заяви, что убил девушек, была лишь шуткой. Мосс заговорил о том, что девушек столкнули с моста, но Грей его перебил.

– *Якобы* столкнули с моста, – с ухмылкой поправил он прокурора.

Грей был смышлен, но Мосс умнее. Под конец перекрестного допроса он захотел уточнить некоторые подробности, уже описанные Греем, и тот не сдержал раздражения.

– Я сражаюсь за свою жизнь, а вы стараетесь доконать меня одними и теми же вопросами! – возмутился он.

– Вы хотя бы можете за нее сражаться, – ответил Мосс. – У Джулии и Робин такой возможности не было. Их, как вы выразились, «доконали».

Два дня спустя, 21 октября, некий человек, назвавший себя «постоянным зрителем на процессе», дал «Пост-Диспэтч» интервью, в котором заявил: «Даже если не брать в расчет само преступление, Грей производит ужасное впечатление».

Том просматривал газетные отчеты о процессе вполглаза.

Последние полтора года научили его не доверять прессе, и, хотя ему не терпелось узнать, как проходит суд, он предпочитал получать новости от Мосса, а не от журналистов. Ему осточертело сидеть взаперти в гостиничном номере, но чужого любопытства он боялся больше и на улицу не высовывался. Поэтому, когда днем ему позвонил Мосс, сказав, что теперь после того, как, Грей дал показания, Том может возвращаться в Мэриленд, он кинулся собирать вещи и через час уже ехал в аэропорт.

Джин и Кэй планировали остаться в Сент-Луисе до конца процесса, дождаться приговора и сообщить его Тому. На следующий день, во вторник 20 октября, Мосс и Хирзи выступили с заключительным словом.

– Он был зачинщиком, – заявил Мосс, ткнув пальцем в Марлина Грея. – Это ясно как белый день.

Присяжные совещались всего четыре с четвертью часа. Вставая, чтобы выслушать приговор, Грей выглядел самоуверенным как никогда. Но как только председатель коллегии присяжных огласил принятое решение, усмешка подсудимого сменилась выражением шока, а затем слезами. Марлина Грея признали виновным по всем пунктам обвинения.

Определение наказания стало для семей пострадавших серьезным испытанием. Присяжные плакали, слушая принесенную Моссом запись голоса Джулии, которая пела свою песню «Беды в Америке». Членам семей Керри и Камминс, а также близким друзьям Джулии и Робин предложили сделать заявление о тяжести постигшей их утраты. Это было невыносимо – им не хватало слов, чтобы описать свои чувства от потери. Они делали что могли – писали им письма и читали стихи.

В тот день присяжные узнали о связи Джулии и Робин с такими организациями, как Гринпис и Международная амнистия. От каждого выступления в душе родных и близких Джулии и Робин поднималась волна теплых воспоминаний. Джеки рассказала, как в прошлом году девушки праздновали освобождение из южноафриканской тюрьмы Нельсона Манделы, хотя для большинства американских подростков слово «апартеид» было пустым звуком – в лучшем случае они слышали его в вечерних выпусках новостей. Присяжные узнали об активном участии Джулии и Робин в волонтерских программах и о том, что они регулярно жертвовали деньги тем организациям, которые поддерживали. Шейла в своем слове подчеркнула, что они не были святошами – Робин, например, напропалую флиртовала с парнями, а Джулии всегда не хватало терпения.

Одна из лучших подруг Джулии, афроамериканка Либби

Ходжес, сказала, что убийцы «подставили и предали всех чернокожих. У меня такое чувство, как будто все, во что я верила, испоганили и растоптали ногами».

За несколько недель до этого в Таусоне, штат Мэриленд, Тинк сидела за столом в своей комнате в общежитии и пыталась изложить на бумаге, что значили для нее Джулия и Робин. Она много часов размышляла об альтруизме своих двоюродных сестер, но, когда начинала писать, понимала, что не в состоянии выразить владевших ею чувств. Вокруг валялись скомканные листы бумаги, а Тинк вспоминала, как Джулия скотчем приклеила к холодильнику перечень правил по защите окружающей среды. Они с Робин разработали целую систему утилизации отходов – собирали этикетки от упаковок с супами быстрого приготовления и передавали их школам, чтобы те в рамках благотворительной акции могли приобрести новые компьютеры. Они собирали макулатуру и обменивали ее на саженцы деревьев, внося свой вклад в борьбу за сохранение озонового слоя. В доме Керри строго запрещалось пользоваться аэрозолями, одноразовой посудой и бумажными полотенцами. Джулия и Робин не просто рассуждали о проблемах экологии – они помогали их решать.

Но никакие подробности не могли передать, какими хорошими людьми были погибшие сестры. Сколько бы Тинк ни марала бумагу, у нее так и не получилось выразить всю боль от их потери. В конце концов она отбросила ручку, упала на кровать, завернулась в покрывало и расплакалась.

Когда наступила очередь Грея, Хирзи привела целый отряд свидетелей, и каждый из них превозносил Грея и просил суд проявить к нему снисхождение. В их числе были его мать, отчим и бабушка.

– Я не верю в виновность сына, – заявила мать Грея. – Если бы я думала иначе, я не стала бы его поддерживать. Мы – христиане, и верим, что за грехи положена расплата.

За Грея заступились и несколько его друзей. Они отзывались о нем как о душе любой компании, умеющем петь, танцевать и рассказывать интересные истории. Но не исключено, что судьбу Грея, сама того не желая, решила его девушка, Ева.

– Я люблю его, – просто сказала она. – Он дорог мне несмотря ни на что.

Тут со своего места встал Нельс Мосс.

– Марлин Грей когда-нибудь бил вас? – спросил он.

– Да, – ответила Ева. – Но не по лицу.

Том снял трубку на втором гудке и услышал далекий голос отца, который звонил из здания суда Сент-Луиса.

– Объявили приговор, – сказал Джин. – Смертный.

Том не сказал ни слова и лишь шумно выдохнул.

– Сынок?

– Да… – ответил потрясенный Том.

– Ты как, в порядке? – спросил Джин.

Том снова не ответил. Он не испытал прилива чувств, которых можно было ожидать. Ни облегчения, ни мстительной радости. Он не чувствовал ничего.

– Я рад, что все это закончилось, пап, – ответил он.

Три месяца спустя, в среду третьего февраля 1993 года Том давал показания на суде над Реджиналдом Клемонсом. Суд проходил в том же зале, а Том сидел на той же скамье, что и прежде. Скорее всего, он и присягу суду приносил на той же Библии, что в прошлый раз.

В роли прокурора опять выступал Нельс Мосс, да и показания Тома почти не отличались от тех, что он давал на первом процессе. Правда, в зале сидели другие люди, а сам Клемонс выглядел гораздо менее нахальным и гораздо более напуганным, чем Грей.

Зато стратегия адвоката подсудимого, Роберта Константиноу, отличалась кардинально. Он буквально лез из кожи вон, оспаривая каждый представленный суду факт. Он ставил под сомнение искренность двух основных свидетелей обвинения, не верил результатам опознания тела, обвинял прессу в нездоровом интересе к этому делу и даже Джулию и Робин – в том, что они «лезли куда не надо» и, скорее всего, сами спрыгнули с моста.

В результате он только разозлил присяжных. Мосс завершил свое заключительное выступление словами: «Этих девушек, которых впереди ждало так много, больше нет. Они умерли, и мы никогда их больше не увидим».

На сей раз на вынесение обвинительного приговора у присяжных ушло три часа.

Несмотря на агрессивную стратегию Константиноу, публика сочувствовала Клемонсу больше, чем отвязному Грею, не в последнюю очередь благодаря его семье. Родители Клемонса вели себя очень взвешенно, но безоговорочно поддерживали сына. Они не сомневались в его в невиновности и не верили, что он способен на подобное зверство.

Его отчим, Рейнолдс, рассказал один случай из детства Клемонса. Он в чем-то провинился, и Рейнолдс сказал, что в наказание его не возьмут в гости к бабушке. Мальчик так

огорчился, что чуть не разжалобил отчима, но тот счел своим родительским долгом проявить твердость. Но он нашел компромисс: если за оставшиеся до отъезда сорок пять минут Клемонс выучит наизусть десять заповедей, его простят. Час спустя довольный Клемонс уже сидел на заднем сиденье машины – он выучил десять заповедей, а заодно, как полагал Рейнолдс, усвоил урок об умении прощать.

Эта история о христианском воспитании просочились в прессу и вызвала у широкой общественности сочувствие к Клемонсу и его семье. Очередной выпуск «Сент-Луис Пост-Диспэтч» вышел с редакторской колонкой, в которой Билл Макклилан утверждал, что Клемонс показался ему «хорошим парнем, подпавшим под дурное влияние Грея, который старшего его на четыре года. Какой кошмар для родителей. Сердце щемит при взгляде на мать Клемонса».

Но всего этого было недостаточно, чтобы перебить впечатление, произведенное на присяжных описанием варварского преступления, в котором участвовал Клемонс. Меньше чем через неделю после окончания суда все двенадцать присяжных единодушно признали Клемонса виновным в «беспричинной жестокости» и порекомендовали присудить его к высшей мере наказания.

За месяц до суда над Антонио Ричардсоном обвинение предложило ему сделку. Несмотря на обвинительные приговоры, вынесенные Грею и Клемонсу, Мосс не стремился добиваться смертной казни для Ричардсона ввиду его юного возраста. После долгих раздумий прокурор связался с адвокатами Ричардсона и сообщил, что будет требовать для обвиняемого пожизненного заключения, если тот признается в совершении двойного тяжкого убийства первой степени. Адвокат Крис Керр, назначенный Ричардсону судом, настоятельно советовал своему подзащитному принять эти условия, и тот согласился.

Утром 19 февраля 1993 года, в тот самый день, когда Ричардсон намеревался сказать, что принимает условия сделки, его навестил в тюрьме человек по имени Боб Уильямс. Он представлял общество под названием «Коалиция правосудия» и утверждал, что Грей, Клемонс и Ричардсон невиновны и являются жертвами несправедливой расистской системы правосудия. В доказательство своих слов Уильямс приводил пример Уинфри – единственного белого из нападавших – и напоминал, что тому были предложены гораздо лучшие условия сделки. Тот факт, что Уинфри не принимал участия в изнасилованиях, Уильямс игнорировал и продолжал убеждать

Ричардсона, что все дело в цвете его кожи. Кроме того, Уильямс во всем обвинял Тома Камминса. Ричардсону его слова понравились и в тот же день он отказался от сделки.

Месяц спустя начался процесс над Ричардсоном. Уильямс стоял на ступенях здания суда с огромным плакатом «**БЕЗ БОРЬБЫ НИЧЕГО НЕ ДОБЬЕШЬСЯ**». Ниже была нарисована карикатура, на которой великан с надписью «Система правосудия» замахивался плетью на испуганную толпу людей. Уильямс раздавал листовки, в которых убийства Джулии и Робин именовались «Загадочным происшествием на мосту Чейн-оф-Рокс». Кишевший опечатками текст гласил:

> *Суд над Антонио Ричардсоном, как и многие подобные ему, является политическим, и нормы доказательного права не имеют к нему никакого отношения. На присяжных оказывают давление, факты по делу не публикуются в прессе и не транслируются по телевизору, чтобы утаить от общественности правду.*
>
> *Антонио Ричардсон, последний из обвиняемых, отчаянно сопротивляется бутафорскому суду, подстроенному правящим классом с целью скрыть истину и осудить юношей из рабочих семей, из которых трое – афроамериканцы и лишь один – белый.*
>
> *Они все невиновны… Томас Камминс, двоюродный брат исчезнувших девушек, не умеет ходить по воде. Он не мог пережить падение с высоты 70–90 футов, провести полчаса в воде при температуре 12 градусов и никак не пострадать.*

Эти листовки ощутимо повлияли на атмосферу в зале суда. Все, кто знал Джулию и Робин, негодовали. Том, у которого к этому времени успел выработаться иммунитет к подобным вещам, лишь презрительно фыркнул. Он знал, что если кто и олицетворял идеалы «рабочего класса», то это они с Джулией и Робин, а заявления идиотов вроде Боба Уильямса его не волновали.

Утром в понедельник 22 марта Том вновь сидел в той же комнате для свидетелей, постепенно заполнял окурками все ту же пластмассовую пепельницу и болтал с владельцем того самого злополучного фонарика, Роном Уайтхорном. Пока давала показания дочь Рона, Стефани, ее отец говорил Тому, как он рад тому, что это последний суд и его дочери больше не придется выступать ни в каком суде. Но тут дверь открылась, и пристав ввел в комнату трясущуюся Стефани Уайтхорн.

Пристав вышел из комнаты, а Стефани наклонилась к отцу и

что-то прошептала ему на ухо. Том отвернулся и глубоко затянулся – девушка явно была чем-то встревожена, и он не собирался подслушивать. Однако не услышать вопль Рона было невозможно.

– Убью ублюдка! – заорал он.

Том оглянулся и увидел перекошенное от ярости лицо Рона Уайтхорна. Тот схватил еще больше испугавшуюся Стефани и крепко прижал к себе.

– Все будет хорошо, солнышко, – сказал он уже гораздо тише. – Не волнуйся, я никому не дам тебя в обиду. Разберемся.

Стефани кивнула и засопела в плечо отца.

– Позови пристава, будь добр, – попросил Рон Тома.

Минуту спустя, когда Том вернулся в комнату с приставом, Стефани уже не так дрожала, хотя явно нервничала.

– Что случилось? – спросил пристав.

– Этот негодяй посмел прямо в зале суда угрожать моей дочери, – ответил Рон.

Пристав перевел взгляд на Стефани.

– Что случилось?

– Он одними губами сказал мне: «Я до тебя доберусь», – сообщила она.

– Пойду приведу прокурора, – ответил пристав.

После сурового предупреждения судьи по поводу этого инцидента других происшествий во время заседания не было. Этот процесс оказался самым коротким из всех – опрос свидетелей длился всего три дня. В четверг 25 марта 1993 года, меньше чем за две недели до второй годовщины смерти Джулии и Робин, последнему из нападавших был вынесен приговор. Антонио Ричардсон отправился в тюремную камеру для смертников, где его уже ждали Клемонс и Грей.

Глава пятнадцатая

Том не особенно надеялся, что после суда его жизнь вернется в нормальное русло. Ничего нормального для него теперь не существовало. С 1991 года он посещал замечательного психолога, которая специализировалась на реабилитации выживших жертв насильственных преступлений и членов их семей. Очень скоро Том проникся к ней доверием и старался прислушиваться к ее мудрым советам. Она горячо поддержала его идею вернуться к учебе. На следующий год Том подал заявление на юридический факультет Университета Мэриленда по специальности «Уголовное право». Он хотел стать вторым Нельсом Моссом, решив, что Джулия это одобрила бы.

В начале апреля 1995-го, спустя четыре года после убийства Джулии и Робин, Том подал против администрации Сент-Луиса иск с неопределенной ценой, обвиняя полицию в давлении на него с целью добиться признательных показаний. Свидетелем по делу он собирался привлечь Нельса Мосса. Представители власти предпочли не доводить дело до суда. Этот исход, как и смертные приговоры, вынесенные нападавшим, не слишком удовлетворил Тома, который рассматривал достигнутое соглашение как попытку откупиться от него кровавыми деньгами. Но, кроме денег, он получил нечто более важное, подружившись с адвокатами Питом Бастианом и Фрэнком Карлсоном.

Том познакомился с обоими еще в 1992 году, когда сидел взаперти в отеле «Друри», пока шел процесс над Марлином Греем. Он даже себе стеснялся признаться, до чего ему нравилось их общество. Пит и Фрэнк не только стали для него глотком кислорода в те бесконечно тянувшиеся дни в душном гостиничном номере – они, услышав его историю, сразу поняли, через что ему пришлось пройти. В прессе Тома ни разу не назвали «жертвой», о чем он, впрочем, не сильно сожалел. Зато Пит и Фрэнк считали его не просто жертвой, а человеком, сумевшим выжить в настоящей катастрофе.

– Том, перестань себя корить, – сказал ему как-то за столом Фрэнк. – Ты выжил, а остальное не имеет значения. И хорошо, что выжил, – иначе кто рассказал бы всем о том, что случилось с Джулией и Робин? Правильно, никто. И эти четверо уродов разгуливали бы на свободе. Ты не утонул в реке, выдержал допросы в полиции и нападки прессы, а твои показания помогут отправить этих четверых туда, где им самое место. Ты должен гордиться собой.

Том отчаянно нуждался в таких словах. Скорее всего,

ни Фрэнк, ни Пит даже не подозревали, насколько целительной была для него их поддержка. Отныне, появляясь в Сент-Луисе, он обязательно им звонил. Он дорожил их дружбой не меньше, чем их профессиональными советами. Вечером того дня, когда Том подписал отказ от претензий к полиции Сент-Луиса, они пригласили его в свой любимый бар и, чтобы отметить это событие, щедро угостили его гиннессом. Том глотал пиво вперемешку со слезами и чувствовал безмерную благодарность к своим адвокатам, нет – к своим друзьям.

После этого общение Тома с судебной системой практически сошло на нет. Адвокаты Клемонса, Грея и Ричардсона подавали от лица своих клиентов апелляцию за апелляцией, но эти попытки мало что меняли. Том продолжал работать в пожарной части и посещать занятия по уголовному праву. Вскоре он купил себе домик неподалеку от дома родителей, а через четыре года получил диплом.

В мае 1998 года случилось то, чего все эти годы в глубине души боялся Том – ему позвонили из Сент-Луиса и сообщили, что Дэниел Уинфри подал прошение об условно-досрочном освобождении. Как всегда в трудных ситуациях, Том первым делом связался с сестрами и родителями. Они все обсудили и решили, что представлять семью в Миссури отправятся Том и Тинк.

За предшествующие семь лет Том летал в Сент-Луис и обратно бессчетное число раз – в отличие от Тинк, для которой эта поездка стала первой после тех событий. Ей исполнилось двадцать три года, и она до сих пор так и не навестила могилы двоюродных сестер. Стоит ли говорить, с какими чувствами она собиралась в дорогу. В городе они с братом прежде всего пошли на Старый мост Чейн-оф-Рокс. Время пошло стальному монстру на пользу – Том едва его узнал. На краю парковки стоял трейлер с вывеской «Для посетителей» – мост превратили в место пеших и велосипедных прогулок. От густых зарослей, через которые много лет назад продирались Том, Джулия и Робин, не осталось и следа; мост залатали и подкрасили, люки закрыли, положили новый настил. Том даже растерялся.

– Стихов Джулии уже не найдем, – тихо сказал он, ступая вместе с сестрой на мост.

Они в торжественном молчании шагали по старому мосту мимо мамаш с колясками и папаш с детьми на плечах. Светило солнце, ребятня смеялась, но Тому и Тинк было не до веселья – они шли медленно, опустив глаза. Дойдя до того места, где Джулия когда-то написала стихотворение, они остановились и оперлись на перила – говорить было не о чем. Но вдруг что-то

привлекло внимание Тома.

– Не может быть! – воскликнул он. – Гляди!

Тинк посмотрела на настил, куда указывал брат. Сквозь новый слой асфальта явственно проступала буква J, выведенная рукой Джулии, а рядом – пацифик. Строчки уже не читались, но кое-где еще угадывались отдельные слова. Брат с сестрой почувствовали облегчение – мост еще хранил крохотную частичку Джулии и Робин.

Затем Тинк и Том поехали на кладбище Распятия, остановившись по пути возле цветочного магазина. Они нашли общее надгробие двоюродных сестер и впервые за весь день дали волю слезам. Тинк встала на колени и положила на могильную плиту две красные розы. Том добавил от себя пару сигарет «Мальборо-лайт». Они с Тинк произнесли несколько слов и поцеловали надгробие.

На следующий день Том и Тинк встретились в Джефферсон-сити, штат Миссури, с судьей. Их сопровождали Джеки, их тетка, и двоюродная сестра Гэбби. Дружелюбно настроенный судья объяснил им, что членам семьи не придется давать показания на слушании дела об условно-досрочном освобождении, поскольку место заключения Уинфри держится в тайне – в силу возраста и тяжести совершенного им преступления его пребывание в тюрьме было сопряжено с опасностью для жизни. За семь лет его из-за враждебного отношения других заключенных уже несколько раз переводили в другие тюрьмы. Впрочем, Тинк и Том не испытывали к нему особенного сочувствия.

– Я хочу напомнить, – сказал Том судье, – что, несмотря на сотрудничество со следствием, данные им честные показания и меньшую долю вины, Уинфри принимал участие в убийстве двух человек, а отсидел всего семь лет. Он не был хорошим парнем, который случайно попал в дурную компанию. У многих на суде сложилось такое впечатление, и я понимаю почему. Но я слышал, что он говорил во время нападения. Происходящее явно ему нравилось, он наслаждался острыми ощущениями. Те твари насиловали Джулию и Робин, а он сидел на мне и посмеивался: хорошо, дескать, что его друзья – не голубые, не то они и меня бы изнасиловали.

Тинк слушала брата с разинутым ртом – никто не посвящал ее в такие подробности, да она к этому и не стремилась. Слова Тома потрясли ее до глубины души. Судья встал из-за массивного стола красного дерева и протянул ей бумажный платок, который Тинк с благодарностью приняла, – по щекам у нее текли слезы.

– Можете что-нибудь добавить, юная леди? – спросил судья.

– Конечно, меня в ту ночь не было на мосту, – прочистив горло, сказала она. – Поэтому я могу говорить только о причиненном мне моральном ущербе.

Изведя гору бумаги в тщетных попытках описать, пока шел суд, свое состояние, Тинк наконец получила возможность поделиться своими чувствами.

– Прежде всего я хотела бы рассказать, какими они были прекрасными, мои двоюродные сестры. Они очень повлияли на мою жизнь. Я стала писательницей – ну, начинающей писательницей – благодаря Джулии. Она первая поддержала меня. Мне всегда хотелось писать, а Джулия уже писала. В колледже она изучала английский, и ее уже публиковали. Когда-то она сказала мне: «Не думай о практичности – занимайся тем, что любишь. Хочешь быть писательницей? Пиши». Вот я и пишу. Я просто хочу, чтобы вы знали: эти девушки вошли в жизнь очень многих из нас, и их гибель разрушила и наши жизни… Дэниел Уинфри провел за решеткой по три с половиной года за убийство каждой из моих сестер. Вряд ли это достаточное наказание. Джулию и Робин уже не вернешь.

Гэбби и Джеки выступили от лица семьи с похожими заявлениями. Джеки рассказала о том, что после гибели дочерей ее сестра Джинна почти не выходит из дому. За минувшие семь лет ее горе ничуть не утихло. В отличие от Тома, сумевшего собрать по кусочкам свою разбитую жизнь, для Джинны каждый день был одной сплошной скорбью; она просыпалась и засыпала с мыслями о своей невосполнимой утрате. За стадиями отрицания, вины и гнева у нее не наступала стадия принятия неизбежного, а весь адский цикл повторялся сначала, и нестерпимая боль, пронзившая ее в тот день, когда убили ее дочерей, терзала ее с неослабевающей силой. Джеки говорила о том, что эта потеря сплотила всю семью, и о том, как тяжело пришлось Джейми, потому что ее детство было навсегда омрачено этой страшной трагедией. Джеки не пыталась говорить за семью Керри – каждый из них горевал по-своему, и даже ей, близкой родственнице, было не дано осознать всю глубину этого горя.

Судья с уважительным вниманием слушал их, держа руки перед собой на большом столе. Его лицо выражало озабоченность. Когда договорил последний приглашенный, все уже сжимали в кулаках по нескольку мокрых носовых платков. Судья поднялся их проводить.

– Спасибо, что пришли, – сказал он, на прощанье пожимая им руки. – Я обязательно приму во внимание ваши рассказы. Один тот факт, что вы не пожалели времени, чтобы сюда приехать, многое говорит об этих девушках и о том, как вы их любили.

От слов судьи у Тинк к глазам снова подступили слезы, которые она с трудом сдерживала, пока не открылись двери лифта. Едва он тронулся, расплакались все четверо. На залитой солнцем парковке они еще долго стояли, обнимая друг друга.

Том и Тинк вернулись на Восточное побережье. Через несколько дней им позвонили и сообщили, что в условно-досрочном освобождении Дэниелу Уинфри отказано, а следующий пересмотр дела назначен на 2004 год. Родственники убитых девушек вздохнули с облегчением; на какое-то время они могли успокоиться.

В канун Рождества 2000 года к Тому обратились два продюсера. Они собирались снимать для канала *Court TV* документальный фильм о Ричардсоне и просили его принять в нем участие. Тома их предложение насторожило, но он согласился с ними встретиться и выехал в Нью-Йорк, где с некоторых пор жила Тинк. Том позвал ее с собой – для моральной поддержки и чтобы было с кем посоветоваться. Продюсеры рассказали, что хотят акцентировать внимание зрителя на долговременных последствиях насилия, которые назвали «эффектом волны».

– Насильственное преступление оказывает влияние на жизнь десятков людей, и оно порой сказывается на протяжении десятилетий, – говорили они. – Наш фильм именно об этом: о том, что последствия преступления затрагивают не только преступников и их жертв.

Внятного ответа на вопрос о том, почему из всей четверки выбрали Ричардсона, Каммингсы не получили.

– Мы решили остановиться на истории Антонио потому, что он подросток, которого ждет смертная казнь. Это позволит взглянуть на…

– Он не подросток, – перебил Том. – Ему уже двадцать шесть.

Продюсеры переглянулись.

– Мы это понимаем, – дипломатично ответил один. – Мы имеем в виду, что он был подростком в момент совершения преступления. Мы хотим избежать одностороннего подхода в трактовке проблемы смертной казни. Вот почему нам так нужна ваша помощь. Необходимо показать, какой ущерб причинил другим этот парень. Мы не намерены внушать зрителю слепую симпатию к нему.

– То есть ваш фильм не будет агитацией за отмену смертной казни? – прямо спросил Том.

– Он не будет агитацией ни за, ни против, – ответил другой продюсер. – Мы хотим изложить факты, предоставив зрителям

самостоятельно делать выводы. Но для этого нам необходимо участие всех, чью жизнь так или иначе затронуло это преступление, в том числе ваше. Вы, кстати, в курсе, что Рики Лейк уже готовит передачу об Антонио?

По ошарашенным лицам Камминсов было ясно, что для них это полнейшая новость.

– Ее сотрудники выпрашивают у нас ваши контактные данные, – не дожидаясь ответа, продолжил продюсер. – Не волнуйтесь, мы никому их не дадим. Но Лейк как раз намерена представить всю эту историю однобоко. Она в принципе не журналистка и меньше всего думает о том, что любую проблему следует освещать с разных точек зрения. Она каждый год берется за какую-нибудь серьезную тему, хотя на этот раз у нее вряд ли что-нибудь получится. Однако факт остается фактом: к этому парню приковано внимание общественности, и многие ему в той или иной степени сочувствуют. Мы же хотим противопоставить этому вашу историю. Показать всю правду, а не одну ее сторону.

В том же ключе беседа продолжалась еще около часа. После нескольких стаканов и долгих уговоров Том и Тинк согласились участвовать в съемках фильма. Через два месяца в Мэриленд прибыла съемочная группа, которая провела с Камминсами целый день. Для членов семьи это был первый контакт с журналистами со дня убийств.

В феврале 2001 года Том еще работал в пожарной части, но благодаря диплому был принят на условиях частичной занятости в ФБР, чему был неимоверно счастлив. Однажды вечером он вернулся домой после тяжелого рабочего дня в ФБР; его выбежали встречать его коты, Гиннесс и Сидр. На улице стоял страшный даже по зимним меркам холод, и Том, едва сняв пальто, взял на руки Сидра, чтобы немного погреть о него руки. Он прошел на кухню, включил свет, бросил на стол прихваченную из ящика почту и направился к холодильнику, по пути нажав на мигающую кнопку на автоответчике. Открыв дверцу холодильника, он остановился, надеясь на озарение по поводу ужина.

Голос, раздавшийся из автоответчика после звукового сигнала, заставил Тома резко выпрямиться и захлопнуть дверцу. Говорила Кэй Крокетт, координатор Центра помощи пострадавшим Миссури. Все эти годы она оказывала Тому неоценимую помощь, поддерживая его и снабжая информацией. Он вернулся к жужжащему автоответчику и нажал на перемотку; сидевший у него на руках Сидр извернулся, не понимая, почему его не гладят. Том посадил кота на стол и сам на него

облокотился – ему надо было осмыслить услышанное. Голос Крокетт повторил сообщение. Да, Том все понял правильно: дата казни Антонио Ричардсона была назначена, и до нее оставалось меньше месяца.

Том сел за вытертый до блеска деревянный кухонный стол. Коты настойчиво требовали еды. Том закурил незапланированную сигарету. Антонио Ричардсона должны были казнить через четыре недели. «Так, все меняется, – подумал Том, стряхивая с себя наваждение. – Надо многое успеть». Затушив истлевшую сигарету, он осознал, что не сделал и трех затяжек. Подойдя к телефону, он нажал на цифру три на быстром наборе.

– Алло, папа? – произнес он. – Я опять еду в Сент-Луис.

Новость о казни Ричардсона разлетелась мгновенно, оказавшись для Каммингсов и Керри полной неожиданностью. Тинк у себя в Нью-Йорке повесила трубку и без сил рухнула на диван – шок не позволил ей передать сообщение дальше. В Гейтерсберге Кэти и Том направились в местный бар «У миссис О'Лири», куда ходили раз в неделю выпить по бокалу пива. В тот вечер разговор у них не клеился. Даже любимый бармен Мэк не сумел их расшевелить – от внезапного наплыва эмоций оба чувствовали себя оглушенными. В Миссури Джинна, Рик и девятнадцатилетняя Джейми со страхом ожидали нового нашествия журналистов. У них оставалось четыре недели на то, чтобы подготовиться. Казнь должна была состояться 7 марта 2001года в одну минуту пополуночи – в ночь на день рождения Джинны.

За десять лет, прошедшие со дня убийства Джулии и Робин, все Керри и Каммингсы сильно изменились, и это было видно со стороны. Ни один из родственников Джулии и Робин не был тем же человеком, который 4 апреля 1991 года узнал страшную весть. Гибель девушек наложила свой отпечаток на каждого из них.

Но больше всех, пожалуй, изменилась Кэй. Чувство беспомощной ярости, которое она испытала после гибели племянниц, зажгло в ней новое пламя. Вернувшись из Сент-Луиса в Гейтерсберг, она загорелась жаждой деятельности. Вдохновляясь примером племянниц, сорокачетырехлетняя Кэй – медсестра, домохозяйка и мать троих детей – стала гражданской активисткой. Подруга устроила ее на организованные властями штата курсы помощи пострадавшим от насильственных преступлений, которые Кэй с энтузиазмом посещала. Уже через пару месяцев они с коллегами наладили регулярный выпуск бюллетеня «Крылья надежды», адресованного пострадавшим от насильственных преступлений и членам их семей. Через неполных три года бюллетень был удостоен награды губернатора

за «выдающийся вклад в организацию помощи жертвам преступлений, за гуманизм, честность и преданность своему делу».

Но Кэй этим не удовлетворилась. На следующий год она передала в мэрию петицию и получила официальное согласие городского совета на объявление дней с 21 по 27 апреля «Национальной неделей защиты жертв преступлений». В том же году ее пригласили в Конгресс США на пресс-конференцию, посвященную обсуждению конституционной поправки в билль о правах жертв преступлений. Там она познакомилась с Джоном Уолшем – телеведущим передачи «Их разыскивает Америка» – и дала ему интервью, позднее показанное по телевидению. В конце концов и собственные дети обратили внимание на то, чем занимается их немолодая уже мать. Том, Тинк и Кэти с гордостью наблюдали, как она понемногу становится экспертом в области законодательства. К 1999 году она инициировала принятие в округе и в штате нескольких законов, обеспечивающих жертвам преступлений финансовую поддержку, в том числе оплату похорон, и психологическую помощь.

Но несмотря на достигнутые успехи, Кэй и не думала останавливаться. Ведь каждый раз, выигрывая в публичной битве за права очередной жертвы, она чувствовала, что вместе с ней победила еще одна Джинна.

За неделю до казни Ричардсона Тинк ушла из издательства, где работала, на пару часов раньше, чем обычно, – она не очень хорошо себя чувствовала. До своей квартиры в Квинсе она из деловой части Манхэттена добралась уже затемно и включила в доме свет. «Надо выпить чаю, – подумала она. – Может, полегчает». Включив в спальне телевизор, она пошла на кухню ставить чайник. Вскоре чай был готов, и Тинк направилась обратно в спальню, держа обеими руками дымящуюся кружку. Но не успела она шагнуть в комнату, как лицо на экране телевизора заставило ее замереть на пороге. На нее смотрел Антонио Ричардсон – шло шоу Рики Лейк.

В глубине души она знала, что рано или поздно этот день настанет, но с тех пор, как продюсеры с *Court TV* рассказали им с Томом о подготовке этой передачи, ничего о ней не слышала. От неожиданности она ахнула, резко опустила кружку на стол, разбрызгав горячий чай, бросилась к телевизору и с размаху ударила по кнопке. Потемневший экран смотрел на нее издевательски.

– Убирайся! Убирайся из моей комнаты! – яростно кричала она телевизору, глотая слезы. – Зачем только я так рано пришла?

Дав выход эмоциям, она чуть успокоилась. Бросила взгляд на

часы: Кэти уже должна вернуться с работы. В гостиной Тинк набрала номер сестры и опасливо включила свой второй телевизор. Несмотря на отвращение, которое вызвало в ней лицо Ричардсона, ее как будто тянуло смотреть передачу дальше.

– Алло, Кэт? Слушай, включи пятый канал.

После короткой паузы на том конце провода послышалось:

– Вот, включила… Сериал «Семейная вражда», да? Что-то интересное?

– Черт, – выругалась Тинк. – У меня на пятом канале Рики Лейк.

– А-а, – саркастично протянула Кэти. – Восхищаюсь твоим вкусом.

– Ты не поняла, – сказала Тинк. – Там Антонио Ричардсон. В шоу Рики Лейк.

Сестра резко втянула воздух.

– Я не хотела смотреть это в одиночку, – сказала Тинк. – Но и выключить не могу.

– Ясно, – ответила Кэти. – Хочешь, я побуду на проводе?

– Да нет, спасибо… Я… Наверное, скоро Никки вернется. Или я позвоню Джо.

– Ну ладно, – ответила Кэти. – Если что, сразу звони, хорошо? Я узнаю, когда у нас будут показывать и запишу на кассету. Чую, мне тоже понадобится компания.

Повесив трубку, Тинк набрала номер сотового своего парня Джо, работавшего прорабом на стройке. Он взял трубку после четвертого гудка, когда Тинк уже снова расклеилась. По телевизору как раз закончили с биографией Ричардсона; начиналось интервью. Рики Лейк встала пожать Антонио руку. Голос за кадром произнес: «Прежде чем мы начнем, Антонио хочет сказать несколько слов». Оператор крупным планом показал Ричардсона, безуспешно пытавшегося скрыть неуместную ухмылку. Возможно, это было от нервов, но, даже если так, эта гримаса не добавляла веры его словам.

– Прежде всего я хотел бы это… как бы принести извинения семье Керри – семье убитых – за то, что случилось. Также я хотел бы извиниться перед своими родными за все, что им пришлось испытать, пока я был за решеткой.

– Вы попали в тюрьму для взрослых, будучи подростком, – сказала Рики Лейк, задумчиво склонив набок голову. – Как это было, учитывая ваш юный возраст?

Ричардсон пустился в описание ужасов, которые он наблюдал в тюрьме. На его глазах били и насиловали людей. Тинк слышала в трубке голос Джо, который не понимал, что происходит и почему она молчит, но не могла выдавить ни слова.

– Алло, Джо, – наконец скороговоркой выпалила она. – По телевизору показывают Антонио Ричардсона. Он на шоу Рики Лейк. Прямо сейчас. Я на него смотрю.

– О нет, – ответил Джо. – Ты как, в норме?

Тинк кивнула, но ответить не смогла и лишь громко хлюпнула носом.

– Я скоро буду, – сказал Джо. – Приеду как можно скорее.

Тинк слабо возразила, что с ней все в порядке и не стоит ради нее срываться с работы, но Джо и слышать ничего не желал. Когда он повесил трубку, она почувствовала облегчение. Смотреть шоу Рики Лейк становилось все труднее: Ричардсон назвал Тома лжецом и обвинил в обмане следствия, а «извинения» перед семьей Керри свел к полному отрицанию своего участия в совершении преступления. Он признал, что был в ту ночь на мосту Чейн-оф-Рокс, но утверждал, что он, как и Уинфри, всего лишь наблюдал за происходящим и был страшно напуган.

Но это были еще цветочки. Рики наклонилась к Ричардсону и спросила, что он почувствовал, когда судья вынес ему смертный приговор. Тинк не нашла в себе сил слушать его ответ. Вскочив на ноги, она принялась мерить шагами квартиру.

– А ты не хочешь спросить его, что чувствовали их жертвы, когда он их убивал? – горько пробормотала она.

Ее затрясло от злости. Она не была сторонницей смертной казни – на самом деле эта тема вызывала у нее смешанные чувства. Но сочувственные интонации Рики Лейк и попытки Ричардсона разжалобить публику, сопровождающиеся отрицанием вины, ее взбесили. Она вернулась в комнату и села на диван как раз вовремя, чтобы услышать:

– Я много чего натворил в своей жизни, но я не насильник и не убийца.

– А за что, сволочь, ты тогда извинялся? – прокричала Тинк.

Но Ричардсон, разумеется, ее не услышал.

– Моя жизнь сейчас – сущий ад, – сказал он.

После этого шоу ушло на рекламу. Тинк, онемев от негодования, сидела на диване с зажатым в руке пультом. Закадровый голос произнес: «У вас есть двое знакомых, которые пошли на неудачное свидание? Если вы хотите помочь одному из них изменить облик и дать ему второй шанс, то вам сюда. Звоните 1-800-GO-RICKI».

Тинк швырнула пульт через всю комнату, поджала колени к груди и разрыдалась. В таком виде ее и застала вернувшаяся домой Никки – ее соседка по квартире.

– Что с тобой? Что-нибудь случилось? – Она бросила ключи и

поспешила к подруге.

Тинк кивнула и вытерла лицо о коленки:

– Я сама не своя. По телевизору показывали Антонио Ричардсона.

Никки посмотрела на экран, а потом на Тинк.

– Это в шоу Рики Лейк? – скептически уточнила она. – Ну и что? Она хочет изменить ему облик перед казнью?

Тинк не удержалась и прыснула.

Следующая неделя обернулась для Каммингсов и Керри настоящей медийной бурей и подвергла их очередному эмоциональному испытанию. Спустя десять лет после убийства Джулии и Робин о нем вновь заговорили в газетах. Незадолго до назначенной даты казни Ричардсона его адвокат Джино Баттисти развернул мощную кампанию с целью публичной поддержки своего клиента. Его план удался. Номер «Пост-Диспэтч» за 26 февраля вышел с заголовком: «Представители движения за отмену смертной казни просят Холдена отложить приведение приговора в исполнение».

Газета цитировала представителей общества «Граждане Миссури против смертной казни», которые утверждали, что коэффициент интеллекта Ричардсона «около 70», то есть практически называли его умственно отсталым. В действительности коэффициент интеллекта Ричардсона был, конечно, намного выше 70, и никаких объективных причин причислить его к умственно отсталым не существовало. Например, его выступление в шоу Рики Лейк убедительно доказало, что у него нет никаких проблем с речью.

В том же выпуске Баттисти заявлял: «По существу за решетку посадили шестнадцатилетнего подростка, который по своему умственному развитию не дотягивал до уровня семилетнего ребенка». В статье приводились сомнительные – в лучшем случае – факты, но, что хуже всего, имена Джулии и Робин упоминались только в седьмом абзаце.

Уже назавтра местные газеты вышли с передовицами, призывающими проявить к Ричардсону снисхождение. Студенты Университета Миссури в Сент-Луисе, где десять лет назад учились Джулия и Робин и где сейчас училась Джейми, организовали в кампусе протестные акции. Губернатор Миссури получил возмущенные письма от Американского союза защиты гражданских свобод и от Евросоюза. Но наиболее болезненно Каммингсы и Керри восприняли протест со стороны Международной амнистии – организации, которую горячо поддерживали Джулия и Робин.

Шестьдесят два студента из представительства Международной амнистии в Университете Миссури в Колумбии объявили в поддержку Ричардсона трехдневную голодовку. Организация не санкционировала эту акцию, но прессу это не смутило – газеты писали о ее участниках как о членах Международной амнистии. Сочувствующие им студенты университета устроили в кампусе лежачие акции – падали на землю, притворяясь мертвыми.

Джеки, уже несколько лет работавшая в университете графическим дизайнером, в тот день вообще осталась дома. Она сомневалась, что выдержит это зрелище – восемнадцатилетние парни и девушки, не знавшие ни Джулию, ни Робин, но рьяно отстаивавшие право на жизнь одного из их убийц.

Тинк читала на сайте *The Columbia Missourian* статью, посвященную этим протестам, и представляла себе символ Международной амнистии – опутанную колючей проволокой свечу. Она видела перед собой лицо погибшего в тюрьме ирландского активиста Бобби Сэндса и лица Джулии и Робин, думала о справедливости и об Антонио Ричардсоне, который использовал этот символ, извратив его смысл, чтобы избежать наказания. Эта мысль причиняла такую боль, что из глаз снова покатились слезы. Терпеть ощущение собственной беспомощности было невыносимо, и она решила сделать то, что было в ее силах – написать письмо, адресовав его руководителям местного, регионального и национального отделений Международной амнистии. Вот отрывок из этого письма:

> *…Ресурс Digital Missourian цитирует мистера Ноя Дженнингса, заявившего: «Мы считаем это дело особенным и хотим привлечь к нему внимание общественности». Он абсолютно прав – дело и впрямь особенное.*
>
> *Мне интересно, известны ли мистеру Дженнингсу имена двух жертв Антонио, изнасилованных и убитых им. Мне они известны. Их звали Джулия и Робин Керри, они были моими двоюродными сестрами. Кроме того, они были членами Международной амнистии и молодыми студентками с активной гражданской позицией, как и большинство протестующих.*
>
> *Я верю в благородные принципы Международной амнистии и восхищаюсь ее неустанной деятельностью. Но я также убеждена, что в попытках изменить к лучшему наше общество, вы иногда встаете не под те знамена. И это как раз такой случай.*

Тинк перечислила ошибочные утверждения, подхваченные прессой и представленные как факты, но долго на этом не задерживалась – письмо было о другом.

> *Международная амнистия – мощная, широко признанная и авторитетная организация. На ваших плечах лежит огромная социальная ответственность. Глубоко уважая вашу деятельность, я прошу вас осмотрительнее выбирать, за кого вступаться. В жизни все не так, как в газетных заголовках.*
>
> *У Джулии и Робин Керри в Сент-Луисе и в Колумбии остались друзья и близкие, многие из них учатся в университете и поддерживают Международную амнистию, вспоминая, что в организации состояли Джулия и Робин. Ради них я прошу вас с предельной внимательностью отнестись к этому делу. Пожалуйста, не заставляйте нас чувствовать себя изгоями. Если вы все же намерены поддерживать Антонио, я прошу вас хотя бы пересмотреть методы этой поддержки. Мне невыносимо наблюдать за лежачими акциями в защиту убийцы моих двоюродных сестер. Этот человек продолжает выражать презрение к ценности человеческой жизни; его жертвы сражались за права человека, а он отнял у них эту возможность. В данном конкретном случае вы встали не на ту сторону.*

Тинк высказала все, что хотела и, наклеивая марки на конверты, испытала огромное облегчение. Она не ждала, что ее письмо на что-то повлияет, но не жалела, что его написала.

И очень удивилась, получив две недели спустя личные сочувственные ответы от всех трех корреспондентов. Ей хотелось думать, что она хоть немного помогла Международной амнистии вернуться в нужное русло.

5 марта к медийной шумихе присоединилась и «Нью-Йорк таймс», напечатав статью «Круговорот смертей», в которой утверждала, что «убийством Ричардсона мы нанесем урон сами себе». Автор повторял неточности и откровенные фальсификации, запущенные в прессу Баттисти. Родные и близкие Джулии и Робин в немом ужасе наблюдали, как в СМИ поднимается волна общественной поддержки Ричардсона.

Казалось, никого не интересовали материалы следствия, включая прошение о помиловании самого Ричардсона, которые явно противоречили публиковавшимся в прессе «фактам». Эти документы показывали истинный облик Ричардсона – не

добродушного недалекого подростка, сбившегося с прямого пути, а психически неуравновешенного и злобного парня, с рождения жившего убогой жизнью.

В прошении о помиловании Ричардсон писал, что его отец, Арчи Ричардсон, так и не женился на его матери Гвендолин и не принимал никакого участия в воспитании своих троих сыновей. Но если братьев Ричардсона он хотя бы считал своими, то Антонио отказал даже в этом. В период, на который пришлось зачатие и рождение Ричардсона, Арчи не слишком ладил с Гвендолин и не верил в свое отцовство. Поэтому, даже когда он иногда навещал сыновей, среднего подчеркнуто игнорировал и не позволял ему называть его отцом. Мальчик не понимал причин раздора между родителями, зато хорошо усвоил, что он никому не нужен и что его не любят.

Когда Ричардсону исполнилось шесть лет, Арчи женился на другой женщине и почти полностью исчез из жизни своих сыновей, но весь вред, какой он мог нанести Антонио, он уже нанес. Когда Ричардсон пошел в школу, у него сразу начались проблемы. В докладе Миссурийской службы защиты семьи и детства за 1981 год указано, что Гвендолин «не справляется» с Ричардсоном, и подчеркнута его «низкая успеваемость – в дневнике за первый класс сплошные неуды и замечания за плохое поведение». Один из его учителей вспоминал, что Ричардсон просто не мог сидеть на месте спокойно: он постоянно вертелся, дрался со сверстниками, кидался мелом и крал у одноклассников вещи.

Ричардсону было семь лет, когда у его матери диагностировали серьезную болезнь почек. Гвендолин подолгу лежала в больнице, а Антонио с братьями ютились то у одних родственников, то у других. В промежутках между госпитализациями мать пила и принимала наркотики, часто бросая детей на несколько недель. Мальчики понятия не имели, где мама, когда она вернется домой и вернется ли вообще. Социальные пособия она тратила на наркотики для себя и своих собутыльников, и дети нередко голодали.

В документах дела особо оговаривалось, что причиной перевода Ричардсона в специальную школу для детей с трудностями развития стали «тяжесть, частота и постоянство проявлений плохого поведения», а вовсе не умственная отсталость. Проблемы Ричардсона с учебой не имели ничего общего с его пресловутым пониженным интеллектом. Просто в отсутствие родительской любви злой, невоспитанный и жестокий ребенок превратился в злого, невоспитанного и жестокого подростка.

Утром 5 марта на сайте «Пост-Диспэтч» появилась статья с непростительной ошибкой: Джинну Керри по ошибке окрестили Джинни Ричардсон. В Нью-Йорке Тинк прямо с работы отправила автору статьи, Полу Хэмпелу, негодующее голосовое сообщение и села писать письмо редактору газеты. В Сент-Луисе то же самое сделал Джеймс Керри – дядя Джулии и Робин. Более того, к делу подключился Нельс Мосс.

Тинк немного удивилась, когда через 15 минут после того, как она отправила электронное письмо редактору «Пост-Диспэтч», ей позвонил Пол Хэмпел. Он рассыпался в извинениях за грубейшую ошибку и попросил об интервью. По его словам, он с удовольствием взялся бы за статью в поддержку семей погибших. Тинк отнеслась к его предложению настороженно – они уже не раз наступали на эти медийные грабли. В прессе их или унижали, или игнорировали, в то время как Антонио Ричардсон наслаждался вниманием общества в новообретенной роли жертвы системы. Она ответила Хэмпелу, что обдумает его предложение, и пообещала перезвонить.

Повесив трубку, она открыла на телефоне список контактов. Первым делом позвонила Тому, а в следующие два часа успела переговорить еще с полудюжиной родственников. Все советовали ей согласиться на интервью. В конце концов, как они могли жаловаться на однобокость публикаций в прессе, если никто из них не хотел встречаться с журналистами? После долгих размышлений Тинк перезвонила Хэмпелу и сказала, что готова вечером с ним поговорить. Несмотря на предубеждение, Тинк быстро потеплела к Хэмпелу – их телефонная беседа длилась почти два часа. Хэмпел ее поблагодарил.

– Я многое сегодня понял о жертвах преступлений и их близких и должен сказать вам спасибо: вы дали мне второй шанс. Мой почтовый ящик буквально переполнен письмами от родных и друзей Джулии и Робин. Вы правы: это были замечательные девушки. В последние две недели о них почти не пишут. Даю вам слово, что приложу все усилия, чтобы завтра же исправить эту несправедливость.

В утреннем выпуске «Пост-Диспэтч» за 6 марта вышла статья Хэмпела «Появление убийцы на ТВ возмутило родственников его жертв». Автор обильно цитировал Тинк, которая разоблачила большую часть мифов, в прессе непостижимым образом превратившихся в «факты». Это была первая за многие годы статья в «Пост-Диспэтч», уделившая основное внимание жертвам, а не убийце.

В тот же день газета опубликовала три адресованных

редактору письма, подписанных Джеймсом Керри, Тинк Камминс и Нельсом Моссом.

Взвешенный тон письма Джеймса Керри ничуть не снизил его эмоционального накала.

> *Во-первых, в его виновности нет никаких сомнений. Во-вторых, вопреки ложному утверждению заголовка статьи, опубликованной 2 марта, никто не собирается казнить несовершеннолетнего. Ему двадцать шесть лет. Шестнадцать ему было, когда он участвовал в двойном изнасиловании и убийстве, то есть вполне взрослых преступлениях, совершенных преднамеренно, осознанно и с варварской жестокостью.*

Не меньшее впечатление произвело на публику и письмо Мосса.

> *На моей памяти это, пожалуй, самое хладнокровное и бездушное убийство двух человек. Именно Ричардсон и Клемонс изнасиловали и столкнули обнаженных девушек в ледяную воду Миссисипи, обрекая их на смерть.*
>
> *У меня богатый опыт взаимодействия с защитой, пытающейся доказать умственную неполноценность ответчика, и я с уверенностью могу сказать, что Ричардсон не является умственно отсталым. Низкий коэффициент интеллекта и проблемы с чтением не являются основными признаками умственной отсталости.*
>
> *Ричардсон обладает прекрасными коммуникативными навыками, он наделен здравомыслием и хитростью, и не снившимися ни одному умственно отсталому. Он под запись утверждал, что не принимал участия в убийствах и что их совершили другие; он вполне сознательно пытался запутать следствие. На скамью подсудимых он попал не случайно.*

Наконец-то им удалось достойно ответить на нападки прессы.

* * *

Соглашаясь на интервью, Тинк помимо своей воли выступила представителем семьи Камминсов. Она не считала, что годится для этой роли или хотя бы ее достойна, но уже на следующее утро ее телефон раскалился от звонков журналистов.

Все десять лет со дня убийства Джулии и Робин Камминсы и Керри воздерживались от публичных заявлений, и тому были свои причины. Том просто не доверял прессе. Устав от гнусных намеков, прямых инсинуаций и ошибок в изложении событий, он решил, что не станет принимать участия в этом фарсе. Что до Керри, то им, скорее всего, было очень трудно выразить свое горе словами. Имелись свои соображения и у остальных родственников – многочисленных теток, дядьев и двоюродных братьев с сестрами. Некоторые полагали, что гибель Джулии и Робин – слишком семейное несчастье, и никому не позволено совать в него нос. Но даже те, кого бесили газетные враки и кто жаждал их опровергнуть, не делали этого из деликатности. Никто не считал себя вправе разговаривать с журналистами от лица всей семьи, тем более что единого мнения по поводу допустимости смертной казни у них не было, что неудивительно, если вспомнить, какой многочисленной была родня Керри и Камминсов. Никто не хотел брать на себя ответственность и становиться «голосом родственников жертв».

Поэтому Тинк нисколько не обрадовалась, очутившись в топ-листе каждого журналиста в стране. После долгих уговоров и подбадриваний со стороны родных она согласилась поговорить с представителями прессы. В каждом интервью она подчеркивала, что выражает только свою точку зрения, а не мнение всей семьи. Также она решила не давать никаких комментариев по поводу своего отношения к смертной казни. Все, что она действительно хотела сообщить публике, сводилось к двум вопросам: *«Мы ничего не забыли? Как насчет жертв преступления?»*

Но если даже Тинк не справлялась с постоянными звонками от журналистов, перемежаемыми ее разговорами с родственниками, поддерживавшими ее советами, то кошмар, с которым столкнулось семейство Керри в Сент-Луисе, трудно себе вообразить. С приближением даты казни шумиха вокруг дела Ричардсона все усиливалась и приобретала все больший эмоциональный накал. Еще одна смерть, которая должна была стать расплатой за ужасные события апрельской ночи 1991 года, разбередила многие душевные раны.

Это не коснулось только Джинны, чья рана так и не зарубцевалась. Остальные члены семьи в день 6 марта, когда пресса продолжала бушевать, а улицы заполонили толпы протестующих, чувствовали себя так, словно вернулись на десять лет назад.

Том припарковал взятую напрокат машину возле дома бабушки с дедушкой, на той же подъездной дорожке, по которой

он удирал из дома в ту ужасную ночь десять лет назад. Он поставил машину на ручник и оглянулся на сидевшую рядом Джеки. Он уже собрался что-то сказать, когда в проеме двери появилась его мать и замахала, приглашая их в дом. Кэй прилетела в Сент-Луис накануне, чтобы провести вечер с родителями. У Тома, Джеки и Кэй оставалось всего три часа до поездки в тюрьму Потоси, где им предстояло стать свидетелями казни Антонио Ричардсона, которому в одну минуту пополуночи должны были сделать смертельную инъекцию.

Цель своей поездки они не обсуждали. Кэй и Джеки решили сопровождать Тома, чтобы не бросать его одного. Ни та, ни другая не горели желанием наблюдать за приведением приговора в исполнение, но понимали, что Том нуждается в их поддержке. Джинна с самого начала отказалась присутствовать при казни; так же, поразмыслив, поступил Рик.

Остаток дня Том провел у деда с бабкой. Он даже позволил бабушке Полли накормить его, хотя его желудок отчаянно протестовал.

Незадолго до четырех часов у Джеки зазвонил мобильник. Кэй Крокетт сообщила, что Восьмой окружной суд принял постановление отложить казнь Ричардсона. Том был в шоке и ничего не сказал.

Крокетт рассказала, что администрация штата подала апелляцию в Верховный суд США и что с высокой долей вероятности решение окружного суда удастся обжаловать и отменить еще до полуночи. Том, Кэй и Джеки посмотрели интервью Тинк на «Кэтрин Крайер Лайв», после чего сели в прокатный автомобиль и все-таки отправились в Потоси. Они едва успели снять номера в отеле «Холидэй Инн.», где планировали провести ночь, как снова позвонила Джеки: судья Верховного суда Клэренс Томас аннулировал решение Восьмого окружного суда. В одну минуту первого следующего дня Ричардсона казнят.

Том чувствовал себя персонажем какой-то безумной серии «Скрытой камеры». Нервы не выдерживали бесконечной неопределенности, и он ловил себя на том, что сам себе задает вопросы, которые много раз слышал от других, узнавших, что он намерен присутствовать на казни: «Зачем ты сюда приехал? Что ты здесь забыл?»

Около четверти одиннадцатого Том остановил машину на заправке в паре миль от тюрьмы и пошел к таксофону, чтобы позвонить Крокетт. Палец у него окостенел от холода уже на третьей цифре. Том хотел в последний раз все перепроверить и убедиться, что все идет по плану. На парковке было холодно и

темно – гораздо темнее, чем в городе. Том уже начал подозревать, что место и время казни выбраны не случайно, но отбросил эту мысль. На самом деле ему не хотелось думать о том, каково приходится тем, кто принимает подобные решения.

Крокетт сняла трубку. Она говорила голосом бесконечно уставшего человека:

– Том, ты не поверишь. Казнь снова отложили. Приезжай, и я все объясню. Если вкратце, то Верховный суд разрешил временно отложить казнь и дожидаться результатов какого-то процесса в Северной Каролине – там судят умственно отсталого.

– Но… – начал было Том.

– Знаю, знаю, – перебила Крокетт. – Я в курсе, что Ричардсон не умственно отсталый. Это, видимо, несущественно. Его адвокаты заявили, что если есть хотя бы ничтожный шанс на признание их клиента умственно отсталым, то есть вероятность, что исход процесса в Северной Каролине может повлиять на наше дело. Этого оказалось достаточно, чтобы выбить отсрочку. Но это ненадолго, не волнуйся.

– Хорошо, – кивнул Том. – Мы сейчас всего в паре миль от тюрьмы. Что нам делать?

– Приезжайте, поговорите с Дорой Скрайро – она руководитель исправительной программы штата Миссури и наверняка сможет ответить на все ваши вопросы. Еще тут есть психиатры – им вы тоже сможете задать любые вопросы.

Несмотря на строгие меры безопасности, принятые в тюрьме, Том с матерью и теткой успели покончить с делами в Потоси за час. На входе им удалось избежать внимания прессы, но на выходе журналисты буквально взяли их в кольцо. Охранники любезно проводили Тома до машины, отгоняя настырных репортеров; Кэй и Джеки шли чуть позади. Том не произнес ни слова, не одарив журналистов даже заветным «без комментариев».

Вернувшись в «Холидэй Инн», измученная Кэй сразу рухнула в постель. Том и Джеки не спали всю ночь, курили и вспоминали Джулию и Робин.

Два дня спустя Том сидел в кресле самолета, выруливающего на взлетную полосу аэропорта Сент-Луиса. События последней недели дали ему ответы на многие давно мучившие его вопросы. Когда месяц назад он согласился на эту поездку, знакомые спрашивали его: «Зачем тебе это? Чего ты хочешь добиться присутствием на казни?» – и Том молча пожимал плечами. Он просто чувствовал, что должен там быть, и даже не рассматривал другой вариант. Но эти вопросы заставили его задуматься. Действительно, почему он считает, что должен ехать? Неужели он

желает видеть смерть этого человека? Нет, дело точно не в этом. Он не жаждал крови. Мысль о том, чтобы смотреть, как умирает человек, нисколько его не привлекала. Он также не надеялся испытать нечто вроде катарсиса, на что порой рассчитывает жертва преступления, глядя на смерть своего мучителя. Он заранее знал, что, выходя из тюрьмы после казни Ричардсона, не будет вздыхать с облегчением.

Тогда чего же он ждал? Пока самолет ревел двигателями, готовясь к взлету, Том нашел ответ на этот вопрос. Он ждал извинений. Где-то в глубине души у него еще теплился слабый огонек надежды на то, что перед смертью Антонио Ричардсон скажет правду. Что в последние минуты жизни он осознает, что потратил ее впустую, и захочет, прежде чем предстать перед Создателем, снять с души грех. Вот на что надеялся Том. В том маловероятном случае, если в свои последние мгновения Ричардсон раскается и после многих лет отрицания своей вины попросит прощения, Том хотел при этом присутствовать. Том хотел его простить.

К тому времени, как самолет набрал высоту, Том уже принял решение оставить эти пустые надежды.

Когда чуть позже в том же году на канале *Court TV* вышел документальный фильм об этом деле, Том отнесся к нему равнодушно – в отличие от других членов семьи, которых он привел в ярость. В полуторачасовом фильме не показали никого из них. Съемки Тома в пожарной части, воспоминания родных о Джулии и Робин, забавные истории из их жизни – ничего из этого в фильм не включили. Он был целиком посвящен семье Ричардсона и его адвокату.

Родственников Ричардсона и адвоката Джино Баттисти снимали в последние недели перед предполагаемой казнью Антонио. Репортеры запечатлели каждую их слезинку и записали каждую душераздирающую реплику.

Каммингсов и Керри в фильме не было. Видимо, продюсеры решили, что их страдания для этой истории не принципиальны.

Но вишенкой на торте стал финал полуторачасового фильма. На экране возник усталый Баттисти; запустив руки в шевелюру, он в ожидании звонка мерил шагами кабинет. Когда телефон зазвонил, Баттисти бросился к нему и сорвал трубку; оператор показал крупным планом его лицо, мгновенно осветившееся радостью. Адвокат буквально упал в свое кресло, смеясь от облегчения: случилось чудо, на которое он почти не надеялся, – казнь Ричардсона отложили. Баттисти повесил трубку, повернулся лицом к камере, улыбнулся и сказал: «И все же у этой истории счастливый конец!»

В доме Каммингсов все на миг утратили дар речи.

Пока Баттисти радовался «счастливому концу» истории, Каммингсы и Керри готовились отметить десятую годовщину смерти Джулии и Робин. Том и Кэти перенесли на этот день еженедельный поход в бар, в который Том пригласил свою новую девушку. Они встречались всего несколько недель, но он был уверен в прочности их отношений и знал, что рано или поздно ему придется обо всем ей рассказать. Случившееся стало неотъемлемой частью его жизни – деталями лего, из которых в том числе строилась его личность на протяжении последних десяти лет. Его девушка, Уитни, никогда по-настоящему не поняла бы Тома, не зная о трагедии, унесшей жизни Джулии и Робин.

В тот вечер они пришли в бар «У миссис О'Лири» за час до назначенного времени, когда должны были появиться Кэти с мужем. Том взял Уитни за руки и выложил ей все. Он нервничал, запинался и делал паузы, слишком долгие заполняя глотками пива. За прошедшие десять лет он рассказывал эту историю самым разным людям, и в его «коллекции» накопилось множество видов реакции на нее – от истерики до недоверия и полного безразличия. Реакция слушателя служила Тому своего рода линзой, позволяющей заглянуть ему в душу и понять, что за человек перед ним.

Когда Том договорил, Уитни подняла на него свои большие глаза – в них стояли слезы.

– Если тебе что-нибудь будет нужно, только скажи… – проговорила она.

В эту минуту Том осознал, что годы терапии помогли ему перешагнуть очень важный рубеж. Впервые за минувшие десять лет он почувствовал, что готов начать жизнь с новой страницы. Он надеялся, что однажды это удастся и Джинне, хотя ее боль была несоизмеримо мучительнее его боли. Том наконец принял свою судьбу. И, черт побери, психолог не обманывала его, когда говорила: в том, что случилось, нет его вины. Неважно, что на этот счет думают окружающие. Неважно, что газеты до сих пор называют его «двоюродным братом жертв». Он знал, что он – самая настоящая жертва преступления. Это знал он, знали все его родные, а теперь знала и его девушка.

Впервые после 5 апреля 1991 года Том ощутил свободу от навязываемого ему чувства вины, от необходимости каяться и прислушиваться к мнению чужих людей. Эти внутренние демоны оставили его, и на их месте проклюнулись ростки чистой печали и скорби без примеси гнева или страха. Наконец он мог спокойно

оплакать своих любимых сестер, не отвлекаясь ни на что другое, и это было почти приятно. Он ужасно скучал по Робин. И, боже, как же он скучал по Джулии!

Вскоре подошли Кэти с мужем. Том заказал им выпивку и набрал номер мобильного Тинк. Он велел ей налить себе чего-нибудь. Они подождали, пока Тинк на том конце линии откупорит бутылку красного вина.

– Ну как, готова? – спросил Том в трубку.

Подняв свой запотевший бокал, он чокнулся с телефоном, не заметив, как по щеке сползла одинокая слезинка.

– За Джулию и Робин! – сказал он.

Послесловие

Мы забываем о жертвах.

Убийства и другие насильственные преступления вызывают в обществе завороженный интерес. В нем нет ничего противоестественного – человек по природе своей любопытен. Мы хотим знать, почему совершаются ужасные злодейства, в чем причины проявлений жестокости. Ответы на эти вопросы мы ищем в книгах, в СМИ и у психологов. К сожалению, трупы не умеют разговаривать. Мертвец не в состоянии поведать нам свою историю.

Нам остается довольствоваться красноречивым объяснением, которое приводит в предисловии к своей книге «Что стоит за убийством» Даг Мэги:

> *Изучая дело об убийстве, мы фокусируем внимание на убийце, что понятно. Розыск преступника, его арест и суд над ним подаются нам в виде увлекательной истории, и это не вызывает у нас никаких возражений…*
>
> *В первом репортаже с места преступления нам иногда на одну-две минуты показывают мужа, или жену, или кого-то из родителей жертвы; они щурятся от вспышек, плачут и пытаются выразить словами горе, страшнее которого не бывает. Но о других родственниках погибших если и упоминают, то вскользь – если это дополняет картину случившегося. Обычно они остаются за кадром.*

Это правда. Но самая большая несправедливость даже не в том, что нам слишком мало рассказывают о родственниках погибших. Хуже всего то, что мы забываем о самих жертвах, которых смерть лишила права голоса.

5 апреля 1991 года погибли Джулия и Робин Керри. Это единственный неоспоримый факт в нашей истории, и именно от него следует отталкиваться при ее обсуждении. Но все годы после убийства моя семья бессильно наблюдала, как журналисты превращают Джулию и Робин чуть ли не в статистов, отдавая главные роли их убийцам.

Написать эту книгу меня заставило возмущение. Я хотела сделать хоть что-то, чтобы вернуть Джулию и Робин на законное главное место в этой трагедии, с которого их вытеснили убившие их мерзавцы. Общество обошлось с ними несправедливо, но я заметила это лишь потому, что они были *моими* сестрами,

которых я любила и по которым скучаю.

Попытка рассказать об этом в книге стала для меня самым трудным испытанием в жизни. Я сомневалась в себе. Сомневалась, смогу ли верно описать, что произошло, а главное – имею ли на это право. Я понимаю, что эта книга неизбежно расстроит всех, кто знал и любил Джулию и Робин, и последнее, чего мне хотелось, это причинить новую боль и без того настрадавшимся людям.

Но нежелание мириться с тем, что в коллективной памяти Джулия и Робин останутся просто «жертвами», в конце концов пересилило. Если не считать родных и близких, все, кто слышал о них хоть что-то, знают одно: их изнасиловали и убили. Я чувствовала, что должна рассказать о том, с какой любовью они воспринимали мир, и с каким достоинством встретили свою ужасную смерть. Я чувствовала, что должна на этих страницах вспомнить те подробности их жизни, которыми они сами гордились. Возможно, с моей стороны это самонадеянная и несбыточная мечта, но я в нее верю. Я хотела, чтобы люди услышали имена Джулии и Робин Керри, узнали о том, как они жили, даже если набросанные мной портреты будут лишь бледными тенями настоящих Джулии и Робин. Мне остается лишь надеяться, что их родные и друзья поймут, почему я считала себя обязанной написать эту книгу. Одновременно я должна подчеркнуть, что написанное – это моя версия событий, моя личная эпитафия двоюродным сестрам. Я ни в коем случае не претендую на то, чтобы в книге выразить чье-то мнение, кроме моего собственного.

Высшая мера наказания – необъятная и пугающая тема. Мы не представляем себе ее истинных последствий. Окутанная мраком неизвестности, она маячит в нашем сознании зловещей фигурой в черном балахоне и с косой. Мы никогда не обсуждали эту тему с Джулией и Робин, но я более чем уверена, что они обе были противницами смертной казни. Впрочем, никто уже не узнает, изменили ли бы они свое мнение, доведись им пережить ту страшную ночь. Гадать об этом уже поздно.

Зато я точно знаю, как все это отражается на нас, кто по-прежнему жив. Я многие годы терзалась этим вопросом. Не раз и не два мне больше всего на свете хотелось хотя бы на пять минут оказаться наедине с насильниками моих двоюродных сестер с мясницким ножом в руках. Но еще хуже этих мстительных мыслей было ожидание неминуемой казни Ричардсона. Я не чувствовала никакого умиротворения, а когда казнь отложили, испытала гнев – я хотела, чтобы этот человек умер. И в

следующий миг разозлилась на себя за кровожадность. Эти эмоциональные перепады невозможно описать словами.

Самое плохое, что человек может сделать со своей жертвой, это вселить в нее ненависть и вынудить на ответную жестокость. Эта перспектива пугает меня гораздо больше, чем любое физическое насилие. Позволив ненависти к убийцам моих двоюродных сестер разжечь во мне жажду крови, я проиграю всем негодяям в мире. И вместе со мной проиграют Джулия и Робин.

Поэтому я не желаю смерти ни Ричардсону, ни Грею, ни Клемонсу. Я не хочу видеть, как они умирают, но не из жалости к ним. Меня вполне удовлетворило бы, если бы их сразу упрятали за решетку до конца жизни и я знала бы, что они никогда не выйдут на свободу и не смогут больше насиловать и убивать. Не меньше меня устроило бы, если бы они в один день сдохли в своих камерах. Мне на них плевать. Джулию и Робин уже не вернешь.

Но, как это ни печально, отложенная смертная казнь по-прежнему удерживает этих людей в нашей жизни. Если бы у Антонио Ричардсона не было никаких шансов выйти на свободу, Рики Лейк не стала бы брать у него интервью, и у канала *Court TV* не было бы причины снимать про него полуторачасовой документальный фильм. Никто не проникся бы к нему сочувствием, и он не смог бы публично выставить себя жертвой.

Я не могу выступать против смертной казни, руководствуясь жалостью к этим людям, потому что до сих пор не испытываю к ним жалости. Возможно, все было бы иначе, если бы я знала, что они по-настоящему раскаиваются в содеянном. Я могу лишь сказать, что казнь ничего для меня не решает. Она не облегчила и не облегчит мои страдания.

Однако традиционные аргументы против раздражают меня. Мы все еще не туда смотрим. Да, возможно, смертная казнь – это неправильно, и не только потому, что она антигуманна, но еще и потому, что она причиняет новые страдания родным жертв, посыпая солью так и не зарубцевавшиеся раны, обезличивая тех, кого они потеряли, и незаслуженно делая жертвами самих убийц.

* * *

Я не хочу заканчивать эту книгу на такой мрачной ноте. Я уже совсем не злюсь. Работа над рукописью позволила мне примириться со многим из того, о чем я в ней рассказываю. Теперь я выпускаю ее в мир с надеждой, что люди примут ее так, как мне хотелось бы – как выражение любви моим двоюродным

сестрам, как голос моего брата. А если заодно она хоть немного изменит представление читателя о жертвах насильственных преступлений – тогда я смогу думать, что Джулия и Робин мною гордились бы. В конце концов, кто сказал, что мир нельзя изменить?

Лидия Перес владеет небольшим книжным магазином в мексиканском городе Акапулько, где живет с мужем Себастьяном, журналистом, и восьмилетним сыном Лукой. После публикации в газете подготовленного Себастьяном материала, разоблачающего местный наркокартель, бандиты устраивают кровавую бойню, в которой убивают всех родных и близких Лидии – шестнадцать человек. В живых чудом остаются только она и Лука. Понимая, что на них объявлена охота, мать и сын бегут из Акапулько. Спасая свои жизни, они направляются на север, к границе с Соединенными Штатами. И вскоре понимают, что пережитый ими кошмар – это только начало: дорога к новой жизни потребует от них поистине нечеловеческих усилий.

notes

Примечания

1

Ты лучшая младшая сестра во всем мире *(исп.)*.

2

Здесь и далее стихи в *пер. Е. Чевкиной*.

3

«Мост над мутной водой» (англ.).